

W 36
WI 437

ИЗЪ УКРАИНЫ.

СКАЗКИ И ПОВѢСТИ

П. ДАНИЛЕВСКАГО.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ I.

СКАЗКИ И ПОВѢСТИ.



1. Снѣгурка. — 2. Живое озеро. — 3. Братъ и сестра. —
4. Младенцы-утопленники. — 5. Лѣсная хатка. — 6. Дѣдовы
козы. — 7. Живая свирѣль. — 8. Смоляной бычокъ. — 9. Крым-
скій плѣнникъ. — 10. Бѣсы. — 11. Каратышка. — 12. Сказка
про куму-лисицу, пастуха, рыболова и возницу — 13. Ивашко. —
14. Путь къ солнцу. — 15. Сонъ въ майскую ночь. — 16. Смерть. —
17. Папортникъ. — 18. Доля. — 19. Оборотень.
Очерки XVII вѣка: 1. Соколиная охота. — 2. Двѣ зарі.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Торговаго Дома С. Струговщикова, Г. Похитонова, Н. Водова и К^о.

1860.

СВЯТЫЙ И ПОВЕДЕНІЕ

П. ДАНИИЛОВА

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 2 Декабря 1859 года.

ЧАСТЬ I

Ценсоръ *Обертъ*.

СВЯТЫЙ И ПОВЕДЕНІЕ

1. (вступокъ) — 2. Живое слово — 3. Братъ и сестра —
 4. Милосердіе — 5. Благая воля — 6. Милосердіе —
 7. Живая воля — 8. Милосердіе — 9. Благая воля —
 10. Милосердіе — 11. Благая воля — 12. Милосердіе —
 13. Благая воля — 14. Милосердіе — 15. Благая воля —
 16. Милосердіе — 17. Благая воля — 18. Милосердіе —
 19. Благая воля — 20. Милосердіе — 21. Благая воля —
 22. Милосердіе — 23. Благая воля — 24. Милосердіе —



2007052579

САНКТИПЕТЕРБУРГЪ

Типографія Топографическаго Департамента Военнаго Министерства, Н. Волкова и др.

1860

Оставляя на судъ читателей мое изданіе украинскихъ сказокъ и повѣстей, я позволяю себѣ на этихъ, уступаемыхъ каждому авторскому самолюбію, страницахъ предисловія, сказать нѣсколько словъ о моихъ сказкахъ.

Украинскія простонародныя сказки принадлежатъ къ тѣмъ явленіямъ южно-русской жизни, которыя, къ сожалѣнію, неозвратно и на глазахъ всѣхъ, ежедневно умираютъ, за одно со многими живописными сторонами украинскаго быта. Кто ребенкомъ еще, двадцать или тридцать лѣтъ назадъ, слышалъ ихъ множество, въ какомъ-нибудь затаѣнномъ уголкѣ своей родины, теперь ихъ тамъ уже не найдетъ и десятой доли.—«Няня, помнишь, ты мнѣ говорила удивительную сказку про Мышиную шубку, про Удада и про Жабку-букавку? Не вспомнишь-ли? Расскажи теперь!» — «И, пѣночку! Не вспомню! То уже было такъ давно, что и быліемъ по-

росло!» — «А не вспомнишь-ли ты сказки про Царя Ирода и про то, какъ Господь и Апостоль Петръ нищими ходили по землѣ?» — «Не вспомню и-этихъ! Сказано, память, какъ рѣшето стала!.....»

Но раннія впечатлѣнія дѣтства, наперекоръ нянямъ и забывчивымъ сверетникамъ, упорно остаются въ памяти. Иной и не отвѣтитъ, какъ заронилась въ немъ извѣстная сказка. Она пройдетъ съ нимъ всю жизнь, до конца, нераздѣльно со многими другими, дорогими картинами дѣтскихъ воспоминаній: съ низенькимъ домикомъ, въ три окошка, подъ соломенной крышей; съ заглохшимъ вишневымъ садомъ; съ кухнею, у которой постоянно раздавался веселый голосъ краснобая—повара, теперь уже покойника; съ усиленной дѣтской бѣготней въ холодноватые, румяные осенніе сумерки, въ околицу хутора и обратно; и съ тѣми длинными зимними вечерами, когда, по мѣстному повѣрью «можно уже говорить сказки» не боясь, что отъ нихъ, какъ на примѣръ лѣтомъ, будутъ падать овцы и коровы.....

Разумѣется, сказки говоритъ старая-престарая баба Ульяна или дѣдъ Дѳорошъ. Сказки давно уже кончены;

свѣтъ въ хатѣ давно потухъ. А у изголовья постели всю ночь, до утра, стоитъ и не отходить смоляной бычокъ, выручающій хозяевъ изъ бѣдности; зоветъ гусей на помощь Ивашко, котораго хочетъ съѣсть вѣдьма; звенить жалобный голосокъ красавицы—рыбки, бывшей когда-то хуторянокъ; стучить въ лѣсу дощечка, поджидающая въ гости страшную кобылю-голову; шепчутся и шелестятъ всякія травы, которыхъ понимаетъ бѣдный казакъ—плѣнникъ въ Крыму; отзывается голосъ брата, обращеннаго въ козленка; поетъ переселенная въ свирѣль душа зарѣзанной дѣвочки; юлитъ носатый каратышка; солнце бесѣдуетъ съ матерью—зарюю вечернею; и карабкаются въ потемкахъ, по потолку и по кровати, крохотныя, какъ мушки, души младенцевъ—утопленниковъ; а изъ-за угла выглядываютъ рога лукавой—kozy и уши плутяги изъ плутягъ, пронырливой лисички—сестрички...

Старина любила сказки. Шумно доигрывая концертъ своей привольной, хотя и безпутной жизни, наши предки любили, подобно герою несравненной повѣсти Дадля, сказать подъ вечеръ своему слугѣ: «Ну, теперь же ты меня положи, да укрой, да подоткни; а теперь

перекрести меня, а теперь скажи сказку; а уже засну я самъ...»—Нынче наши народныя сказки стали замѣтно исчезать и перерождаться, вмѣстѣ съ нашими народными пѣснями, создавшими такого поэта, какъ авторъ «Гайдамаковъ»...

Первый познакомилъ читателей съ южно-русскою народною сказкой г. Бодянской, подъ именемъ Иськи Материнки, напечатавшій, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, три сказки на украинскомъ нарѣчїи. Извѣстные южно-русскіе писатели наши М. А. Максимовичъ и П. А. Кулишъ также издали въ подстрочномъ переводѣ и въ подлинникѣ нѣсколько южно-русскихъ сказокъ. В. И. Даль передѣлалъ въ повѣсть извѣстную нашу сказку про лисицу и волка. Наконецъ г. Афанасьевъ издалъ, въ своемъ извѣстномъ собранїи, образцы до-словно записанныхъ съ языка народа южно-русскихъ сказокъ. Послѣдній видъ изданія народныхъ сказокъ самый лучший и необходимый, но не вполне доступный русскимъ читателямъ....

Изъ цѣлаго ряда собранныхъ и записанныхъ мною украинскихъ сказокъ я выбиралъ болѣе поэтическія и болѣе подходящія къ русской рѣчи. Сказка не пѣсня.

Пѣсня изъ вѣка въ вѣкъ переходитъ почти въ одномъ и томъ-же видѣ, закалённая и, такъ сказать, запаянная въ извѣстный размѣръ стиха и напѣва. Для нея возможенъ одинъ только родъ художественной передачи—дословный переводъ. — Сказка другое дѣло. Въ ней дорогъ прежде всего и болѣе всего самый вымыселъ, ея мифъ, ея плѣнительные, вѣками созданные образы. Разсказывается она почти всегда «своими словами»... Неизмѣнными передаются въ ней одни тѣ вставочныя мѣста, гдѣ герои сказокъ, дѣти, звѣрки или птицы, поютъ. И замѣчательно, что эти мѣста не только, въ противоположность всей сказкѣ, передаются въ стихахъ, но еще именно и непременно поются. Въ сказкахъ каждаго народа есть непужныя длинноты и частыя повторенія однихъ и тѣхъ-же мѣстъ. Я передавалъ сказки, сокращая въ нихъ одни повторенія и за то сохраняя каждое мѣткое и живописное ихъ выраженіе. Дословно переводя въ этихъ сказкахъ одни слова напѣвовъ и вѣками привитыхъ къ нимъ прибаутокъ и присловіи, я искалъ для выбранныхъ мною сказокъ, между прочимъ, и неулови-

мыхъ особенностей языка ихъ подлинниковъ: простоты и сжатости образовъ.....

Насколько я въ этомъ успѣлъ, передаю на судъ читателей.

Г. ДАНИЛЕВСКИЙ.

20 Декабря 1859 г.

С. Петербургъ.

Примѣчаніе. Въ настоящемъ сборникѣ, къ 1-й части, гдѣ помѣщены украинскія сказки, прибавлены два очерка изъ великорусской жизни; остальные двѣ части изданія заключаютъ въ себѣ повѣсти и очерки, взятые изъ украинской жизни.

УКРАЙНСКІЯ СКАЗКИ.

I.

СНѢГУРКА.

Жиль да былъ старикъ съ старухой;

Не было у нихъ дѣтей.

И сидѣли подъ окошкомъ,

Горевали дѣдъ и баба;

А на улицѣ надъ рѣчкой,

Вереница ребятишекъ

Гору снѣжную лѣпила.

Вотъ и спрашиваетъ баба:

«Не пойдти ли, человѣчѣ,

«Намъ на улицу съ тобою?»

— «А и въ самомъ дѣлѣ, баба!»

Отвѣчаетъ дѣдъ на это.

И пары лѣпить изъ снѣгу

Начинають дѣдъ и баба.

«Что вы дѣлаете, старцы?»

Молвить, кланяясь, прохожій —

Старый, дряхлый, съ бородою.

— «Лѣпимъ дитятко!» съ усмѣшкой,

Отвѣчаютъ дѣдъ и баба.

«Помогай же Богъ вамъ, старцы!»

Молвить, кланяясь, прохожій

И за рѣчкой исчезаетъ...

Лѣпитъ дѣдъ изъ снѣгу ножки,

Лѣпитъ носикъ, лѣпитъ ротикъ;

Только вдругъ изъ губокъ бѣлыхъ

Теплый паръ повѣялъ струйкой,

Глазки синіе раскрылись —

И красавица снѣгурка,

Отряхая мягкій иней,

Передъ старцемъ встрепенулась,

Встрепенулась, какъ живая.

«Крошка!» молвила старуха:

«Будь отнынѣ нашей дочкой!»

И, въ тулупъ закутавъ теплый,

Унесла снѣгурку въ хату.

Вотъ идутъ за днями ночи,

За ночами дни проходятъ;

Не по днямъ, а по минутамъ,

Хорошѣетъ и милѣетъ

Русокудрая снѣгурка.
Не успѣлъ старикъ съ старухой
Осмотрѣться, оглядѣться,
Стала дѣвочкой—рѣзвухой
Русокудрая снѣгурка.

Не успѣлъ старикъ съ старухой
Справить ей на косы ленты,
А на шубку позументы,
Стала пышною невѣстой
Русокудрая снѣгурка.

И, почуявъ плодъ созрѣлый,
Женихи, какъ листья въ осень,
Къ нимъ посыпались въ ворота!
Всѣмъ была она красотка,
Только вовсе безъ румянцу,
Безъ одной кровинки въ тѣлѣ;
Да еще бывала рада
Тучамъ, будто милымъ сестрамъ,
Вольной бурямъ да метелямъ,
Будто сватѣямъ да золовкамъ,
А туману — словно брату...

Только вотъ, пахнуло жаромъ,
Потянулъ весенній вѣтеръ
И затаяли потоки...
И, когда пахнуло жаромъ,

Потянулъ весенній вѣтеръ
И затаяли потоки, —
Призадумалась, замолкла
И головкою поникла
Русокудрая снѣгурка...

Разъ, зарей вечерней было,
Все кругомъ лилося, плыло, —
Вышелъ дѣдъ, присѣлъ у двери
И старухѣ тихо молвилъ:
«Посмотри, какую павой
«Выступаетъ наша дочка!»
А красавица-снѣгурка,
Отъ рѣки, промежь заборовъ,
Коромысло взявъ на плечи,
Шла, былинкой изгибаясь
И былинкой колыхаясь,
Вся въ дукатахъ, вся въ гранатахъ,
Шла по улицѣ широкой.
Только вдругъ остановилась,
Пошатнулась, оступилась —
И тихонько стала таять,
Стала таять словно свѣчка,
Заклубилась легкимъ паромъ,
Тихо въ облачко свернулась
И въ лучахъ зари исчезла...

Прибѣжали дѣдъ и баба,
Громко ахнули и долго —
Долго, слѣдъ ея теряя,
Въ небо темное глядѣли.

II.

ЖИВОЕ ОЗЕРО.

Какъ-то по озеру съ удочкой ѣздилъ рыбакъ въ перелѣскѣ;

Рыба почти не ловилась и сталъ онъ домой собираться.

Вдругъ и поймалась одна, да такая красивая рыбка,

Что ни перомъ описать, ни въ словахъ рассказать не сдумѣешь.

Чуть онъ въ ведёрко успѣлъ перебросить вертлявую рыбку,

Тихо предъ нимъ поднялась надъ пучиною рыбка по-старше, —

Блѣдная вся, будто кто испугалъ ее, вышла наружу

И человѣческимъ голосомъ вскрикнула такъ надъ водою:

— «Гдѣ ты, дитя мое, гдѣ ты, моя неразумная рыбка?

«Стадо пора загонять; погляди, закатилося солнце...

«Гдѣ ты, откликнись, дитя! али хищная цапля рѣчная

«Въ когти изъ волнъ подхватила тебя, моя рыбка
родная?»

Долго сновала по озеру, въ страхъ и въ трепетъ рыбка;
Долго рыбакъ, опустивши весло, съ челнока диво-
вался...

Взялъ на-послѣдокъ ведро онъ, привсталъ и откликнулся
рыбкѣ:

— «Вотъ твое дитяtko, вотъ; ты возьми свою дочку,
пожалуй,

«Но уговоръ лучше денегъ: повѣдай по истинной
правдѣ,

«Что ты за диво сама, и какія края ваши воды?»

Быстро плеснувшись въ водѣ и уставя пугливыя
глазки,

Такъ начала говорить замирающимъ голосомъ рыбка:

— «Охъ человѣкъ, много лѣтъ той порѣ, какъ на этой
полянкѣ,

«Вмѣсто воды, камышей и кустовъ, красовалась сло-
бодка;

«Въ шумной слободкѣ жила на дворѣ на широкомъ,
молодка.

«Много добра и богатства у ней по амбарамъ лежало,

«Много далекихъ купцовъ и мірянъ къ ней во дворѣ
заѣзжало.

- «Разъ, о полудни, она на крыльцѣ на тесовомъ сидѣла:
«Дочь на рукахъ убаюкавъ, съ крыльца за ворота
глядѣла,
«Видить, идетъ отъ села человѣкъ, утомился бѣдняга—
«Низко поклоны кладетъ у воротъ и у оконъ слободки;
«Просить онъ ковшикъ студеной воды у ребятъ и у
старшихъ...
«Только не слышатъ ребята, играютъ себѣ по затишьямъ;
«Старшіе, кто на гумнѣ, кто съ иглой али съ пряжей
успѣся.
«Вотъ, подошелъ онъ ко мнѣ, говоритъ: «Твоя хижина
съ краю,
«Глушь за тобой и поля; я-жь погляди, отъ жары
изнываю;
«Встань, захвати гдѣ-нибудь мнѣ хоть каплю водицы
студеной!
«Умъ ли померкъ у меня, и теперь разгадать не умѣю;
«Только въ отвѣтъ старику я промолвила такъ, усмѣхаясь:
— «Какъ, старина, разбудить, какъ покинуть мнѣ ма-
лую дочку?
«Хочешь напиться, такъ вонъ, погляди, и ручей подъ
горою;
«Подемъ успѣешь дойти, и авось не умрешь на до-
рогъ,—
«Здѣсь же у насъ, въ слободѣ, ты и капли воды не
отыщешь!

«Странникъ поникъ головой, и, какъ тѣнь, изъ околицы
вышелъ...

«Вдругъ, слышу я, въ тишинѣ, по околицѣ звуки не-
сутся;

«Точно посыпался градъ, али гдѣ-то западали зерна...

«Вижу и замеръ мой духъ, на столѣ самъ собой, за
порогомъ,

«Брызнулъ кувшинъ, а за нимъ, у дверей изъ печурки
плеснуло;

«Возлѣ изъ погреба струйка воды, словно дымъ, под-
нялася;

«Миски, лоханки и ведра всплываютъ, несутся къ во-
ротамъ,

«Имъ же на встрѣчу, смотрю, выбѣгаютъ другіе потоки!
«Въ ближнихъ дворахъ таже притча: всплываютъ шесты
и заборы...

«И, не опомнилась я, какъ кругомъ берега поднялися;

«Зелено стало въ глазахъ; колыхаясь, осѣла слободка;

«Тамъ же, вверху, какъ туманъ, заходили студенныя
волны...

«Ты не дивися, рыбакъ, если въ озеро днемъ ты по-
смотришь;

«Темныя кочки на днѣ—это хижины нашей слободки;

«Мелкія травки—сады, а ложбинки—пруды да колодцы.

«Ранней зарею, пока не шелохнулись по лѣсу листья,

«Съ берега ухо наставь ты къ водѣ, тутъ сейчасъ и
услышишь —

«Какъ далеко-далеко, подь тобой, въ потопленной сло-
бодкѣ,

«Вѣтеръ по кровлямъ шумить, словно плещутся мелкія
струйки,

«Куры кудахчуть, пѣтухъ на гумнѣ заливается звонко,

«И раздаются въ водѣ колокольные тихіе звуки,

«Будто засохшій тростникъ раскололся и, чуть дунеть
вѣтеръ,

«Тихо звенить надъ водой, надъ пустыннымъ при-
брежьемъ качаясь!»

Рыбка замолкла, едва отливаясь на зыби стемнѣвшей;
Въ волны ей бросилъ рыбакъ цѣлыхъ сутокъ добычу
обратно;

И привязавши челнокъ межъ осокой, обратно въ по-
темкахъ

Вышелъ на берегъ, безлюдный и дикій, съ пустыми
руками.

III.

БРАТЪ И СЕСТРА.

Жили были сироточки;
Пошли они искать себѣ
Промежь людей пристанища.
Не день идуть, не два идуть,
И стала ихъ жара палить;
Измучились путемъ они —
Путемъ чудо увидѣли...
На встрѣчу имъ мужикъ идетъ,
Зеленый весь, съ зеленою
Повозкою и лошадыю.
— «Не видѣлъ ли ты, дядюшка,
«Ручья путемъ—дорогою?»
— «Не видѣлъ я ручья путемъ;
«А видѣлъ я, межъ двухъ дубовъ,
«Пробилъ ногой конь ямочку, —

«И въ ней съ дождя воды глотокъ!»
 Хотѣлъ испить усталый братъ,
 Сестра ему въ отвѣтъ на то:
 — «Не пей, не пей, Ивашечко,
 «Не пей, конемъ прикинешься!»

Пошли опять съ сестрою братъ,
 Опять жарой измучились,
 Опять чудо увидѣли:
 На встрѣчу имъ мужикъ идетъ,
 Весь огненный, какъ жаръ горитъ,
 И огненныхъ воловъ ведетъ.
 — «Не видѣлъ ли ты, дядюшка,
 «Ручья путемъ—дорогою?»
 — «Не видѣлъ я ручья путемъ;
 «А видѣлъ я, край пахати,
 «Пробилъ ногой волъ ямочку —
 «И въ ней съ дождя воды глотокъ!»
 Хотѣлъ испить усталый братъ;
 Сестра ему въ отвѣтъ на то:
 — «Не пей, не пей, Ивашечко,
 «Не пей, воломъ прикинешься!»

Пошли опять съ сестрою братъ,
 Опять жарой измучились,
 Опять чудо увидѣли:

На встрѣчу имъ мужикъ идетъ,
 Весь бѣлый самъ, какъ въ саванѣ,
 И бѣлаго козла ведетъ...

— «Не видѣлъ ли ты, дядюшка,
 «Ручья путемъ—дорогою?»

— «Не видѣлъ я ручья путемъ;

«А видѣлъ я, подъ горкою,

«Ступалъ козелъ копытцами,

«Пробилъ въ землѣ двѣ ямочки —

«И въ нихъ съ дождя воды глотокъ!»

Хотѣлъ испить усталый братъ,

Сестра ему въ отвѣтъ на то:

— «Не пей, не пей, Ивашечко,

«Не пей, козломъ прикинешься!»

Сестра соснуть къ копьѣ легла;

Усталый братъ — ослушался...

Испилъ воды съ земли сырой

И козликомъ прикинулся!

Онъ сталъ мохнать, съ бородкою,

И съ рожками, и съ хвостикомъ;

Пошелъ бляеть по козьему,

Траву щипать по рытвинамъ...

Сестра его, какъ вскинулась,

Увидѣла и ахнула! —

Усѣлася къ копьѣ она,

Плететь косу, рыдаючи,
Поетъ съ утра до вечера :
— «Пасись, пасись, Ивашечко,
«Тебя въ лугахъ не кину я,
«Не дамъ волкамъ на пагубу!»
Взошла заря вечерняя ;
Домой спѣшитъ богатый панъ,
Увидѣлъ онъ сироточку,
Послалъ слугу узнать, о чемъ
Она въ лугахъ печалится,
Печалится, кручинится.
Узналъ и сталъ просить ее :
— «Пойдемъ, пойдемъ, сироточка ;
«Тебѣ я дамъ пристанище,
«А козлика рогатаго
«Я выкормлю и выращу,
«На всемъ добръ на роскошѣ,
«На всѣхъ моихъ на радостяхъ!»

Пошла къ нему сироточка ;
За всѣмъ глядитъ, ночей не спитъ,
Ночей не спитъ, работаетъ.
Да вдругъ опять и начала
Печалиться, кручиниться...
Что день — глядитъ на улицу,
Зарей стада съ полей идутъ,

Идутъ съ полей сытѣхоньки;
Одинъ козелъ, понурившись,
Съ полей идетъ непоенный
Непоенный, некормленный;
Всю ночь стоитъ у закровъ,
Солому рветъ съ плетней и крышъ...
Подумавши, хозяйна
Давай она просить—молить;
И радъ бы онъ помочь бѣдѣ:
Жена, вѣдьма сердитая,
Сердитая, ревнивая,
Приказъ даетъ козла томить,
На зло держать голоднаго...
Пошла сестра зарей къ рѣкѣ,
Подумала, поплакала,
Да съ берега и бросилась —
На дно, въ рѣку широкую...

Пришелъ къ рѣкѣ козленочекъ:
Дрожить, кричить у берега:
— «Сестра, сестра родимая!
«Ты встань ко мнѣ, ты выгляни;
«Меня, козла рогатаго,
«Колоть хотятъ, губить хотятъ;
«Народъ сидитъ по лавочкамъ,
«А панъ стоитъ у горенки;

«Ему жена сердитая
«Приказъ даетъ губить меня,
«Ловить меня у рѣченьки,
«Бросать въ котлы кипучіе!»
Со dna рѣки сестра ему
Отвѣтъ даетъ, рыдаючи
И вынырнувъ до пояся:
— «Охъ, братъ ты мой, Ивашечко!
«Не встать ужъ мнѣ, не выплысти;
«Пески въ водѣ усыпали
«Всю косу мнѣ, всю русую;
«Въ камышъ руки увязнули;
«А сердце мнѣ змѣя тоска,
«Змѣя тоска сердитая,
«Сосеть грызетъ безъ устами!»

—

Сестра въ водѣ осталася,
На днѣ сыромъ русалкою —
Зачѣмъ тоски не вынесла;
А козлика зарѣзали, —
Зачѣмъ сестры не слушался!

—

IV.

МЛАДЕНЦЫ—УТОПЛЕННИКИ.

Жилъ себѣ человѣкъ небогатый,
Съ молодою женою и съ сыномъ.

Разъ ходилъ онъ по нивѣ за плугомъ,
Видитъ, возлѣ за нимъ по полянѣ,
Ходитъ старецъ, съ сѣдой бородою,
Съ бородою сѣдою по поясъ.

Вотъ и сталъ человѣкъ небогатый

Говорить за работою старцу :

— «Ты скажи мнѣ, скажи, человѣчѣ,

«Для чего за волами ты ходишь,

«И какая тебѣ въ томъ охота?»»

Отвѣчалъ ему старецъ прохожій :

— «Для того я хожу за волами,

«Что хочу у тебя допытаться :

«Ты скажи мнѣ, по правдѣ, по чистой,
«Легче—ль юношѣ тяжкое горе,
«Или дряхлому, старому старцу?»
Отвѣчалъ человекъ небогатый:
— «Легче юношѣ тяжкое горе,
«А не дряхлому, старому старцу!»
Тутъ, едва онъ слова тѣ промолвилъ,
Надъ поляною старца не стало;
Обломались колеса у плуга
И волы на траву повалились...

Воротился домой горемыка,
Ни двора, ни хозяйки, ни сына —
Все огнемъ у него погорѣло!
Поглядѣлъ на свое пепелище,
Покачалъ головой горемыка,
И пошелъ наниматься по людямъ,
Горе лютое мыкать по свѣту.

Не сгорѣлъ его сынъ, не погибнулъ;
Приключилось съ нимъ дивное диво...
Онъ сидѣлъ въ тростникъ надъ водою,
Въ тростникъ удилъ удочкой рыбу,
И поймалъ онъ рѣчную плотичку;
Изъ воды потянулъ онъ плотичку,
Только вдругъ краснопѣрая рыбка

Встрепенулась въ волнахъ, окунулась,
И на дно за собой утащила,
Вмѣстѣ съ удочкой въ волны малютку...

Ненагляднаго гостя плотичка
Посадила на чистый песочекъ;
Волосенки ему расчесала,
Расчесала зубчатой чешуйкой,
Изъ травы нацѣпила кафтанчикъ,
Изъ цвѣтныхъ стебельковъ поясочекъ,
И проворныя ножки въ сапожки,
Въ золотые сапожки обула.

Сталъ играть день и ночь у плотички,
По рѣкѣ по широкой малютка;
Съ красноперыми дѣтками рыбки,
Сталъ изъ раковинъ домики строить,
Изъ песку городить огороды:
И такіе жъ, какъ самъ онъ, малютки
Отовсюду къ нему собралися,
Между игоръ въ цари и владыки
Надъ собою избрали малютку;
И забылъ подъ водою онъ землю,
И отца и родимую хатку...
Такъ промчались многія годы!

А отецъ его съ лютаго горя,
Одряхлѣлъ, посѣдѣлъ, обезсилѣлъ
И, съ клюкой да съ сумой за плечами,
Захотѣлъ поглядѣть на бывшее,
На родное свое пепелище.
Онъ пошелъ, сирота неутѣшный,
Городами, лѣсами, полями;
Дотащился до нивы родимой,
Поглядѣлъ, опустился надъ рѣчкой
И склонился на грудь головою...

Той порой, въ своемъ войскомъ веселымъ,
Въ тростникахъ потѣшался малютка;
Изъ воды золотую головку,
Всю облитую пѣной жемчужной,
Тихо высунулъ, глянулъ на берегъ,
И отъ жалости чуть не заплакалъ...
Видитъ онъ, надъ широкой рѣкою,
Пригорюнился старецъ прохожій,
И тихонько надъ рѣчкою плачетъ,
Плачетъ, словно забытый ребенокъ...

Въ тростники опустился малютка,
Сталъ скликать свое вѣрное войско,
Сталъ скликать и при всемъ народѣ,
Разказалъ, что онъ видѣлъ на свѣтѣ...

Разшумѣлося рѣзвое войско
И такой приговоръ положило :
« Это , вѣрно , рѣчная плотичка
« Разобидѣла бѣднаго старца ;
« Бросимъ мы , всѣмъ народомъ , плотичку ,
« И утѣшимъ печальнаго старца ! »

По цвѣтамъ , по кусточкамъ малютки
Другъ за дружкой вышли на берегъ ;
Подглядѣли , межъ травокъ и листьевъ ,
Какъ заснулъ разобиженный старецъ —
И усыпали соннаго старца
Потихоньку лѣсными цвѣтами ;
Наносили въ суму его всякихъ
Спѣлыхъ ягодъ , плодовъ и кореньевъ ,
И еще , вокругъ него , изъ жемчужинъ
Серебристыхъ настроили горокъ ...

Надъ поляной заря занялася ,
Какъ старикъ ото сна пробудился ;
Пробудился и видять малютки ,
Онъ привсталъ надъ рѣкою широкой ,
На цвѣты , на жемчужины глянулъ ,
И , съ усмѣшкой горькою , примолвилъ :
— « Нѣтъ ! ошибся въ своемъ расчетъ !
« Мыкать горе не юношѣ легче ;

« Легче старцу ; его никакая
« Веселить уже радость не можетъ ;
« Никакое богатство на свѣтъ
« Старику—сиротѣ не утѣха ! »

Изумились кудрявыя крошки,
Изумились , и дружка за дружкой
Поднялись надъ зеленой дубравой...

Той порой надъ зеленой дубравой
Паутинное льто стояло, —
По горамъ до доламъ паутинки
Надъ землей до небесъ протянулись,
Надъ землей , колыхаясь , летѣли...
И по тѣмъ золотымъ паутинкамъ,
Какъ по нитямъ развѣшенныхъ лѣстницъ,
Поднялися на воздухъ малютки,
Поднялися и, зарею пурпурной
Освященные въ небѣ , какъ свѣчки,
Въ облакахъ голубыхъ утонули...

ЛѢСНАЯ ХАТКА.

Какъ жили, да были старикъ и старуха,
У старой и стараго было по дочкѣ.

Вотъ баба и стала приказывать дѣду:

«Вези, старый хрѣнъ, со двора свою дочку,

«Вези, куда знаешь, вези, да и только!»

Старикъ не перечить, беретъ свою дочку,
Везетъ ее лѣсомъ, — въ лѣсу стоитъ хатка.

— «Сиди, моя дочка, сиди — дожидайся,

«Пока я въ овражекѣ схожу за дровами!»

Старикъ поспѣшаетъ, тихонько цѣпляетъ,

У самой у хатки, на вѣтку дощечку...

Дощечка отъ вѣтра стучить по березкѣ,

Долбитъ, словно дятель, о бѣлую кору...

Ждетъ дѣдова дочка, сама размышляетъ:

«То батюшка рубить въ оврагѣ поленья!»

Дощечка вертится, стучить по березкѣ,
Румяная зорька по залѣсью гаснетъ,
А дѣдъ не приходитъ съ дровами изъ лѣса!
Вотъ стало темнѣе, кругомъ затихаетъ;
И вдругъ въ отдаленіи послышался шелестъ,
Стучить и гремитъ, сукъ за сучомъ ломаетъ,
Безъ ногъ «Голова Лошадиная» мчится...
Къ избѣ Голова подкатилась и молвить:
«Дѣвчонка, дѣвчонка! открой мнѣ ворота!»
Послушалась дѣдова дочка, открыва.
«Дѣвчонка, дѣвчонка! съ порога на лавку
«Меня посади ты, мена накорми ты
«И спать на постелю меня уложи ты!»
Послушалась дочка: ее посадила,
Ее накормила, въ постель уложила
И сказки ей на ночь еще говорила...
— «Дѣвчонка, дѣвчонка! теперь полѣзай ты
«Мнѣ въ лѣвое ухо, а въ правое вылѣзь;
«Тебя награжу за почетъ, за службу!»
Тутъ дѣдова дочка, не молвя ни слова,
Нагнулась, полѣзла ей въ лѣвое ухо,
А правымъ наружу, какъ дверкою, вышла...
И стала она красоты несказанной,
Царевной садилась въ рыдванъ золоченый,
Серебряный конь ее вывезъ изъ лѣса;
Путемъ на слободку она заѣзжала,

Отца старика всѣмъ на свѣтѣ дарила —
Казной золотой, жемчугомъ и одежей.
И всѣ выбѣгали—глядѣли, какъ ѣдетъ
Царевна въ свои государскія земли...

По долгу ли, нѣтъ ли, за холодомъ зимнимъ,
Опять затеплѣло по бѣлому свѣту;
Опять стала баба приказывать дѣду:
— «Вези ты теперь, старый хрѣнъ, мою дочку,
«Куда завозилъ и свою, да скорѣе!»
Старикъ не перечить, беретъ ея дочку,
А дочка была преехидное зелье;
Она и руками, она и ногами,
Да только осилилъ ее старичина:
Вотъ ѣдетъ онъ лѣсомъ, въ лѣсу стоитъ хатка..
И сталъ говорить онъ: «Сиди — дожидайся,
«Пока я въ овражекъ схожу за дровами!»
Старикъ поспѣшаетъ, тихонько цѣпляется
У самой у хатки на вѣтку дощечку...
Дощечка отъ вѣтра стучитъ по березкѣ,
Долбитъ, словно дятель, о бѣлую кору...
Ждетъ бабина дочка, въ сердцахъ размышляетъ:
— «Когдабъ его волки скорѣе заѣли!
«Сидишь, какъ колода, а толку ни крошки!»
Опять затемнѣло по старому лѣсу;

Опять въ отдаменьи слышался шелестъ.

Стучить и гремитъ, сукъ-за сукомъ ломаетъ,

Безъ ногъ «Голова Лошадиная» мчится...

Къ избѣ Голова подкатилась и молвить:

— «Дѣвчонка, дѣвчонка, открой мнѣ ворота!»

— «Не знатная пàни, сама ты отворишь!»

— «Дѣвчонка, дѣвчонка! съ порога на лавку,

«Меня посади ты, меня накорми ты,

«И спать на постелю меня уложи ты!»

— «Не знатная пàни, сама ты и сядешь,

«Сама ты наѣшься, сама ты и ляжешь!»

— «Дѣвчонка, дѣвчонка! теперь полѣзай ты

«Мнѣ въ лѣвое ухо, а въ правое вылѣзь:

«Тебя награжу за почетъ-за службу!»

Тутъ бабина дочка, уже не переча,

Нагнулась, полѣзла ей въ лѣвое ухо,

А правымъ наружу, какъ дверкою, вышла, —

И стала, да только не пышной царевной,

А старой-престарой, беззубой коргою...

Домой доплѣлася, стучится въ ворота —

Взглянулъ на нее старый дѣдъ, да и плюнулъ.

VI.

ДѢДОВЫ КОЗЫ.

Были козы у стараго дѣда.

Посылалъ старый дѣдъ въ поле дочку,

На привольи пасти свое стадо.

Самъ подъ вечеръ, въ тесовыхъ воротахъ,

Становился онъ въ красныхъ сапожкахъ,

Выжидалъ милыхъ козъ изъ-за сада,

Вопрощалъ у любимаго стада:

— «Козы дорогія,

«Козы непростыя!

«Ѣли ль вы и пили

«Какъ весь день ходили?»

Тутъ выходитъ коза-лиходѣйка,

Говорить громкимъ голосомъ дѣду:

— «Нѣтъ, не ѣли мы, дѣдъ, и не пили,

«Какъ весь день въ чистомъ полѣ ходили!»

«Какъ бѣжали мы черезъ лѣсочекъ,
 «Ухватили кленовый листочекъ;
 «Какъ бѣжали потомъ, надъ рѣкою,
 «Поживилися каплей одною;
 «Только ѣли мы, только и пили,
 «Какъ весь день въ чистомъ полѣ ходили!»

Осерчалъ старый дѣдъ, расходился;
 Сталъ бранить и корить свою дочку:
 — «Не пасла, не кормила ты стада,
 «Наказать тебя, вижу я, надо!»
 И сажалъ онъ ее въ темный погребъ,
 Запиралъ на засовъ въ погребъ двери,
 А на утро заказывалъ сыну,
 На привольи пасти свое стадо.
 И опять чуть лишь день закатился,
 Онъ встрѣчать милыхъ козъ остановился.
 Выходила коза лиходѣйка,
 Громкимъ голосомъ плакалась дѣду...
 Запиралъ подъ замокъ дѣдъ и сына,
 И свою напоследокъ старуху.
 День не спалъ, ночь не спалъ, дивовался,
 Да за умъ ненарокомъ и взялся...

Сапоги надѣвалъ постарѣе,
 Самъ пасти своихъ козъ подымался...
 Накормилъ ихъ травой шелковью,

Напоить ихъ водою ключевою;
 А подѣ вечерь, другою дорогою,
 Обогнавъ ихъ, тихонько въ воротахъ
 Становился онъ въ красныхъ сапожкахъ,
 Выжидалъ милыхъ козъ изъ-за сада,
 Вопросалъ у любимаго стада:

— «Козы дорогія,
 «Козы непростыя!
 «Ѣли-ль вы и пили,
 «Какъ весь день ходили?»

Выходила коза лиходѣйка,
 Громко плакалась старому дѣду:

— «Нѣтъ, не ѣли мы, дѣдъ, и не пили,
 «Какъ весь день въ чистомъ полѣ ходили!
 «Какъ бѣжали мы черезъ лѣсочекъ,
 «Ухватили кленовый листочекъ;
 «Какъ бѣжали потомъ, надъ рѣкою,
 «Поживилися каплей одною;
 «Только ѣли мы, только и пили,
 «Какъ весь день въ чистомъ полѣ ходили!»

Тутъ не вытерпѣлъ дѣдъ, на расправу
 За рога потащилъ лиходѣйку:
 «Лиходѣйка-коза, лиходѣйка,
 «Расплатиться теперь ты съумѣй-ка!»
 И срамилъ онъ ее передъ стадомъ,

Сѣкъ ее за лихія лукавства,
 Снялъ съ боковъ напоследокъ ей кожу
 И пустилъ ее такъ въ чисто поле...

—

Но и тутъ та коза не смирилась,
 Въ перелѣскѣ опять провинилась.
 Прибѣжала въ лисичкину хатку,
 Стала прыгать по окнамъ и лавкамъ,
 На чужое хозяйство насѣлась —
 На чужомъ на хозяйствѣ хотѣла
 Безъ труда и заботъ извернуться!
 Въ свою хатку вернулась лисичка,
 Слышитъ — возится что-то такое...

Постучалась лисичка-сестричка:

— «Кто такой, кто такой въ лисичкиной хаткѣ?»

Завозилась коза за дверями,

Страшнымъ голосомъ ей отвѣчаетъ:

— «Я коза сѣчена,

«Съ боковъ перемѣчена;

«Топъ-топъ ногами,

«Заколю рогами,

«Ножками загребу,

«Хвостикомъ замету!»

Испугалась лисичка-сестричка

Безъ оглядки въ кусты убѣжала;

А навстрѣчу ей сѣренькій зайчикъ

— «Помоги ты мнѣ, сѣренькій зайчикъ!

«Ввѣкъ тебя я за то не забуду:

«У меня, что-то страшное въ хаткѣ!»

Прибѣжали они, тихо зайчикъ

Лапкой стукъ въ затворенныя двери:

— «Кто такой, кто въ лисичкиной хаткѣ?»

Завозилась коза за дверями,

Страшнымъ голосомъ имъ отвѣчаетъ:

— «Я коза съчена,

«Съ боковъ перемѣчена;

«Топъ-топъ ногами,

«Заколю рогами,

«Ножками загребу,

«Хвостикомъ замету!»

Испугалась лисичка-сестричка,

Испугался и сѣренькій зайчикъ:

«Охъ, боюсь я, лисичка-сестричка;

«Лучше мы побѣжимъ за другими!»

И гонялись они вплоть до утра,

Забѣгали во всѣ закоулки,

Приводили съ собой на подмогу

И грача-трубача и лягушку-

Скакуна и ежа-пѣхотинца,

Всѣхъ великихъ звѣрей и звѣрюшекъ...

Но никто самъ собой не рѣшался

Посмотрѣть, кто въ лисичкиной хаткѣ?
И рѣшился лѣнтяй и трусишка,
Ракъ, ползнулъ и хромой лежебока...
Онъ тихонько, ползкомъ, перебрался
За порогъ; увидалъ, что за диво
Расходилось въ лисичкиной хаткѣ,
Поводилъ потихоньку усами,
Да какъ хватить, какъ дернетъ клещами...
Тутъ коза безъ оглядки метнулась
За порогъ изъ лисичкиной хатки...
Ото всѣхъ отъ сторонъ, изъ-за двери,
На нее нападали всѣ звѣри —
И гуртомъ, за лихія лукавства,
Разрывали козу по кусочкамъ!

VII.

ЖИВАЯ СВИРЬЛЬ.

Въ степи нѣмой, пустынно—необъятной,
Въ глуши полей, осыпанныхъ ковылью,
Зеленымъ лопухомъ, янтарной кашкой
И голубымъ разливомъ васильковъ,
Подъ воздухомъ, налитымъ ароматомъ
Клубники, ландышей и дикихъ яблонь,
Лиловыхъ колокольчиковъ и мака,
И розъ и тысячи цѣлебныхъ травъ—
Жилъ пасѣчникъ, казакъ сѣдой и дряхлый,
Съ своей женой да съ малыми дѣтьми...
Онъ день и ночь лѣнился на привольи,
Курилъ табакъ — все думалъ, да молчалъ,
Лежалъ въ тѣни плетня своей землянки,
А на зарѣ стрѣлялъ гусей да утокъ,
Когда порой, пугливой вереницей,

Шумя крыломъ, они надъ нимъ летѣли...
Не спорилъ онъ съ хозяйкою сварливой,
Не выходилъ изъ пасѣки своей
И цѣлые часы въ ней проводилъ,
Въ полудремотѣ, глядя безмятежно
Въ прозрачный, знойный и душистый воздухъ,
А въ воздухъ недвижно и не слышно,
Какъ сонные, какъ пьяные отъ жара,
Предъ нимъ висѣли пестрые жучки,
И комары, и огненные мухи,
И съ трепетными крылышками пчелы...

Однажды поутру сердитая хозяйка
Изъ хаты кликнула своихъ дѣтей,
Двухъ дочерей, да маленькаго сына,
И такъ сказала имъ: «Ступайте, дочки,
«Тамъ за курганомъ, надъ оврагомъ роща,
«А въ рощѣ яблоки теперь поспѣли:
«Нарвите намъ лукошко до обѣда,
«Да кстати ножъ возьмите, лыкъ нарѣжьте,
«И будетъ вамъ по лентѣ на сестру.»

Меньшая дочь обрадовалась, брата
Взяла къ себѣ на ручки и къ оврагу
Пошла, играя весело и звонко
Въ степи задумчиво-безмолвной распѣвая...

Но старшая, которую любила
Лелѣяла и баловала мать,
Надулася сердито и лѣниво
Пошла къ кургану, не дошла до рощи,
Легла подъ камышомъ, на берегу
Ручья изсохшей балки, и заснула...
И снится ей, что у сестры въ косѣ
Красуются двѣ огненные ленты,
А у нея висить на шеѣ лыко!

Вотъ дочь меньшая рветъ себѣ, да рветъ
Кислицы спѣлыя, цвѣты, да груши,
Кладетъ въ лукошко маленькому брату
И ходитъ, пѣсни звонко распѣвая,
А возлѣ тѣнь ея живая ходитъ
И также будто рветъ кислицы... Тихо
Она вошла въ лѣсную глушь... Незримо
Ее пустыня рощи охватила...
И начала она пугаться! Молча,
Кругомъ ея толпилися ракиты;
Дрожали бѣлоствольныя осины;
Качала груша сонной головой,
А черный дубъ, увитый желтымъ хмѣлемъ,
Въ развалинахъ вороньихъ гнѣздъ, громадный,
До половины высохшій, съдыми
И острыми вѣтвями изъ трущобы

Махалъ... Вдали, надъ яворомъ густымъ,
Аукнулась кукушка... Межъ травой
Пугливая скользнула мѣдяница,
И въ воздухъ плавно поднялся орелъ,
Надъ соннымъ байракомъ снуя кругами
И тихо исчезая въ знойномъ небѣ.

Вдругъ, видитъ дѣвушка, на деревцѣ
Два яблока поспѣли золотыя
И прыгаютъ по вѣткѣ, какъ живыя.
Скорѣй она подобрала находку
И безъ оглядки бросилась домой.
На перепутьи къ дому увидала
Ея находку старшая сестра:
— «Постой, да и постой!» ей говоритъ:
«Домой еще успѣешь ты вернуться,
«Лягъ — я тебѣ въ головѣ поищу!»
Сестра меньшая тихо къ ней склонилась,
И, утомленная, заснула тутъ же...

Ехидно улыбнулась злодѣйка
И въ сердце ножъ по ручку ей воткнула!
Малютка, какъ спала, такъ и осталась —
Ни пикнула, словечка не сказала.
Убійца же опомнилась, въ камышъ
Нѣмое тѣло спрятала, и тихо

Вернулась домой съ чужой находкой...

— «А гдѣ жь твоя сестра? Ты съ ней ходила,
«Скажи, куда дѣвалась дочка наша?»

— «А какъ мнѣ знать! я нянькой не была ей,
«И каждый шагъ ея я не слѣдила!

«Подите и ищите вашу дочку...»

Искали всѣ ея; но не сыскали...

И сталъ грустить казакъ и тщетно дочь
Любимую изъ лѣса поджидать.

Жена жь молчала, съ жалостью косилась
На дочку старшую — а дочь худѣла
И все мрачнѣй, да злѣе становилась.

Прошли года, забыли о малюткѣ,

Забыли о ея веселыхъ пѣсняхъ...

И съ горя сталъ казакъ опять лѣниться,

Курить табакъ, стрѣлять по дикимъ уткамъ,

И цѣлые часы лежать межъ ульевъ,

Въ полудремотѣ, глядя безмятежно

Въ прозрачный, знойный и душистый воздухъ,

А въ воздухъ, недвижно и не слышно,

Какъ сонные, какъ пьяные отъ жара,

Предъ нимъ висѣли черные жучки,

И комары и огненные мухи,

И съ трепетными крылышками пчелы...

Молчала вся таинственная степь.

Вотъ выросъ сынъ сѣдаго казака,
А тѣло дочери меньшей покрылось
Землей, пескомъ и пылью бурныхъ вихрей,
Которые кочуютъ по полямъ,
Какъ казаки, спокойно и лѣниво,
То припадая надъ травой, какъ будто
Завидѣвъ недруга, то по курганамъ
На стражѣ стоя черными столбами.

Надъ дикой самородною могилкой
Зарѣзанной сестры, расцвѣлъ камышъ,
Зимой изсохъ и пожелтѣлъ, а къ лѣту
Уже звенѣлъ при шумѣ вѣтерка,
Звенѣлъ и музыкой печальной весь,
По жилкѣ каждой, тихо наполнялся...
Услышалъ эти пѣсни рѣзвый сынъ
Сѣдаго пасѣчника, срубалъ стволъ,
Очистилъ отъ травы и хрупкихъ листьевъ,
Надѣлалъ въ немъ отверстій и принесъ
Домой — а той порой чумаки
Изъ Крыма съ солью проѣзжали мимо
И на ночлегъ у хаты казака
Остановилися гурьбой веселой...

Бесѣда ихъ за ужиномъ тянулася
Тянулася и послѣ. Чумаки

Забывшись, все сидѣли, да болтали
И нехотя свои курили трубки...

Вдругъ раздался межъ ними странный шумъ.

Тревожно стали вслушиваться всё

Въ какіе-то таинственные звуки...

И смолкло все!... И только въ темнотѣ

Одно и слышалось... Чумакъ, съ свѣрѣлю,

Обмѣнянной у сына казака,

Сидѣлъ на опрокинутомъ корытѣ,

Держалъ у губъ своихъ свирѣль, и та,

Какъ оживленная, печально-тихо

И голосомъ младенца напѣвала:

«Потише — тише, братецъ играй;

«Не рази сердца моего въ край!

«Меня сестрица сгубила,

«Ножъ въ мое сердце вонзила,

«За клубочекъ

«Ягодъ,

«За золотое яблочко!»

Переглянулись всё — отъ изумленья

Не смѣя слова молвить!... Вотъ казакъ

Беретъ свирѣль, и та ему поетъ,

Поетъ напѣвомъ, полнымъ слезъ горючихъ:

«Потише, тише отецъ, играй,
 «Не рази сердца моего въ край!
 «Меня сестрица сгубила,
 «Ножъ въ мое сердце вонзила,
 »За клубочекъ
 «Ягодъ,
 «За золотое яблочко!»

Наконецъ народъ зоветъ злодѣйку!...
 Всѣ молчатъ... Она дрожитъ, блѣднѣетъ,
 И свирѣль звучитъ въ ея рукахъ:

«Потише, тише сестра играй,
 «Не рази сердца моего въ край!
 «Меня, сестра, ты сгубила,
 «Ножъ въ мое сердце вонзила,
 «За клубочекъ
 «Ягодъ,
 «За золотое яблочко!»

—)

Чуть заблестала ранняя заря,
 Народъ убійцу вывелъ на поляну,
 И привязалъ ее къ хвосту коня.
 Помчался конь, бичуемый испугомъ,
 Разсвирѣтивъ, и фыркая, и злобно
 Ногами степь широкую взрывая.
 И скрылся онъ за дальнею горой,
 Подъ рощей, у высокаго кургана.

И гдѣ лихая дочка головою
Ударилась, тамъ выросъ дикій тернъ;
Гдѣ русою ударилась косою
Тамъ выросла крапива да бурьянъ;
А гдѣ рукой ударилась грѣховной
Тамъ выросли всё черныя могилы!
Ушелъ народъ, а съ нимъ ушелъ и старый
Казакъ, неся съ собою на плечахъ сына,
И на холмѣ покинутой землянки
Осталася одна старуха мать...
Она къ глазамъ приставила сухую,
Морщинистую руку, устремила
Печальный взоръ за дочкою любимой,
И такъ стояла дни, стояла ночи,
Все поджидая дочки ненаглядной;
И наконецъ отъ грусти обратилась
Въ зеленую раскидистую тополь
Надъ вѣтхою, покинутой землянкой...

VII

СМОЛЯНОЙ БЫЧОКЪ.

Жилъ да былъ старикъ съ старухою.

Вотъ старуха и давай просить:

— «Ты слѣпи мнѣ, дѣдъ, слѣпи бычка

«Изъ смолы изъ вару черного!»

Какъ слѣпилъ старухъ дѣдъ бычка,

Гнала въ степь она пасти его;

Подъ ракитою садилася,

Начинала приговаривать,

Приговаривать—причитывать:

«Ты пасись бычокъ по выгону,

«Пряжу я тѣмъ часомъ выиряду;

«Ты пасись, пасись по травушкѣ,

«По муравушкѣ дубравушкѣ!»

Вотъ ушла старуха съ выгону.

Изъ-за темныхъ горъ медвѣдь бѣжитъ,

Раскричался, разъаукался:

— «Кто такой ты, кто такой,
«Отвѣчай передо мной!»

Смоляной бычокъ въ отвѣтъ ему:

«Такъ и такъ, бычокъ я маленькій,
Изъ простаго вару слаженный!»

Говорить мѣдвѣдь, подумавши:

— «Коль бычокъ ты не простой,
«Коль и вправду смоляной,
«Дай смолы ты мнѣ комокъ,
«Заплатать подбитый бокъ!»

Смоляной бычокъ на эту рѣчь

Не перечить, соглашается.

Принялся медвѣдь смолу сдирать

И завязилъ зубы вострые...

Смотритъ баба, передъ вечеромъ,

Къ воротамъ бычокъ бѣгомъ бѣжить,

Волочѣтъ медвѣдя бураго.

Увидалъ старикъ, разъахался;

Заперъ въ погребъ косолапаго.

А зарей старуха, до свѣту,

Гнала въ поле вновь бычка пасти;

Подъ ракитою садилася,

Начинала приговаривать,

Приговаривать, причитывать...

Не успѣла выйти съ выгона,
Выбѣгаетъ волкъ изъ темныхъ лозъ,
На бычка на одинокаго
Раскричался, разъаукался;
Просить вару, вару чорнаго,
Заплатать подбитый волчій бокъ.
Смоляной бычокъ на эту рѣчь
Не перечить, соглашается.
Заходился волкъ смолу сдирать,
И завязилъ зубы вострые...

Смотритъ баба, передъ вечеромъ,
Къ воротамъ бычокъ бѣгомъ бѣжитъ,
Тащитъ сзади волка сѣраго...
Запиралъ и волка въ погребъ дѣдъ.
Черезъ день опять бычокъ бѣжалъ,
За собой тащилъ къ околицѣ
Онъ лисицу патрикѣевну,
Побродягу и курятницу,
А за ней и зайку бѣлаго,
Зайку бѣлаго прыгучаго,
Скомороха и капустника.

Вотъ когда ихъ понабралось,
Дѣдъ садился передъ погребомъ,
Начиналъ точить на камнѣ ножъ.

Той порой медвѣдь распрашивалъ:

— «Для чего, чего ты, старый дѣдъ,
«У порога точишь вострый ножъ?»

— «Для того, что шубу зимнюю
«Шить мы съ старою задумали!»

— «Ты меня не трогай, дѣдушка!

Говорилъ медвѣдь изъ погреба:

«Прикачу тебѣ за это я

«Бочку меду, меду чистаго!»

Дѣдъ пускалъ на волю мишеньку,

Вновь точилъ на камнѣ вострый ножъ;

Сѣрый волкъ изъ ямы спрашивалъ:

— «Для чего, чего ты, старый дѣдъ,
«У порога точишь вострый ножъ?»

— «Для того, что къ шубѣ шапочку
«Шить мы съ старою задумали!»

— «Ты меня не трогай, дѣдушка!

Говорилъ ему изъ ямы волкъ:

«Отпачу тебѣ за это я,

«Пригоною табунъ коней степныхъ!»

Дѣдъ пускалъ и волка сѣраго,

Вновь садился ножъ точить—вострить

На лису онъ патрикѣевну,

Побродягу и курятницу:

И на зайку косолапаго —

Дѣду старому подспорьеце,

Рукавицы на морозный день
 На метель, на снѣгъ наушники.
 Слезно дѣду оба плакались...
 Притащить лисица старому
 Всякой птицы выкликалася;
 А старухѣ бѣлый заенька
 Всякихъ лентъ, серегъ, узорочья,
 И мониста самоцвѣтнаго...

Выпускалъ на волю старый дѣдъ,
 Выпускалъ лису-курятницу.
 Выпускалъ за ней и заеньку;
 Самъ садился на заваленку,
 Говорилъ съ своей старухою. —

Не успѣла зорька ясная
 Закатиться за околицу,
 Стало слышно, долъ шумить, гудить,
 По горѣ медвѣдь, къ околицѣ,
 Катить бочку меду чистаго;
 Не успѣли звѣзды выглянуть,
 Мѣсяцъ выйти въ небо синее,
 Стало слышно, долъ шумить, гудить,
 Гонить волкъ табунъ коней степныхъ;
 Не успѣли тучки сдвинуться,
 Замолчать, заснуть околица,

Стали слышны крики всякіе:
Ко двору лисица хлыстикомъ
Гонитъ куръ, гусей и лебедей,
Гонитъ съ поля патрикѣевна,
Только машетъ себѣ хвостикомъ;
А ужъ зайка, зайка бѣленькій,
Просто диво сдѣлалъ дивное...

Прибѣжалъ въ село онъ дальнее,
(Посидѣлки тамъ собиралися) —
Подъ порогомъ легъ и ну кричатъ:
— «Охъ, спасите, дѣвки, заеньку;
«Обогрѣйте меня, красныя!»
Взяли дѣвки въ хату заеньку,
Обогрѣли его куцаго,
Скомороха и капустника.
А когда его на радостяхъ
Нарядили дѣвки красныя
Въ ожерелья, въ серьги цѣнныя
И въ монисто самоцвѣтное, —
Началъ бѣгать бѣлый заенька,
По печи скакать, по лавочкамъ,
Да къ окошку ближе, ближе все,
Поглядѣлъ, прыгнулъ и былъ таковъ...
Ужъ и гнался жъ онъ проселками,
Ужъ и гнался жъ онъ окольными...

Прибѣжалъ къ избѣ, запыхавшись,
Переждалъ, маленько духъ отвелъ,
И давай стучать въ окно кричать:
— «Отвори ты двери, бабушка!
«Принимай ты гостя дальняго,
«Гостя дальняго, знакомаго,
«Не съ пустой мошной, съ подарками;
«Полно охать да печалиться,
«Часъ пришелъ и покуражиться!»

И зажили старцы въ радостяхъ,
Въ холѣ, въ волѣ, припѣваючи;
А когда бычокъ догадливый
Сослужилъ имъ службу вѣрную,
Онъ на солнце вышелъ, въ самый жаръ,
И сѣредь двора разсыпался!

IX.

КРЫМСКІЙ ПЛѢННИКЪ.

Жилъ былъ себѣ казакъ Вакула-Цапля,
А по прозванію — Налѣво-Хатка.
Былъ добрый онъ, былъ смирный, былъ непьющій,
Былъ знающій и ласковый казакъ.
Умѣлъ колеса дѣлать, чашки, грабли,
Стругалъ боченки, красилъ веретѣна,
Ходилъ въ сорочкахъ чистыхъ, умывался,
Ходилъ въ кунтушѣ бѣломъ, въ черной шапкѣ,
Въ уму непостижимыхъ шараварахъ
И въ желтомъ кушакѣ; тянулъ махорку,
Брилъ бороду и голову чесалъ!...
Одна бѣда — попался онъ къ татарамъ!

Въ Крыму — раздолье плѣннымъ степнякамъ,
Въ Крыму — житье степной, казацкой лѣни.

Валятся въ ротъ собою сами груши ;
 Безъ просыпу лежишь себѣ подъ вишней!
 Лежишь — и все лежитъ, и спитъ, и мѣветъ!
 И голова лежитъ, и обѣ руки
 Раскинулись привольно и лежатъ...
 Лежатъ и ноги, и кунтушъ, и поясъ,
 И шапка, и усы, и чубъ, и трубка,
 И весь лежишь, какъ будто неживой!
 А тамъ вверху, сквозь сѣтчатую листву,
 Синѣетъ и дрожитъ, какъ пологъ, небо
 И тянутся бороздкой журавли,
 Звеня въ волнахъ сверкающей лазури...
 А здѣсь, внизу, въ душистой, свѣжей травкѣ,
 Жужжитъ подъ ухомъ пѣсня комара...
 И самъ не знаешь, что такое слушать,
 И на какое ухо положитьсь?
 Подумаешь немножко, погадаешь,
 И кончишь тѣмъ, что цѣлый день проспишь!

Козакъ Вакула не жилъ въ подземельи,
 Цѣпей и притѣсеній онъ не зналъ...
 Весь трудъ его по кухнѣ состоялъ:
 Онъ долженъ былъ заботиться душевно,
 Чтобы всего татарамъ было вдоволь
 Наварено, напечено, набито,
 Наложено и налито къ обѣду.

Вакула былъ, какъ сказано, услужливъ
И потому работу исполнялъ.
Но вотъ въ чемъ горе: лютые татары
Ему подъ страхомъ смерти заказали,
Не пробовать того, что онъ варилъ...
Татары все давали казаку;
Онъ кушалъ борщъ, вареники, галушки,
Онъ въ ихъ садахъ роскошныхъ прохлаждался...
И никогда ни въ чемъ онъ не нуждался
И былъ въ Крыму привольнымъ казакомъ!

Взяла тоска Вакулу за работой...
Онъ надъ огнемъ однажды думалъ, думалъ,
И наконецъ хлѣбнулъ изъ чугуна...

Уха, какъ всякая уха! Душиста,
Вкусна, нѣжна и въ жирныхъ поплавкахъ,
Какъ будто вся въ играющихъ червонцахъ.
Вакулѣ отъ ухи не стало легче...
Но вотъ беретъ онъ свой топоръ, беретъ
И за дровами въ темный лѣсъ идетъ.

Лѣсъ также, какъ и всякій лѣсъ... Осины
Стоять, качая тихо головами;
Широкій листъ ихъ сѣтчатыя тѣни

Раскинулъ по долинѣ золотистой.
 На маковкѣ игольчатой сосны
 Грызеть орѣхъ, комкомъ свернувшись бѣлка.
 Въ глухой оврагъ на кучу сѣрыхъ листьевъ
 Спустились два лиловыхъ голубка,
 Легли на солнышко, подъ крылья сладко
 Запрятали головки и лежать...

А тамъ, въ глуши столѣтнихъ, мшистыхъ вязовъ,
 Кричитъ орелъ, и воробей-трусиска
 Изъ-подъ кустовъ несется самъ не свой,
 Дрожить, дыханье въ силу переводить
 И, камнемъ ринувшись, стрѣлой летить
 Въ дупло, подъ сѣнь развѣсистой ракиты...

Прохлада, мгла, дыханье благовоній,
 Нѣмая глушь и свѣжій бархатъ мховъ
 Все это, какъ вездѣ, все это просто..
 Но вотъ что диво: слушаетъ Вакула,
 А старыя деревья говорятъ:
 «Плохая жизнь безъ головы плечамъ,
 «Плохая жизнь и головѣ безъ плечъ!
 «Но хуже нѣтъ несчастія, какъ намъ,
 «Отъ старости живыми въ землю лѣчь!
 «Казакъ, казакъ! Бери топоръ скорѣй...
 «Руби насъ и коли, руби и не жалѣй!»
 А возлѣ нихъ деревья молодыя

И стройные, зеленые кусты,
 Въ отвѣтъ имъ, будто люди, говорятъ:
 «Казакъ! не тронь насъ, мы еще такъ малы!
 «Намъ хочется на волюшкѣ пожить...
 «Намъ любо жить, намъ любви эти скалы
 «И этотъ лѣсъ собою веселить!»
 Пожалъ казакъ плечами, усмѣхнулся,
 И нарубилъ кривыхъ и старыхъ дровъ.



Вотъ онъ домой приходитъ, набралъ сѣна
 И съ нимъ идетъ въ хозяйскую конюшню.
 Какъ человѣкъ, худая лошаденка
 Взглянула на него, дрожа всѣмъ тѣломъ,
 Тревожно дунула ему въ лицо
 И по-людски ему проговорила:
 «Землякъ, землякъ! и я степная птица,
 «И для меня чужая даль — темница...
 «Освободи жь меня, освободи,
 «Въ далекій путь на волю выводи!
 «Не тяжело такъ и рыбъ на безводьѣ,
 «Какъ тяжело сиротинкѣ на безродьѣ...
 «Бери жь сѣдло, гони меня стрѣлой,
 «Мы улетимъ въ родную степь съ тобой!»
 Заговорило сердце казака...
 Онъ поскорѣе вышелъ изъ дверей,

И скоро въ чистомъ полѣ очутился,
Чтобъ разыскать завѣтный путь степей.

Настала ночь, взошелъ надъ высью мѣсяць...
Взглянулъ казакъ на небо, потянулся,
Подумалъ: лучше завтра на зарѣ
Бѣжать — оно и силы больше будетъ
И головы въ потьмахъ не разобьешь!..
Зѣвнулъ, надвинулъ шапку, почесался,
Ползъ за голенище сапога,
Досталъ оттуда трубку и табакъ,
Досталъ камень, истертое огниво,
Прилежно, не спѣша, набилъ махоркой
Коротенькую трубку, придавилъ
Надъ нею трутъ концомъ большаго пальца,
Прилегъ къ землѣ усталой головой
И сталъ курить, курить и наслаждаться
И сталъ дремать въ прохладной тишинѣ...

Вдругъ смотритъ онъ, безчисленныя травы
Качаются на тонкихъ стебелькахъ,
Поводятъ желтыми и голубыми,
Зелеными и алыми цвѣтками,
Поводятъ тихо крохотной головкой
И длинными и круглыми листками...
Какъ пчелы шепчутся и шелестятъ,

Какъ пчелы сонныя, звенять и нѣжно
 Плетуть узоры пѣсни безконечной...
 И музыка таинственное поле
 Воздушными волнами наполняетъ!

И кланяются травы казаку,
 И слушаетъ ихъ рѣчи казачина...
 Очітокъ говоритъ: я отъ запоя!
 Полынь кричитъ: а я отъ лихорадки!
 Колючка увѣряетъ, будто ей
 Давно извѣстно, какъ лечить мозоли.
 Переступень кричитъ: я отъ надрыва!
 Ивнякъ кричитъ: я отъ ужей и змѣй!
 Будякъ отъ ранъ, исопъ отъ зуда въ горлъ,
 Шалфей отъ кашля, півникъ отъ зубовъ,
 Иванъ-да-Марья отъ любви несчастной,
 А деревей отъ боли въ поясницѣ!...
 И всѣхъ ихъ голосъ папороти мелкой
 Надменно покрываетъ: «Кто меня
 Сорветъ, тому всѣ клады стануть видны
 И подъ водой, и въ рѣкахъ и въ лѣсахъ!»
 — «Нѣтъ! кто меня сорветъ, петровъ-батогъ
 Кричитъ: того безсонница замучить
 И не заснетъ онъ надъ своей работой...»
 «А я, звенить малютка сонъ-трава:
 «Я больше всѣхъ васъ, тетушки и дяди,

«Доставлю счастья: кто меня сорветъ,
 «Тотъ сладко и невидимо уснетъ,
 «Надъ всякою работою, надъ сказкой,
 «Надъ долотомъ, надъ прялкой, надъ указкой,
 «Надъ книжицами, словомъ, надъ такимъ,
 «Что мы со сномъ одни лишь побѣдимъ!»

Заслушался рѣчей такихъ Вакула,
 Заслушался и опьянѣлъ, и стали
 Ему въ травѣ являться человѣчки,
 Которые не больше стрекозы
 И ходятъ всѣ въ зеленомъ — и въ рубашкѣ
 Зеленой, и въ зеленыхъ шараварахъ,
 И въ смазанныхъ, зеленыхъ сапогахъ...
 Онъ безъ движенія лежалъ и слушалъ
 Разказы гармоническіе травъ;
 Онъ безъ движенія лежалъ и молча
 Глядѣлъ въ толпы зеленыхъ человѣчковъ...
 Глядѣлъ, курилъ, курилъ и наслаждался;
 А рой годовъ надъ нимъ незримо мчался,
 И заростать казакъ траввою сталъ...
 И такъ сто лѣтъ онъ ровно пролежалъ.

Сто лѣтъ! — Онъ легъ подъ тонкимъ стебелькомъ,
 А всталъ подъ необъятною черешней,
 Подъ деревомъ развѣсистымъ и темнымъ.

Онъ легъ кудрявымъ, бодрымъ казакомъ,
А всталъ съдымъ, беззубымъ старикашкой,
Съ горбомъ и съ полъ-аршинной бородой...
Онъ легъ въ сорочкѣ чистой полотняной,
Онъ легъ въ кунтушѣ бѣломъ, въ черной шапкѣ,
Въ уму непостижимыхъ шароварахъ
И въ желтомъ кушакѣ — а всталъ въ лохмотьяхъ,
Всталъ неумытымъ, дряхлымъ старикомъ...
И только недокуренная трубка
Еще торчала межъ его усовъ. —

Х.

Б Ъ С Ы.

Разъ въ судѣ было дѣло такое:
Сталь богачъ за избенку тягаться
Съ горемычной убогой вдовою.
За него и почетъ и попойки,
И дукаты усердно хлопчуть;
За нее только слезы да горе.
Долго дѣло по судьямъ тянулось;
Разорилась совсѣмъ горемыка.
Богачу не въ избенкѣ находка;
Да себя показать захотѣлось!
Вотъ зовутъ ихъ на судъ на послѣдокъ,
Передъ ними читаютъ рѣшенье:
Обвиняютъ вдову горемыку,
Богачу все отдать присуждаютъ...
Залилася вдова тутъ слезами:

— «То была я бѣдна и убога,
«А теперъ еще стала бѣднѣе!»

Поклонилась она низко судьямъ,
И пошла со двора безъ оглядки.

А богачъ ей кричитъ изъ окошка:

— «Такъ и надо вамъ всѣмъ, попрошайкамъ,
«Чтобъ не очень носы задирали!»

Тутъ откуда предъ нимъ ни возмися,

Человѣчекъ, какъ мушка, весь черный,

Съ бородою, въ очкахъ, съ длиннымъ носомъ

И на тоненькихъ бѣличьихъ лапкахъ.

Говорить богачу съ укоризной:

— «Эхъ ты, свать, какъ тебѣ не зазорно!

«Оттягалъ у вдовы ты избенку,

«Да еще и глумишься надъ нею!»

Раскричался богачъ, расходился:

— «Какъ ты смѣешь соваться съ укоромъ?

«Мое правое чистое дѣло

«Такъ рѣшили законно и вѣрно,

«Что и чорту бѣ во снѣ не приснилось!»

Отозвался ему челѣвчекъ:

— «Какъ тамъ дѣло твое ни рѣшили,

«Только чорта напрасно ты вспомнилъ!»

Съ этимъ словомъ онъ ножкою шаркнулъ,

И пропалъ, какъ сквозь полъ провалился.

По дворамъ разошлись все судьи;
Скоро смерклося и все улеглись.

Только въ самую тихую полночь
Приключилося дивное диво:
Сталъ вставать ото сна цѣлый городъ,
Растворились все окна и двери,
Стали все выбѣгать за ворота...
Вдалекѣ застучали колеса,
Загремѣли о камни подковы...
Въ темнотѣ, межъ дворовъ, тихимъ шагомъ,
Отъ конца до конца черезъ городъ,
Показался невиданный поѣздъ:
Впереди, на огромныхъ носилкахъ,
Поднимая въ ушатѣ чернила
И неся очиненныя перья,
Съ погребальными свѣчками, рядомъ,
Вдоль по улицѣ двигались черти...
И какія все рыма и хари:
На одномъ, на подобіе рака,
Былъ хомутъ, и султанъ, и фуфайка;
На другомъ лошадиная грива
И жидовская старая юбка!
По бокамъ выступали арабы
И въ огромныя трубы трубили;
А за ними тянулись галки,

Пауки, черепахи и мухи;
На повозочкахъ маленькихъ крысы;
На крылатыхъ кузнечикахъ мухи;
На метлахъ бородагыя вѣдьмы;
А съдые столѣтніе бѣсы
Шестерней въ золоченыхъ каретахъ!
Вѣхалъ поѣздъ на главную площадь..
Распахнулись въ судѣ всѣ окошки,
Растворилися на—стежъ всѣ двери.
Стали бѣсы всходить по ступенькамъ,
Вкругъ стола по скамейкамъ садиться,
Вынимать очиненныя перья,
Предъ собою чернилицу ставить.
Они съли рядкомъ, облѣпили
Вкругъ стола погребальныя свѣчки;
И всю ночь, на пролетъ, разбирали
По своимъ по понятіямъ тяжбу;
И всю ночь, вплоть до самаго утра,
На ногахъ простоялъ цѣлый городъ,
Шумъ и гамъ, и бѣсовскіе крики
Изъ судейскихъ дверей вылѣтали...
И какъ разъ передъ тою порою,
Какъ кричать пѣтухами приходилось,
Повставали косматые бѣсы,
Всѣмъ собраньемъ, на кожѣ воловьей,

Приговоръ свой они прописали,
Приложили какъ надо печати,
Приложили бѣсовскія лапы
И опять черезъ городъ, попарно,
Потянулись тѣмъ же порядкомъ...

Чуть исчезли за городомъ бѣсы,
Стали судьи къ крыльцу собираться;
За порогъ потихоньку ступили,
И увидѣли дивное диво:
На судейскомъ столѣ, по срединѣ,
Сатанинская кожа лежала;
А на ней, въ цѣлый палецъ словами,
Изреченье такое читалось:
— «Душегубцы и воры вы, судьи!
«Покривили душой вы ни мало;
«Больше вамъ ужъ не будетъ поблажки!
«Воротите вдовѣ все, что взяли,
«Да еще, за расходъ и обиду,
«Всякъ имѣньемъ своимъ оплатитесь...
«Кто не будетъ доволенъ рѣшеньемъ,
«Съ богача можетъ прѣтори править,
«А не то — будетъ вамъ на орѣхи!»
Межъ собой переглянулись судьи,
И промолвили такъ, усмѣхаясь:
— «Нѣтъ! не дурни на свѣтъ мы родились,

«Чтобъ послушать лукаваго бѣса!»
Со стола подъ сукно тихомолкомъ,
Они сунули тутъ же рѣшенье,
И судить по мѣстамъ вновь усѣлись.
Только смотреть, а хитрая кожа
Изъ-подъ крыши на столъ выползаетъ
И опять передъ ними ложится...
Подивилися этому судьи,
Подъ сукно снова спрятали кожу...
Только вновь непокорная кожа
Изъ-подъ крыши на столъ выползала
И опять передъ ними ложилась...

Дѣлатъ нечего, судьи притихли,
И послушались воли бѣсовской:
Воротили вдовѣ все, что взяли,
За расходы ея и обиды,
Всѣмъ имѣньемъ своимъ поплатились;
Недовольные этимъ рѣшеньемъ
Съ богача свои прѣтори взяли...
И едва это кончилось дѣло —
Сатанинская кожа исчезла.

ХІ.

КАРАТЫШКА.

Въ нѣкоторомъ царствѣ небываломъ,
Въ нашемъ уѣздѣ немаломъ,
Жиль мужикъ, небогатый человекъ,
Кручинился и печалился весь свой вѣкъ.
Вотъ и родила ему хозяйка сынишку;
Да такого-то Каратышку не-величку,
Что усѣлся бы онъ верхомъ на муху,
Когда бъ на мухѣ верхомъ кто ѣздилъ;
И пролѣзъ бы въ иглочное ухо,
Когда бъ притомъ не носище
Величиною чуть не съ топориче.
Пожаль плечами горемыка,
Говорить хозяйкѣ: — «Вотъ, поди-ка;
«Родила ты мнѣ на смѣхъ ребенка,
«Не то воробья, не то котенка!»

Невеличка выглянулъ съ печи

И повелъ къ отцу такія рѣчи:

— «Это еще не бѣда, что я невеличка;

«Когда бь только не нось, ко всему бываетъ привычка.

«Ты подай—ка мнѣ все, что пожелаю,

«Такъ я тебѣ и за десятерыхъ наверстаю!»

Сталъ тутъ мужикъ за ухомъ чесаться,

Сталъ, глядя на сына, слегка утѣшаться.

А сынишка на диво подбодрился,

Въ пеленкахъ кричать расходился :

— «Собирайся ты, батько, съ дѣлами,

«Поѣдемъ мы въ лѣсъ за дровами!»

— «Да какъ же намъ ѣхать, когда нѣтъ у насъ вовсе

«Ни коня, ни хомута, ни воза!»

— «Ничего, говоритъ весело Каратышка :

«Тутъ не надо большаго намъ лишка!»

Самъ сказалъ, да и пошелъ рыться подь хатой ;

Откопалъ башмакъ съ заплатой,

Веревкой къ нему прикрутился,

Да такъ въ лѣсъ и пустился...

Вотъ ѣдетъ на встрѣчу въ рыдванѣ,

Пань судья, а съ нимъ и вельможная пани,

Жирная прежирная пани судыха,

Высунулась изъ рыдвана, не боится лиха.

«Пади!» кричить Каратышка съ мосточка.
Конюхъ смотритъ: не то человѣкъ, не то кочка.
Спрашиваетъ судья: — «Эй ты, плотникъ,
«Что это у тебя за работникъ?»
Отвѣчаетъ мужикъ безъ утайки:
— «Дождался я сына отъ хозяйки;
«Ростомъ-то онъ совсѣмъ съ рукавицу,
«А поди раскуси эту птицу!
«Хоть и малъ, а вѣдь въ дѣлѣ не отстанеть,
«И за десятерыхъ какъ разъ натянетъ!»
Расходилась въ рыдванѣ судьяха...
«Это не тебѣ чета!» говоритъ мужу тихо:
«Покупай мнѣ сейчасъ Каратышку;
«Если спросятъ, давай и лишку —
«А безъ него я и жить не стану,
«Засохну и завяну!»
Дѣлать нечего, судья вздыхаетъ,
Кошелекъ вынимаетъ, въ торги вступаетъ,
И беретъ Каратышку въ бумажку,
За полную дукатовъ фляжку.
За непростую фляжку, росписную,
Всю въ цвѣточкахъ и въ мушкахъ, такъ что мило;
Туда двѣ пригоршни денегъ входило;
Сама ее судьяха припасала,
На торгу въ Полтавѣ покупала,
Покупала-торговала,

Ею мужа часто ублажала.
Поѣхалъ Каратышка въ рыдванъ;
Судьиха держитъ его въ карманъ.
Дорогой онъ толкался и возился,
У господъ провѣтриться просился.
Господа бумажку раскрывали,
Его побѣгать, опростаться выпускали;
И онъ бѣгалъ, скакалъ, крутилъ носомъ,
Прибивалъ сверху пыль по колесамъ...
А отецъ домой воротился,
Строитъ новую хату заходился;
Накупилъ полотна, хлѣба въ волю;
И сталъ благодарить долю:
«Ай, да сынишка! какъ бы онъ догадался,
«Да почаще судьяхамъ попадался!»

—

Вотъ, не прошло недѣли,
Двери новыя въ хатѣ заскрипѣли:
Прибѣжалъ домой Каратышка,
Еле дышитъ, всѣ мокрехоньки штанишки...
Тоненькій, дрябленькій, еще жиже:
Видно узналъ работу поближе!
Только ничего: переждалъ, откормился,
И опять думать о дѣлѣ заходился.
— «Это что еще, батъко, за доля,
«Что у тебя хата, а мало поля?»

«Панъ у насъ хоть и добрый бываетъ,
 «А самъ хуже кобеля проживаетъ;
 «Нельзя ли намъ приловчиться,
 «Чтобъ и вовсе на волю откупиться!»
 Отецъ сказалъ ему «ладно!»
 И дѣло пошло у нихъ складно.

—

Говоритъ Каратышка: «Нашу поляну
 «Пахать я однимъ воломъ стану;
 «Запряжемъ круторогаго въ дышло,
 «И какъ бы намъ проку поболъ не вышло!»
 Выѣзжаютъ они съ плугомъ;
 Ёдутъ пахатю, воворять другъ съ другомъ.
 Тутъ Каратышка уже догадался,
 На воловью спину взобрался;
 Поюлилъ, пофинтилъ, да и прыгъ въ ухо,
 Начинаетъ тамъ ёрзать и кричать, что есть духу.
 Тутъ волъ замоталъ головою,
 И пошелъ плугомъ рыть, какъ иглою...
 Не успѣлъ отецъ надивиться,
 Какъ уже дѣло къ концу и валится!

Смотритъ, а тѣмъ часомъ ѣдетъ карета,
 Въ ней помѣщикъ и дочка, куколкой разодѣта,
 Такая панночка красotka,
 Хоть какому жениху находка.

Увидѣлъ панъ и дивуется диву,
«Какъ одинъ волъ пашеть цѣлую ниву?»
Закричалъ мужику: «Эй ты, пахарь;
«Колдунъ ты какой, или знахарь?
«И какъ это у тебя волъ поспѣваетъ,
«Что съ плугомъ, какъ съ повозкой, по полю шны-
ряетъ?»

Мужикъ говорить: «Это мой сынишка;
«Ростомъ-то онъ Каратышка
«И почти съ рукавицу,
«А пойдѣ, раскуси эту птицу!»
Вышелъ помѣщикъ изъ кареты,
Крикнулъ Каратышкѣ: «Гдѣ ты?»
Только парень фертикомъ вышелъ,
Подбочинился, козыремъ ходитъ, будто ничего не слы-
шалъ;

Взялъ у отца трубку курить,
На помѣщичью дочку глаза щурить...
Стала тутъ панночка влюбляться,
Стала съ отцомъ въ каретѣ шептаться:
«Ахъ, папенька, какое же это диво,
«Что такой невеличка и вснахалъ одинъ ниву;
«Ты купи мнѣ, купи Каратышку,
«Если спросятъ, давай и лишку,
«А безъ него я и жить не стану,
«Засохну и завяну!»

Дѣлать нечего, помѣщикъ вздыхаетъ,
Кошелекъ вынимаетъ, въ торги вступаетъ,
И беретъ Каратышку съ собою,
За шкатулку, съ дорогою казною,
За непростую шкатулку, дорогую,
Съ потайнымъ замочкомъ, росписную;
Въ этой шкатулкѣ лежали барышнины гребни,
Духи, колечки, наперстки и серьги,
И всякія зелья и примочки,
Чѣмъ барышни румянятъ себѣ щочки,
И отъ чего женихи ихъ любятъ,
И чѣмъ онѣ родъ мужской губятъ...
Завернули господа Каратышку въ бумажку,
Да домой и примчали въ одну упряжку.
Панночка его въ кармашкѣ держала
И долго на воздухъ не выпускала;
И опять онѣ толкался и возился,
У господъ провѣтриться просился...
Господа бумажку раскрывали,
И опять его побѣгать, опростаться выпускали;
Онѣ бѣгаль, скакаль, крутиль носомъ,
Прибиваль сверху пыль по колесамъ...
А мужикъ воротился съ казною,
И прииѣваячи зажилъ на покоѣ,
И забылъ онѣ совсѣмъ про сынишку,
«Про лихаго пройди-свѣта» Каратышку.

Только разъ колокола загремѣли,
Къ хатѣ новыя сани подлетѣли;
Панычъ, не панычъ подбѣгаетъ тутъ къ хатѣ;
Въ барашковой шапкѣ, въ суконномъ халатѣ,
Въ зубахъ торчитъ трубка, бровями моргаетъ,
А панское пузо рукой подпираетъ.
Совсѣмъ панъ-красавчикъ, когда бъ не носище,
Величиною чуть не съ топорщице...
На крыльцо онъ тихо и важно выходитъ,
За бѣлую ручку свою паню выводитъ,
Такую паню толстущечку да пыхтущечку,
Изъ лица совсѣмъ игрушечку:
Щоки — точно дыни, губы — красны маки,
А что вся не краля, это только враки!

Молодые прямо, какъ вошли съ дороги,
Слова не сказавши, прямо старымъ въ ноги;
Кланялися батькѣ, кланялися старой,
Тутъ же челомъ били малыхъ дѣтокъ парой,
И такихъ же точно, какъ сами, носатыхъ,
Какъ сами носатыхъ, какъ сами пузатыхъ!
Ѣхали за ними слуги и кареты,
Несли всякое добро и тряпье безъ смѣты ..
Строили господамъ новую палату,
Не то, чтобы курень или хату,
Сущее панское жилище,

Чуть не съ гору какое городище!
А молодчикъ панъ только знай величался,
Съ своей паней въ засосъ цѣловался,
Ходилъ кругомъ по досточкамъ,
Да постукивалъ кое гдѣ молоточкомъ...

Вотъ вамъ и сказка,
А мнѣ бубликовъ вязка;
Говорилъ дѣдъ Ивашко,
Латанная рубашка!

ХІІ.

СКАЗКА ПРО КУМУ—ЛИСИЦУ,
ПАСТУХА, РЫБОЛОВА и ВОЗНИЦУ.

Жили были дѣдъ и баба,
Да убогіе такіе,
Что у бабы на хозяйствѣ
Только курочка ходила;
А у дѣда, у сѣдаго,
Пѣтушекъ золотопѣрый.
Вотъ, какъ все они поѣли,
Стали думать, чѣмъ кормиться.
И надумала тутъ баба :
— «Знаешь, есть у насъ по птицѣ ;
«Кто скорѣй свою поймаетъ,
«Ту съ тобой мы и зарѣжемъ!»
Вышли оба на курятникъ,

Стали по двору гоняться ;
Только смотреть дѣдъ , а баба
Загнала насѣдку въ уголь ,
Съла на земь , будто ловить ,
Да надъ нею , какъ слѣпая ,
Руки даромъ и разводить...

«Э! хозяйка , надуваешь!»

Дѣдъ помыслилъ и промолвилъ :

— «Нѣтъ , постой уже , старуха ;

«Лучше мы , по чистой правдѣ ,

«Никого не обижая ,

«Обоихъ зарѣжемъ разомъ!»

Призадумалась старуха ;

Дѣлать нечего , смолчала ,

Дѣду ножъ несетъ изъ хаты :

Дѣдъ попробовалъ , востеръ ли ,

На крыльцо съ ножемъ садится...

Да какъ глянуть другъ на дружку ,

И расслакались , какъ дѣти...

— «Нѣтъ , старуха ! Богъ съ тобою!

«Пусть живетъ твоя насѣдка!»

— «Пѣтушка же я не трону!»

Говоритъ ему хозяйка...

Посудили , порядили ,

И пустили куръ въ курятникъ.

Въ тотъ же день пѣтухъ за это

Притациль пшеничный колось,
А насѣдка постаралась,
Принесла головку маку!

Заходила съ стряпать баба,
Пирожокъ съ начинкой мѣситъ.

А подъ лѣсомъ, той порою,
Сѣрый волкъ, съ кумой лисою,
Выходилъ на заработки.

— «Ты, кума, иди по селамъ,
«Я жь пойду кругомъ полями;
«И дѣлать потомъ мы станемъ,
«Что путемъ-дорогой стянемъ!»

Разошлись кумъ съ кумою;
На село пошла лисица...

Тутъ, пирогъ набивши макомъ,
Баба печь ужь затопила;
Слышитъ, кто-то стукъ въ окошко.

— «Охъ,пусти меня ты, баба!»

Голосъ плачется подъ хатой:

«У меня въ печи погасло!»

Баба угли раздуваетъ,
Говорить: — «Войди, сосѣдка!»

Гостя входитъ, носомъ водить,

А ужь ушки на макушкѣ;

Хвостъ колечкомъ подвернула,
 Подползла тайкомъ къ печуркѣ,
 Пирожокъ схватила съ макомъ,
 Въ двери шмыгъ, да и пропала...
 Баба чуть успѣла ахнуть!

Съ пирожкомъ бѣжитъ лисица,
 На пути проголодалась;
 Съ макомъ выѣла середку,
 Пирожокъ трухой набила,
 Да подъ ночь и обмѣнила
 На бычка пирогъ ребятамъ,
 Загонявшимъ стадо къ хатамъ...

—

Стережетъ бычка лисица,
 Думу думаетъ такую:
 «Кумъ сытѣхонекъ навѣрно;
 «Поживлюсь и я добычей!»
 Поднялася съ-позаранку,
 Натаскала дровъ вязанку,
 Да бычка и заколола...
 Въ сласть наѣлась, отдохнула;
 Кожу сучьями набила,
 Оперла бычка на кустикъ,
 Да еще ему въ середку
 Напустила воронячь,

Воробьевъ и галченятъ ;
Бокъ соломою подоткнула
И подъ лѣсомъ , какъ живаго ,
Сторожить усѣлась снова...

Ѣдитъ въ санкахъ пономарь.
— «Что, кума, бычокъ продажный?
— «И не спрашивай, бери ;
«На корма совсѣмъ проѣлась!»
Вотъ, ударивъ по рукамъ,
На торги идетъ лисица,
Отдаетъ бычка за санки,
Отдаетъ за непростыя,
За рѣзныя, росписныя.
Увезла лисица санки...
Пономарь опять въ дорогу ;
Потянулъ бычка за поводъ,
А бычокъ бултыхъ съ сугроба,
Бокъ распоротый раскрылся ;
И взвились, крикливымъ роємъ,
Надъ сугробомъ воронята
Воробьи и галченята.

—
Вотъ бѣжитъ лисица полемъ,
Ей на встрѣчу волкъ голодный :
— «Помоги, кума ; ни крошки

«Не успѣлъ я заработать!»

— «Охъ, и я три дни не ѣла!»

Говоритъ лисица куму.

Посудили, порядили,

Да возокъ и подѣлили:

Кумъ себѣ оглобли выбралъ,

А кума усѣлась въ кузовъ,

Пригнѣздилась, развалилась,

И, раскинувъ хвостъ и лапки,

Приговариваетъ тихо:

«Тощій сытаго везетъ;

«Тощій сытаго везетъ!»

— «Что, кума, ты тутъ глядишь,

«И о чемъ ты говоришь?»

— «Да о томъ, что мы не ѣли,

«И что чуть не околѣли!»

Вотъ надъ горкой, имъ на встрѣчу,

Ѣдутъ съ рыбой чумаки...

— «Ну, теперь скорѣй бѣги ты!»

Говоритъ лисица волку: —

«Дожидай меня подѣ стогомъ,

«Что подѣ тою подѣ горою;

«Я жъ дѣла пока устрою!»

Кумъ рысцою потащился;

А кума, какъ не живая,
Разметавши хвостъ и ноги,
Растянулась у дороги.
Чумаки съ ней поравнялись,
Стали думать вкругъ лисицы :
« Мѣхъ какъ-разъ на рукавицы ! »
Посудили, порядили,
Да ее, какъ куль съ сугроба,
Прямо въ рыбу и свалили...

На возу лежитъ лисица,
А сама буравить дырку ;
И давай кидать въ оконце
Замороженную рыбку...
Возъ очистила до крошки,
Прыгъ сама , давай въ охабку
Подбирать съ дороги рыбку,
И усѣлася подъ стогомъ,
Да не въ полѣ подъ горою,
А въ слободкѣ надъ рѣкою,
Рыбу ѣсть , ждетъ кума въ гости,
А за стогъ кидаетъ кости...

—

Вотъ , когда ужъ постемнѣло,
Видитъ : кумъ бѣжитъ долиной,
Еле-еле тащитъ санки...

— «Охъ, кума, куда зашла ты!
«Всѣ поляны я обѣгалъ;
«Нѣтъ ли чѣмъ прочистить горло?»

— «Да, и я, какъ неживая!»

Говоритъ лисица волку,

Лапкой рыльце утирая:

«Мерзлой рыбкой поживилась,

«Да чуть-чуть не подавилась,

«Просто кости, а не рыба,

«Если бъ знала и не брала бъ!»

Носъ повѣся, у сугроба,

Кумъ съ кумой усѣлись оба,

Долго ль, нѣтъ ли, горевали,

Собираться къ рѣчкѣ стали.

Кумъ, какъ былъ запряженъ въ санки,

Хвостъ поджатый, словно неводъ,

Окунулъ со льдины въ прорубь,

А кума, присѣвъ къ сторонкѣ,

Приговариваетъ тихо:

— «Мерзни, мерзни, волчій хвостъ!

«Мерзни, мерзни, волчій хвостъ!»

— «Что, кума, ты говоришь

«И куда ты тамъ глядишь?»

— «Нѣтъ ли шума, все гляжу я,

«Да тихонько говорю я:

«Ты ловись, ловися рыбка,

«Рыбка малая, большая!»

Вотъ примерзъ ко льдинѣ хвостъ ;

Тутъ же близко, какъ къ словечку,

Мужики взошли на рѣчку;

Увидали рыболова,

И давай его дрекольемъ...

Безъ хвоста и весь избитый,

Онъ отъ нихъ ушелъ долиной,

И столкнулся тутъ съ кумою!

А кума не оплошала,

На селъ ужъ побывала,

Вся опачкалась въ помояхъ

И бѣжить на встрѣчу куму,

Громко жалуясь, что люди

И ее не пощадили,

Въ кровь всю голову избили...

Пораздумалъ волкъ голодный

И покончилъ тѣмъ, въ добавокъ,

Что кумѣ подставилъ санки...

Тутъ кума усѣлась снова,

Пригнѣздилась, развалилась,

И, раскинувъ хвостъ и лапки,

Приговариваетъ тихо :

— «Бить небитаго везетъ,

«Бить небитаго везетъ!»

— «Что кума, ты говоришь

«И куда ты тамъ глядишь?»

Волкъ опять пыталъ лисицу...

— «Да о томъ я все кручинюсь,

«Что и ты, и я побиты!»

Вдругъ откуда ни возьмися,

На дорогу выбѣгають

Изъ курятника насѣдка,

А за ней, раскинувъ крылья,

Пѣтушекъ золотонѣрый...

Волкъ забылъ совсѣмъ про санки,

Мигомъ кинулся за ними,

И завязъ съ кумой въ воротахъ...

Какъ ужь тутъ они не бились,

Какъ ни грызлись, ни возились,

Пѣтушокъ вскочилъ въ окошко

И давай, кричать, что силы :

— «Выбѣгайте, дѣдъ и баба,

«На дворѣ у насъ добыча,

«А добыча непростая,

«Не простая, дорогая!»

Дѣдъ схватилъ съ прилавка вилы,

А старуха съ печи донце,
Въ двери выскочили разомъ
И въ воротахъ уходили
Кума съраго съ кумою...

Съ той поры у дѣда волчья,
А у бабы лисья шуба!
Дѣдъ съ старухой, по задворью,
Дружка дружку возять въ санкахъ;
А пѣтухъ съ насѣдкой ходять
Каждый день на заработки;
Ходять, бродять, счастье водять
И хозяевамъ таскають
То зерно, то спѣлый колосъ,
Вишни, сливу, ежевику
И садовую клубнику...

ХШ.

ИВАШКО.

Жиль былъ себѣ когда-то дѣдъ да баба,
У нихъ была всего одна отрада:
Прижили старцы, въ старости своей,
Сынка Ивашку, бѣлую рубашку.
Прижили сына, справили ему
Весло и челнъ, и стали каждымъ утромъ
Его пускать на озеро за рыбой,
За рыбою въ Курбатовскую глушь...

Вотъ, отплыветъ отъ берега Ивашко,
Закинетъ удочку, молчить и ждать,
Молчить и ждать, покамѣстъ рыбка клюнетъ.
А въ озерѣ, подъ нимъ, перевернувшись,
Другой челнокъ качаяся плыветъ,

На челнокъ сидитъ другой Ивашко,
 На немъ, какъ пѣна, бѣлая рубашка
 И травяной съ цвѣточками кушакъ;
 И островокъ, поросшій камышами,
 И подъ горой косые берега,
 Все опрокинулось въ струи живыя,
 И зыблется глядящій въ волны мѣръ,
 Какъ полотно разостланной картины...
 Благоухаетъ пасмурная глушь!
 Какъ въ воздухъ, на днѣ прозрачной влаги,
 И ласточки и жаворонки рѣютъ,
 Какъ въ воздухъ, отъ берега на берегъ,
 Летитъ по дну и каркаетъ ворона...
 А по волнамъ, по камышамъ и скаламъ,
 Младенцы некрещенные, (*) покинувъ
 Свои могилки въ вѣнчикахъ грибовъ,
 Въ ячейкахъ травъ и въ клѣточкахъ коры,
 Копшатся, по воздуху лѣтаютъ
 И синимъ клубомъ катятся по пнямъ...
 Одинъ запрегъ въ орѣшекъ мотылька,
 Надѣлъ на кудри синій колокольчикъ,
 Черезъ бревно косматое ползетъ
 И погоняетъ лошадь паутиной...

(*) По народному названію «мавки» отъ слова маять — манить.
 О нихъ здѣсь помѣщается особая сказка «Младенцы—Утопленники».

Другой на грибъ гнилой и скользкій влѣзъ,
Дудить въ лопушникъ свернутый трубою,
И машетъ бѣлокурою головкой,
И раздуваетъ розовыя щечки,
И пляшутъ вокругъ него жучки, сверчки,
И муравьи, и мушки, и коровки...

А третій сѣлъ на озеро, въ стручекъ,
Воткнулъ въ него засохшую былинку,
Продѣлъ въ конецъ ея кисейный парусъ,
Изъ крылышка зеленой стрекозы,
Пустилъ корабль по вѣтру и плыветъ,
И манитъ ручкой крохотныхъ друзей...
А тѣ, какъ пчелы шумныя, какъ осы,
Развѣсились по листьямъ липъ и вязовъ,
И весело лепечутъ и стрекочутъ,
И, по вѣтвямъ карабкаясь, хохочутъ...
И тихъ и нѣмъ вокругъ Ивашки лѣсъ,
И льется зной съ таинственныхъ небесъ...

Разъ, чуть ли не подъ Спаса это было,
На озеро пришла къ Ивашкѣ мать
И такъ запѣла жалобно и тихо:

«Мой сыночекъ, мой Ивашечко,

«Выводи на берегъ челнъ!

«Рыбка, сердце, зорька, пташечка,

«Выплывай изъ синихъ волнъ!

«Я съ слободки пришла,

«Тебѣ вѣсть принесла!»

Услышалъ голосъ матери Ивашко,

И такъ запѣлъ на ласковую рѣчь:

«Плыви, плыви челночѣкъ,

«Выплывай на бережокъ...

«Плыви, мать ко мнѣ пришла,

«Мнѣ обѣдать принесла!»

Покинулъ челнъ Ивашко, сѣлъ на берегъ,

Сѣлъ пирожокъ съ медвяною сытой,

Запилъ его студеною водой,

И вновь поплылъ на озеро за рыбой.

А той порой въ кустахъ сидѣла вѣдьма,

(Змѣей Явдѣхой людѣдку звали),

Подслушала старушкины слова,

И на другое жь утро, притаившись

Въ травѣ, запѣла жалобно и тихо:

«Мой сыночекъ, мой Ивашечко,

«Выводи на берегъ челнъ...

«Рыбка, сердце, зорька, пташечка,

«Выплывай изъ синихъ волнъ!

«Я съ слободки пришла,

«Тебѣ вѣсть принесла!»

Ивашко ни гу-гу. Узналъ онъ хитрость

И закричалъ: «А что, змѣя Явдѣха,

«Не изъ Вралѣвки ты, что близъ села

«Дгуновичей?...» И такъ съ челна запѣль:

«Дальше, дальше, мой челнокъ,

«Не плыви на бережокъ...

«То не матушка поеть,

«То змѣя меня зоветъ!»

Взбѣсилася и расходилась вѣдьма,

И къ кузнецу въ слободку прибѣжала.

«Кузнецъ, кузнецъ, скорѣе скуй мнѣ голосъ,

«Да скуй мнѣ голосъ нѣжный, не простой,

«Такой, какой у матери Ивашки!...»

Раздулъ кузнецъ огонь, досталъ клещи,

Вложилъ ихъ въ печь и до бѣла нагрѣлъ,

И ухватилъ клещами горло вѣдьмы;

На наковальню горло уложилъ,

И сталъ ковать, причитывая такъ:

«Куйся, куйся голосокъ,

«Тонокъ стань, какъ волосокъ,

«Нѣженъ стань ты голосокъ,

«Какъ звонокъ, какъ вѣтерокъ...»

Вернулась вѣдьма въ лѣсъ, запѣла сладко,

Запѣла нѣжно, жалобно и тихо,

Въ глухой оврагъ Ивашку заманила,

Его въ мѣшокъ съ грибами уложила

И принесла домой, и такъ своей

Горбатой дочкѣ строго заказала:

— «Смотри, Алѣнка, протопи мнѣ печь,

« Да протопи пожарче, баловница!
« Умой, напой и накорми Ивашку,
« Подпояши и въ печку посади,
« И на объдъ его зажарь получше,
« А я пойду провѣдаю, здоровъ ли
« Нашъ куманѣкъ, Вербовскій сатана? »

Сходила за водой Алѣнка, руки
Румяные по локоть засучила,
Нагрѣла печь, на припечекъ къ плитѣ
Наставила широкую лопату
И говоритъ: « Ну, сердце, полѣзай,
« Да погляди, какъ вытоплена печка!... »

Хитрецъ молчитъ, прикинулся, какъ—будто
Лукавыхъ словъ совсѣмъ не понимаетъ,
И голову одну просунулъ въ печь.

« Не такъ, Ивашко! » Онъ просунулъ руку.

« Не такъ! » Онъ ногу въ печку протянулъ.

« Не такъ! » Онъ въ печь другую ногу вдвинулъ.

« Не такъ, не такъ! » — « Такъ какже? я не знаю!

« Ты покажи сама мнѣ напередъ,

« А за тобой ужъ я не ошибуся... »

Алѣнка съ сердцемъ прыгнула въ огонь,

А молодецъ приперъ ее заслонкой

И выбѣжалъ невидимо изъ хаты,
И на осину темную залѣзъ.

Вотъ, погода, наѣвшись Аленкой,
Приходитъ вѣдьма, дочь свою браня,
За то, что та стола ей не накрыла,
И начинаетъ на холмѣ высокомъ,
Насытившись, барахтаться по травкѣ
И охать, и зѣвать, на солнцѣ грѣясь,
И припѣвать, кувыркаясь съ холма:

«Покачуся, повалюсь,

«Закусивъ м.сцомъ Ивашки!»

Ивашко слышитъ рѣчи людоедки

И такъ за ней съ осины говорить:

«Покатися, повались,

«Закусивъ мясцомъ Аленки!»

«Чтобъ это было?» Разсуждаетъ вѣдьма

И говорить, кувыркаясь съ холма:

«Покачуся, повалюсь,

«Закусивъ мясцомъ Ивашки!»

А мальчикъ вслѣдъ за нею повторяетъ,

Раздвинувши серебрянные листья:

«Покатися, повались,

«Закусивъ мясцомъ Аленки!»

— «А, это ты!» завыла злая вѣдьма,

Уставя взоръ змѣиный на Ивашку,

И бросилась къ нему, и ухватила
 Когтистыми руками толстый пень,
 И стала рвать съ него кору и вѣтви,
 И стала пень, какъ трость перегрызать.

Грызеть она, грызеть, Ивашко жь видитъ
 Въ поднебесьи гусей, дрожить отъ страха
 И къ нимъ сквозь вѣтви темныя поеть :

«Гуси-гуси лебедята,
 «Дайте мнѣ свои крылята!
 «Мчите вы меня скорѣй
 «Прямо къ матушкѣ моей!
 «Тамъ мы будемъ въ волѣ жить,
 «Сытно ѣсть и сытно пить!»

Но сѣрые лебедушки и гуси
 Надъ головой Ивашки пролетаютъ
 И говорятъ съ лазурной высоты :
 «Пускай тебя возьмутъ другіе гуси!»

Заплакалъ парень ; горестно заплакалъ,
 Готовясь насть съ подточеннаго пня,
 Но вѣдьма зубъ о пень переломила
 И къ кузнецу въ слободку побѣжала :
 — «Кузнецъ, кузнецъ, скорѣе скуй мнѣ зубъ,
 «Да скуй его изъ чистаго желѣза!»
 Беретъ опять кузнецъ свои клещи,

Кладетъ ихъ въ печь и жарко раскаляетъ,
И, щеки вѣдмы ухвативъ клещами,
Куетъ желѣзный зубъ, и снова въ лѣсъ
Ликующую вѣдму отпускаетъ.

Бѣжитъ опять къ Ивашкѣ людоѣдка;
Ивашко жъ той порою перелѣзъ

На новую осину; злая вѣдма
Впивается всей силой въ новый пенъ...

И крѣпкій пенъ качается и гнется,

И подъ клыкомъ желѣзнымъ подается.

Вновь надъ Ивашкой пролетаютъ гуси,

И снова онъ изъ-за вѣтвей поетъ:

«Гуси, гуси, лебедята,

«Дайте мнѣ свои крылята!...

«Мчите вы меня скорѣй

«Прямо къ матушкѣ моей!

«Тамъ мы будемъ въ волѣ жить,

«Сытно ѣсть и сытно пить!»

Но сѣрыя лебедушки и гуси

Летятъ надъ головою горемыки

И говорятъ съ лазурной высоты:

«Пускай тебя возьмутъ другіе гуси!»

— «Прощай же ты, моя родная хатка,

«Прощай и ты мой ненаглядный челнъ!...»

Такъ зарыдалъ Ивашко, погибая;

И, словно, волкъ, передъ Ивашкой вѣдьма
Отъ радости оскалила клыки
И обломила хрупкую осину...

Но не упалъ Ивашко горемычной!
Послѣдній гусь, забитый, старый гусь,
Запачканный, сухой и косолапый,
Послѣдній гусь изъ всей гусиной стаи,
Его услышалъ пѣсню въ небесахъ
И подхватилъ его къ себѣ на крылья,
И поднялся съ Ивашкой надъ землею!
А той порой, какъ по степямъ лазурнымъ
Летѣлъ стрѣлой Ивашко, — на землѣ
Отъ ярости камня грызла вѣдьма!

Вотъ сталъ Ивашко тихо исчезать,
Вотъ онъ исчезъ совсѣмъ, и зарычала,
Какъ ярый звѣрь, озлобленная вѣдьма
И обратилась въ чернаго орла...
Ну чуть она за мальчикомъ въ погоню
Пустилася, раскинувъ гордо крылья
И лапами взрывая грудь земли,
Косматая губительная лапы,
Вонзившись въ землю, обратились въ стволъ,
Изъ подъ когтей посыпались корни
И, какъ кроты, полезли подъ землей...

Въ кору и вѣтви крылья обратились ;
Зазеленѣла дикая осина ,
Затрепетала листвою печальной,
И такъ осталась долгіе вѣка
Стоять, молчать, подѣ вѣдромъ и ненастьемъ,
И горевать безсонно—молчаливо,
И въ тишинѣ пустынной трепетать...

Настала ночь. — Ивашко опустился
Въ свои мѣста, въ родимое село,
И съ гусемъ сѣлъ на крышѣ бѣдной хатки.
Вотъ слышитъ онъ, внизу подѣ нимъ, въ свѣтелкѣ,
Вечеряютъ его отецъ и мать,
И старая Оксана съ мужемъ дѣлитъ
Пшеничные съ сытою пирожки:
— «Вотъ это вамъ, Демкò, а это мнѣ!»
— «А мнѣ?» пищитъ изъ—за трубы Ивашко.
«Чтобъ это было?» думаетъ Оксана,
И крестится и снова говоритъ,
Дѣля съ своимъ супругомъ пироги:
— «Вотъ это вамъ, Демкò, а это мнѣ!»
— «А мнѣ?» пищитъ опять Ивашко съ крыши.
И поднялись изъ—за вечери старцы,
И плакали, и горестно вздыхали,

Увидѣвши невиданное диво ;
И сняли съ крыши гуся и Ивашку,
И сталъ Ивашко съ гусемъ знатно жить,
И, припѣвая, сытно ѣсть и пить.

XIV.

ПУТЬ КЪ СОЛНЦУ.

Мужикъ продалъ свою душу бѣсу,
Да не простому бѣсу, а Хуртѣмъ,
Богачу и злому чародѣю.

Какъ пришелъ часъ расплатиться,
И взять свой зарокъ обратно,
Приходитъ мужикъ къ Хуртѣмъ,
А Хуртѣма и говоритъ ему :

— «Я тогда отдамъ тебѣ зарокъ обратно,
«Какъ узнаешь ты мнѣ, по правдѣ по чистой :
«Отчего солнце по утру весело,
«И темно и печально въ сумерки?»

Мужикъ Хуртѣмъ поклонился

И пошелъ отыскивать солнце...

День идетъ, два идетъ, ужь и близко ;
Только солнце постоитъ надъ землею,

И окунется за лѣса, или за горы,
Или за дальнее синее море.

Закручинился мужикъ; идетъ полемъ,
Смотритъ, на курганъ стоитъ колышекъ,
А на колышкѣ, на одной ножкѣ, человѣчекъ;
И мотается онъ, куда повѣетъ вѣтеръ,
И всего его вѣтромъ встрепало,
Бурей-непогодой измотало,
А сорваться съ колышка онъ не можетъ.
Спрашиваетъ мужикъ:— «Куда путь къ солнцу?»
Отвѣчаетъ человѣчекъ. — «Я отвѣчу,
«Коли ты узнаешь отъ самаго солнца :
«Долго ли мнѣ еще на колышкѣ мотаться,
«И за что я такую напастью наказанъ?»
Говоритъ мужикъ: — «Я узнаю!»
Тутъ человѣчекъ на ножкѣ повернулся,
И сказалъ: — «Иди ты, прямо,
«Будетъ тебѣ на дорогѣ рѣчка,
«Тамъ ты все и узнаешь!»

Приходитъ мужикъ къ рѣчкѣ ;
Видитъ: стоитъ человѣкъ въ водѣ по горло,
Студенныя струйки бѣгутъ мимо его,
А надъ головой поспѣваютъ яблоки;
Только онъ не можетъ къ водѣ нагнуться,

Не можетъ ухватить студеной струйки,
 Не можетъ съ вѣтки ухватить яблока.
 Спрашиваетъ мужикъ: «Куда путь къ солнцу?»
 Отвѣчаетъ человѣкъ: «Я тогда отвѣчу,
 «Коли узнаешь ты отъ самага солнца:
 «Долго ли мнѣ еще тутъ мучиться,
 «И за что я такую напастью наказанъ?»
 Говоритъ мужикъ: «Я узнаю!»
 Тутъ человѣкъ помолчалъ и отвѣтилъ:
 — «Иди ты отсюда все прямо;
 «Будетъ тебѣ на дорогѣ избушка —
 «Въ ней ты всю правду и узнаешь!»

Пришелъ мужикъ въ избушку...
 А въ избушкѣ живетъ сестра Солнца,
 Старшая сестра, Заря утренняя;
 На часахъ стоитъ надъ нею Мѣсяць;
 Братъ Мѣсяць по небу ходитъ,
 Стережетъ Зарю утреннюю;
 А приказовъ ждуть ясныя звѣздочки,
 Солнцевы сестры младшія, золотистыя,
 На посыткахъ у Зари, слуги вѣрныя...
 Какъ пришелъ мужикъ къ Зарѣ ласковой,
 Поклонился ей въ самыя ноженьки,
 Говорилъ ей всю правду, всю чистую.
 Жалѣла его Заря утренняя,

Призывала къ себѣ ясныхъ звѣздочекъ,
Отряжала ему путь указывать.
Провожали онѣ его край земли;
Подстилали ему подъ ноги лунный лучъ...
Опускался онѣ по лучу въ подземный край,
Въ самое царство Солнца краснаго,
Гдѣ дорога идетъ въ адъ и въ рай,
И гдѣ спать ложится солнце красное,
Какъ спустился мужикъ въ подземный край,
Увидалъ онѣ хоромы, гдѣ солнце спитъ,
И двѣ дороги прямо въ адъ и въ рай...

По пути тутъ сидѣли покойники,
Души правыя и души виноватыя,
Все по отдѣламъ сидѣли души усопшія.
Передъ тѣми, кто помогаль на землѣ неимущимъ,
Такъ вся милостыня тутъ и лежала —
Краюшка ли хлѣба, грошъ ли, или одѣжа...
По сторонамъ ходили быки тощіе и жирные:
То были все богачи и убогіе;
А въ самомъ огнѣ, въ поломѣ,
Гдѣ уже начинались муки вѣчныя,
Двѣ собаки косматыя грызлись:
То были два брата родимые,
Что на землѣ межъ собою все ссорились,
Дружка на дружку съ ножами шли...

И вступилъ мужикъ въ хоромы высокіе :
 Встрѣчала его Заря вечерняя,
 Заря вечерняя, Солнцева матушка.
 Сажала его за перегородочку,
 За перегородочку изъ чистаго золота.
 Спрашивала о своихъ дочкахъ любимыхъ,
 О Зарѣ утренней и о звѣздочкахъ :
 Что когда она съ ними встрѣтится,
 И хорошо ли ихъ стережетъ Мѣсяць—братъ?
 Отвѣчалъ мужикъ все по истинѣ :
 Долго съ ней въ хоромахъ разговаривалъ. ..
 Тутъ возсіяли высокія горенки,
 Стало опускаться отъ земли Солнце красное.
 И какъ бы не та перегородочка,
 Перегородочка изъ чистаго золота,
 У мужика бы глаза выпали...

Входило Солнце въ двери высокія,
 На серебряную кровать ложилось ;
 Чесала ему тутъ голову матушка,
 Начинала его по порядку допытывать :
 — «Ты скажи мнѣ, скажи, Солнце красное!
 «Отчего на свѣтъ человѣчекъ есть,
 «На одной ногѣ онъ на колышкѣ вертится,
 «Съ колышка сорваться не можетъ,
 «И долго ли терпѣть ему такое горе?»

Отвѣчало Солнце : — «Милая матушка !
 «Онъ за то наказанъ , что былъ измѣнникомъ ,
 «Измѣнилъ родинѣ , отцамъ и прадѣдамъ ;
 «Какъ засталъ я его , такъ и судъ положилъ ,
 «И будетъ онъ вертѣться до конца вѣка !»

Спрашивала опять Заря вечерняя :
 — «Ты скажи мнѣ , скажи , Солнце красное —
 «Отчего человѣкъ на свѣтѣ въ водѣ стоитъ ,
 «Студенныя струйки бѣгутъ мимо устъ его ,
 «Надъ головой у него зрѣютъ яблоки ,
 «А онъ не можетъ ухватить и капельки ,
 «Сорвать не можетъ съ вѣтки яблока ,
 «И долго ли терпѣть ему такое горе?»

Отвѣчало Солнце : — «Милая матушка !
 «Онъ за то въ водѣ стоитъ , что прогналъ странника ,
 «Не далъ ему голодному ни пить , ни ѣсть ;
 «Какъ засталъ я его , такъ и судъ положилъ ,
 «И будетъ онъ мучиться до конца вѣка !»

И спрашивала его Заря вечерняя :
 — «А скажи мнѣ , скажи , Солнце красное ,
 «Отчего ты , Солнце , по утру весело
 «И темно и печально въ сумерки?»

Отвѣчало Солнце , задумавшись :
 — «Оттого я по утру весело ,
 «Что иду въ обходъ по поднебесью ,
 «Темныя тучки разгоняючи ,

«Ключевой водой умываючись,
«И не видя еще зла житейскаго!
«А печально я потому въ сумерки,
«Что иду изъ обхода съ поднебесья,
«Что надо мною тучки собираются,
«Что навидѣлся я зла житейскаго,
«И нечѣмъ тебя, моя матушка,
«Повеселить мнѣ часто и порадовать!...
«Вотъ хоть бы и теперь, я скажу тебѣ:
«Есть на свѣтѣ богачъ и злой чародѣй,
«По прозванію Хуртіма, бѣсовъ братъ!
«Коли онъ на свѣтѣ не покается,
«Я отдамъ его бѣсенятамъ на игрища;
«И станутъ имъ бѣсенята тѣшиться,
«Положатъ его на сковородку желѣзную,
«Станутъ его палить и жарить на угольяхъ,
«И не будетъ конца его мученьямъ!»

Тутъ заснуло на кровати Солнышко...
Провожала гостя Заря вечерняя;
И становился опять онъ на лунный лучъ,
Поднимался опять на бѣлый свѣтъ,
Богача-чародѣя отыскивалъ...
Приходилъ Хуртіма въ смертный страхъ,

Бралъ отъ него до крошки долгъ его,
Отдавалъ зарокъ на его душеньку ;
И, когда онъ совсѣмъ покаялся,
Прощало его Солнце красное...

СОНЪ ВЪ МАЙСКУЮ НОЧЬ.

Три брата , и они же три Кондрата,
Задумали поѣхать въ степь когда-то,
Поѣхать въ степь задумали затѣмъ,
Чтобъ надъ рѣкой, надъ тощей Балаклеюйкой,
Засѣять лугъ арбузною бакшей.
Поѣхали , всего набрали вдоволь,
Пшена, яицъ , сметаны , пироговъ,
Капусты, масла , творогу и сердце-
Бѣснующаго зелья , то есть водки...

Поѣхали за дѣломъ казаки,
А запаслись еще и тѣмъ , что мысли
Въ минуты слезъ и скуки улаждаетъ.
Одинъ Кондратъ взялъ трубку и кремень,
Другой Кондратъ взялъ связку табаку,

А третій и задумалъ взять огниво,
 Да какъ-то въ торопяхъ про то забылъ...
 Вспахали казаки лужокъ до ночи,
 Засъяли арбузами бакшу,
 Сметаною и саломъ закусили,
 Хлѣбнули разъ-другой по чаркѣ водки,
 И вздумали за этимъ покурить...
 Туда-сюда, табакъ и трубка есть,
 А вырубить огня для трубки нечѣмъ!
 Вотъ третьему Кондрату два Кондрата
 И говорятъ: «А что же, ваша милость,
 «Вы вѣрно, позабыли взять огниво?
 «Вонъ подъ горой, бакшевникъ Пришибскдй,
 «Подите, попросите огоньку!»
 На ласковое слово не откажешь...

Встаеъ Кондратъ, ириходитъ къ куреню
 И видитъ: на бревнѣ сидитъ старикъ,
 Худой, сѣдой, усатый и чубатый,
 Суровый, злой, нечесанный, горбатый,
 Оборванный и длинный, какъ верста;
 Сидитъ старикъ, насупилъ грозно брови,
 И молча куритъ глиняную трубку.
 «Дай, дѣдъ, огня!» — «Дамъ: Расскажи мнѣ сказку!»
 «Я не умѣю...» — «Присказку скажи!»
 «Не смѣю!» — «Ну, такъ я съ твоей спины,

«Отъ головы до пять, на поясъ сыну,
«За то тесьму ременную скрою!»
— «Нѣтъ стой, почтенный! Такъ и быть! Я сказку
«Надумалъ. Только, слушай, — если ты
«Меня собьешь на словѣ, или скажешь:
«Совралъ, неправда! я съ твоей спины
«Ужь не одну, а двѣ тесьмы ременныхъ
«Скрою себѣ на поясъ...» — «Говори!»
«Изволь... На ярмарку, за бочкой дѣгтю,
«Отецъ мой на твоємъ отцѣ верхомъ
«Пріѣхалъ!...» — «Врешь, бездѣльникъ!» «Вру? По-
стой же,
«Давай свою мнѣ спину!... Гдѣ мой ножъ?»
Старикъ вскочилъ, заткнулъ за поясъ трубку,
Надвинулъ шапку, полы подобралъ
И ну бѣжать... Кондрать бѣжить за нимъ,
Кричитъ, ножомъ размахиваетъ грозно,
И палкой бьетъ по пятамъ старика...
Какъ вдругъ на всемъ бѣгу онъ поскользнулся,
И по землѣ съ размаха растянулся...
Когда жъ Кондрать вскочилъ, старикъ исчезъ,
А ножъ его воткнулся въ кожу дыни,
Разсѣкъ ее съ конца въ конецъ, и тутъ же
Въ ея средѣ янтарно-золотистой
Невидимо и быстро утонулъ.

Жаль казаку ножа Онъ оглядѣлся,
Подумалъ, погадалъ, на кочку сѣлъ,
Разулся, шаровары на колѣни,
Какъ надо, завернулъ, досталъ тавлинку,
Дорожкой насыпалъ табаку
Вдоль пальца, къ одному концу дорожки,
Приставилъ носъ, раздвинулъ жадно ноздри
И всю дорожку разомъ проглотилъ
И ошалѣлъ, и кряхнулъ, и отважно
Полѣзъ на дно необозримой дыни...

Полѣзъ Кондрать, ступилъ на дно, глядитъ
Куда засѣлъ досадный ножъ, — и видитъ,
Въ потемкахъ бродить старый человѣкъ.

«А! кумъ Кондрать!» — «Здорово, кумъ, Трисошный,
«Куда тебя нелегкая несетъ?...»

— «Ищу воловъ; а ты?» — «Ищу ножа.»

— «Напрасно, братъ, смотри какая темнеть!

«Ни зги невидно... Подождемъ зари!»

«Пусть такъ! Но гдѣ мы ляжемъ спать съ тобою?»

— «А надо, кумъ, изъ дыни выйдти вонъ...

«Для этого одинъ изъ насъ нагнется,

«Другой ему на плечи заберется

«И выскочить изъ дыни, а потомъ

«Въ Вербовку сбѣгаетъ за топоромъ

«И куму дверь прорубить... Мы приляжемъ,

«Другъ другу по забавной сказкѣ скажемъ,
«И кто съумѣетъ лучше разсказать,
«Тому сперва и можно выльзать...»
— «Согласенъ, кумъ, изволь!» — «Когда согласенъ,
«Такъ слушай же я стану говорить.»

(СКАЗКА ТРИСОШНАГО).

Жила-была красавица казачка,
Высокая, степенная, прямая;
Она смотрѣла черными глазами,
Какъ вольный ястребъ смотритъ изъ-подъ тучъ.
Она носила двѣ густыя косы,
Какъ двѣ тяжелыхъ, вьющихся змѣи;
Она съ зарей у печки пряла пряжу;
Въ дремучій зной ложилася подъ тѣнь,
Въ кусты смородины, бузка и терна,
И на ея малиновыя губки,
Какъ на цвѣтки, жужжа спускались пчелы,
Звенѣли и кружились надъ ней,
И улетали будто медъ собирая...
А подъ-вечеръ она, у двери хаты,
На улицѣ садилася и шила,
И пѣла долго, долго и вздыхала...
Допѣлася до жениховъ казачка;
Межъ всѣми же, межъ тѣми женихами,

Два болѣе другихъ ей полюбились,
А именно — сапожникъ, да кузнецъ.
Кузнецъ еще и такъ и сякъ, немного...
Чтожь до сапожника, такъ этотъ прямо
Плѣнилъ ее, и свадьбу заварилъ.
— «Постой же, думаетъ кузнецъ-бѣдняга:
«Я прочу тебя, ременный шовъ!»
Идетъ онъ разъ съ казачкою, слободкой,
И видитъ: изъ избы въ рѣзныя окна
Сапожникъ пару новыхъ сапоговъ
На воздухъ выставилъ и саломъ смазаль...
— «Вотъ диво, панъ кузнецъ!» — «Да, точно, диво!?!»
«А развѣ что?» — «Какъ что? Да нашъ сапожникъ
«Закоренѣлый турокъ и безбожникъ!
«Онъ по ночамъ летаетъ изъ трубы,
«Кричитъ козломъ, смиренія не знаетъ,
«Ложится на спину среди избы,
«Изъ оконъ обѣ ноги выставляетъ,
«И такъ весь день-деньской лежитъ и спитъ,
«А на работу вовсе не глядитъ!»
Задумалась красавица-казачка,
Рѣшается съ сапожникомъ покончить,
Прогнать его и въ церковь съ кузнецомъ
Идти; глаза потушила стыдливо,
И видитъ вдругъ на ножкахъ у себя

Сафьянные сапожки съ каблуками...

— «Нѣтъ, говорить, сапожникъ хоть лѣнтяй,

«А все-таки сапожникъ; я-жь не лошадь

«И мнѣ не нужно мужа кузнеца!»

Загоревалъ кузнецъ сильнѣй и высохъ,

И одичалъ, не сталъ ни ѣсть ни пить,

Косматымъ звѣремъ по полямъ скитался

И пропадалъ по суткамъ изъ села...

Такъ онъ узналъ о свадебномъ весельи

Сапожника съ казачкой молодой...

Узналъ и въ кузницу тайкомъ забрался,

Раздулъ огонь, засовомъ заперъ двери,

На угольяхъ подкову раскалилъ

Щипцами взялъ ее, подъ полу спряталъ,

И такъ пришелъ къ сапожнику на свадьбу,

И рядомъ сѣлъ съ веселымъ женихомъ...

«Здоровы будьте, сыты и богаты!»

Сказалъ и опустилъ за голенище

Сапожнику горячую подкову.

Весь помертвѣлъ испуганный женихъ!

Жельзо раскаленное до кости

Прожгло его колѣно и ступню,

До каблука сапогъ испепелило,

И, зашипѣвъ, еще впилося въ полъ...

Но не моргнулъ, не сморщился сапожникъ!

Онъ угадалъ продѣлку кузнеца,
Закрывъ полой прожженное колѣно,
И, стиснувъ зубы, крикнулъ, усмѣхнулся,
Провелъ рукою тихо по усамъ,
Поцѣловалъ въ уста свою невѣсту,
Налилъ вина и сталъ жемать злодѣю:
Богатства, правды, счастья у людей,
Жены красивой, тещи сановитой
И полонъ дворъ веселья и дѣтей;
И осушилъ стаканъ, и до конца
Веселой свадьбы славилъ кузнеца.
И такъ ему красавица досталась...
И слобода той свадьбѣ дивовалась!

«Вотъ, кумъ Кондратъ, и сказка.» — «Хороша!»
— «Теперь тебѣ рассказывать! Высоко
«Стоить на небѣ мѣсяцъ; пѣтухи
«Еще молчатъ, и спитъ пролетный вѣтеръ...
«Что жъ ты глядишь?... Не бойся: это филинъ
«Кричитъ въ Вербовкѣ! Говори жъ?» — «Изволь!»

(СКАЗКА КОНДРАТА).

Шли въ полдень, степью, двое казаковъ,
Отецъ и сынъ, и видятъ: по дорогѣ

Идетъ барышникъ съ парою воловъ
Откормленныхъ, породистыхъ и сильныхъ.
— «А хочешь, батюшка, я тѣхъ воловъ
«Украду у барышника?» — «Украдешь?
«Ну, гдѣ тебѣ, дуракъ! Съ твоимъ ли духомъ!
«Теперь не ночь!» — «Не ночь? Смотри жь, родимый!»
Скидаетъ сынъ съ одной ноги сапогъ,
Оврагами и полемъ обгоняетъ
Барышника, и на пути его
Кладетъ сапогъ, а самъ въ траву ложится.

Проходитъ мимо гордый человекъ
И, какъ прямой барышникъ, смотритъ въ землю,
Грызетъ чубукъ, едва передвигая
Столбы своихъ тяжинныхъ шараварь
И поводя спѣсиво рыжимъ усомъ...
Вотъ, видитъ онъ, какъ разъ среди дороги,
Лежитъ въ пыли новешенькѣй сапогъ.
Идетъ купецъ своимъ степеннымъ шагомъ
И сапога не хочетъ онъ поднять...
Встаетъ опять казакъ, беретъ сапогъ,
Другой же вновь съ своей ноги скидаетъ,
Барышника полями обгоняетъ

И также на пути его кладеть
Сапогъ, а самъ въ траву тайкомъ ложится.

Проходить снова гордый челоуѣкъ,
Грызеть чубукъ, едва передвигая
Столбы своихъ тяжинныхъ шараваръ
И повода спѣсиво рыжимъ усомъ...
И видитъ онъ, какъ прежде, на дорогѣ
Лежитъ другой новешенькѣй сапогъ...
— «Эхъ! говоритъ барышникъ: и другой!...

«Жаль, полѣнился! Надо воротиться!
«Какъ ни суди, а пары сапоговъ
«Не всѣмъ сыскать въ степи среди дороги!»

И, бросивъ этотъ найденный сапогъ,
Воловъ да ко всему еще и трубку,
Идетъ назадъ барышникъ торопливо;
И вотъ ужъ онъ за балкою исчезъ,
И не слышать его шаговъ тяжелыхъ...

А казаку того и было нужно!

Не торопясь, беретъ онъ свой сапогъ,
Беретъ воловъ и гонитъ ихъ пролѣскомъ,
Настигъ отца — и оба казака
Идутъ опять своимъ путемъ-дорогой;
Барышникъ же остался безъ воловъ!

— «Вотъ и моя, товарищъ небылица!

«Теперь рѣшай, кому изъ насъ обоихъ
 «Пришлось красивой сказку рассказать,
 «Кому изъ дыни прежде вылѣзть?
 «Ну, кумъ Трисѣдшнй, что жъ ты замолчалъ?
 «Гляди, ужъ день надъ степью заигралъ...
 «Иротру глаза... Я что-то вижу худо...
 «Эге! да гдѣ же я?... Вотъ, право, чудо!
 «Ни кума, ни бакши!... Кругомъ кусты
 «И солнце грѣетъ съ горней высоты!...»

Глядитъ Кондрать — а онъ лежитъ подъ вишней,
 Въ своемъ саду. Его родные братья,
 Кондраты, если помните, лежатъ
 Вблизи его, подъ яблоней кудрявой;
 Никто изъ нихъ совсѣмъ и не гадалъ
 О томъ, чтобъ лугъ арбузами засѣять...
 Всѣ трое развалились на травѣ,
 А изъ земли встаетъ горячій паръ,
 Встаетъ и наполняетъ казаковъ
 Отрадою, томленьемъ и восторгомъ,
 Любовью ко всему, что есть на свѣтѣ,
 Молчаньемъ, лѣнью, неисходнымъ сномъ,
 И страстною живительною дрожью...

А солнце свѣтитъ сквозь живую сѣть
 Задумчивыхъ акацій; вѣтеръ гонитъ

Туманъ надъ садомъ, нѣга вѣжды клонить;
Хотѣлось бы отъ счастья умереть!...

Такъ по утрѣ проснулись когда-то
Три брата и они же три Кондрата.

XVI.

СМЕРТЬ.

Въ чистомъ полѣ косарь косилъ сѣно.

Вдругъ за что-то коса зацѣпилась

И въ рукахъ у него зазвенѣла.

— «Эхъ, коса наскочила на камень!»

Говоритъ онъ, и все себѣ косить.

— «Да! держи ты карманъ, простофиля!»

Говоритъ у него подъ ногами: —

«Гдѣ ты видѣлъ такія каменя?»

Смотритъ въ землю косарь: что за чудо?

Передъ нимъ поднимается кочка,

Закурилась, растеть, шевелится,

И становится лютою смертью,
Тою самою лютою смертью,
Что въ церквахъ въ ужасъ людямъ малюють,
Что на ней и тряпья и лохмотьевъ,
И лица чловѣчьяго нѣту...
Замахнулся косарь на хрычовку,
Извести ее думаетъ разомъ,
Чтобъ отъ часу того лютой смерти
Не видали бы вовсе на свѣтъ.
— «Нѣтъ, постой, погоди; что за радость
«Извести меня, старую, даромъ?
«Ты меня отпусти, а за это
«Я тебя научу да такому,
«Что какъ выйдешь, да по міру глянешь,
«Загребать станешь деньги лопатой!»
Уговоръ тутъ они заключили;
Посудили слегка, порядили,
И пошли всякъ своею дорогой.
Въ благодарность его, на прощаньи,
Смерть такому умѣнью учила:
— «Ты, ступай, выходи въ путь-дорогу,
«По дорогѣ лечи всѣхъ недужныхъ;
«Съ этихъ поръ я тебѣ стану зрима!...
«Только глянь, гдѣ тихонько я стала;

«Если стала въ ногахъ у больного,
«Значить, кинетъ недужнаго немочь;
«Если жь въ головы я затесалась,
«Отъ недуга ему не подняться!»

Въ путь собрался косарь тѣмъ же часомъ,
Сталъ лечить всѣхъ больныхъ и недужныхъ;
И засыпали знахаря въ волю
Самоцвѣтные камни и жемчугъ,
Дорогія парчи и дукаты...

Только вотъ, какъ ужь онъ пообжился
И въ мѣшки какъ по горло зарылся,
Призываютъ его о полночи,
Къ одному богачу на подворье.
Глянулъ онъ и задумался крѣпко:
Надъ больнымъ, у тесовой кровати,
Прямо въ головы Смерть помѣстилась,
Держить косу въ рукахъ на-готовѣ!
А богачь его голосно молить:
— «Помоги ты мнѣ, братъ, сдѣлай милость;
«Лечишь ты всѣхъ больныхъ и недужныхъ;
«Я въ долгу у тебя не останусь —
«Дамъ тебѣ по заслугамъ награду:

«Половиной добра и богатства
«За твои за труды поклонюся!»
Началъ тутъ про себя думать знахарь:
«Что за бѣсъ, да и что за причина?
«Отчего не надуть мнѣ и смерти?
«Вѣдь случается, лечатъ же въ свѣтѣ
«И такихъ, что давно отпѣвають!»
Принимается онъ за больного;
Лечить часъ, лечить два, вплоть до утра...
Только къ утру больной, передъ свѣтомъ,
Свою душеньку Богу и отдалъ...

Не успѣло пройти и недѣли
Тутъ и самъ закручинился знахарь.
Ходить, голову низко повѣсилъ,
Все ему и противно и тошно,
И на свѣтъ не глядѣлъ бы, казалось.
Повалился, какъ снопъ, онъ въ постелю,
Зажигаетъ кругомъ себя свѣчи,
Куритъ ладаномъ, молится крѣпко,
А въ окошко швыряетъ дукаты,
Созываетъ убогихъ и нищихъ;
Самъ сидитъ на постелѣ недужный,
Въ ковѣчную книгу читаетъ...

Отъ зари до зари онъ читаетъ,
Вкругъ себя самъ боится и глянуть;
Ему чудятся всякіе страхи,
Всякій ужасъ и смертныя муки...
Только вотъ, наконецъ, отоцалъ онъ,
Вѣки сами собою раскрылись;
Поглядѣлъ онъ и руки упали:
Смерть стоитъ у него въ изголовьи!

И закрылъ онъ тогда свою книгу,
Кличетъ слугъ со двора на подмогу,
Переставить велитъ свое ложе,
Повернуть головами къ порогу...
Только смерть отъ головъ не отходитъ,
Будто тѣнь, вмѣстѣ съ нимъ переходитъ!
Сталъ больной тутъ вопить и метаться,
Что ни часъ, отдавать приказанье,
Ставить ложе свое поминутно
То къ углу, то къ порогу ногами...
Переставятъ его потихоньку,
Вкругъ себя по свѣтелкѣ онъ глянетъ...
Смерть опять у него въ изголовьѣ,
Держитъ косу въ рукахъ на-готовѣ!
Напоследокъ она провѣщала:

— «Отложи ты свое попеченье ;
«Не бывать тебѣ больше поблажки !
«Какъ лечилъ бы ты честью да правдой,
«То еще бы на свѣтѣ ты пожилъ !»
Тутъ недужнаго кара лихая,
Вся кромешная, лютая немочь
Подхватила и кинула о земь...
Такъ и отдалъ онъ душеньку Богу !

ХVII.

ПАПОРТНИКЪ.

Похвасталъ разъ Цвиркунъ, горбатый писарь,
Передо всей глинчанской слободой,
Что не бывалъ онъ отъ рожденья трусомъ
И никогда не вѣрилъ въ домовыхъ,
Что ляжетъ спать онъ ночью на кладбищѣ,
Подъ крики совъ въ курбатовскомъ-пруду
Наудить щукъ и спросить у кукушки,
Какъ долго жить ему еще на свѣтѣ...
И наконецъ, для подтвержденья словъ,
Взялъ и пошелъ на удивленье міра,
Подъ самага Купала, ровно въ полночь,
За папортникомъ, на болото, въ лѣсъ...

Цвиркунъ носилъ со скрипомъ сапоги,

Свинцовую сережку въ лѣвомъ ухѣ,
Огромный чубъ, у пояса кисеть
И голубой кафтанъ до самыхъ пятокъ...

А сколько зналъ онъ пѣсень, горемычныхъ,
Скромныхъ, слезныхъ, женскихъ и такихъ
Которыя поются за бандурой!

А сколько прочиталъ онъ разныхъ книжекъ,
Чума его возьми! Да все не нашихъ,
Такихъ, что сколько въ нихъ ты не смотри,
Въ глазахъ рябитъ, какъ будто смотришь въ погребъ,
И за бока ни разу ты надъ ними
Не схватишься, не упадешь со смѣху
И отъ души не скажешь: вотъ такъ штука!

Пришелъ Цвиркунъ, запрятался въ кусты,
И ждетъ, когда цвѣтокъ травы завѣтной
Средь темноты полночной зацвѣтетъ...

Межъ черныхъ тучъ едва мерцаютъ звѣзды,
Прохладный воздухъ пахнетъ жирухдой,
Сухими листьями, корой, грибами,
И ландышемъ, и липой, и лозой...
Поляны, лѣсъ, овраги, сучья, травы,
Все тихо, все объято чуткимъ сномъ...

Глядитъ Цвиркунъ и видитъ : передъ нимъ,
Въ махровой зелени зардѣлась точка,
Пускаетъ въ бокъ сверкающіе нити,
Изъ нитей вырастаютъ лепестки,
Сплетаются, ложатся тонкой почкой,
А почка распускается коронкой,
И голубой дымящійся цвѣтокъ
Изъ темноты у ногъ его выходитъ...

Вотъ чудеса! подумалъ храбрый писарь,
И къ папоротнику руку протянулъ...
Не тутъ-то было! Онъ къ цвѣтку, а тотъ
Собакою кудматой обернулся
И ждетъ его, оская страшный ротъ!

Глядитъ Цвиркунъ, и самъ себѣ не вѣритъ...
Черезъ рогатый пенъ, по острымъ сучьямъ,
Багровымъ отъ сіянья, змѣй ползетъ,
Зеленый и съ пѣтушьей головой...
На перышкѣ верхомъ несется вѣдьма,
Въ съдыхъ усахъ, съ вороньими когтями,
Въ короткой юбкѣ, съ трубкою въ зубахъ
И подпоясанная мокрой пъявкой...
Между дрожащихъ вѣтокъ сонныхъ вязовъ,
Бычачій глазъ по воздуху летитъ;

Безрукій мальчикъ вышелъ изъ травы
И машеть золотою бородою...
А тамъ въ потьмахъ качается крыло
Летучей мыши; далѣе шагаетъ
Разбитый чанъ на журавлиныхъ лапахъ...
Кругомъ ползуть зеленые жуки,
Треща крыломъ и поводя рогами
Вѣтвистыми, какъ у лѣсныхъ оленей.
За ними слѣдомъ мчится и гремитъ
Кобыльа голова, въ казацкой шапкѣ
И съ красными кровавыми глазами...
И наконецъ вверху, надъ самымъ лѣсомъ,
Крылатые несутся барабаны,
Смычки, бандуры, скрыпки, балалайки,
Лягушки, перья, кости и листы,
Оторванные изъ какой-то книги...
...
Не поддался продѣлкамъ сатаны
Отважный писарь, смѣлою рукой
Подъ визгъ и трескъ онъ папортникъ сорвалъ
И, положивъ его въ платокъ, сквозь сѣти
Препятствій новыхъ, бросился домой.
...
Чуть онъ ветупилъ въ оврагъ Сосновой Балки,
Откуда ни возмись, ему на встрѣчу
Съ цыплятами насѣдка: такъ въ глаза,

Кудахча, и кидается ему!

Цвиркунъ идетъ своимъ путемъ—дорогой,

И пестрая насѣдка исчезаетъ!

Идетъ онъ дальше: травы и кусты

Становится водою... Всю поляну,

Рѣка, шипя и пѣнясь, заливаешь,

Растешь, плывешь, деревья потопляешь

И подступаетъ казаку до плечь...

Но онъ идетъ своимъ путемъ—дорогой,

И, словно дымъ, расходится вода.

Вотъ вышелъ онъ изъ лѣса на поляну,

И мракъ исчезъ, и заалѣла степь

Прохладною, душистою зарею...

Ну! думаетъ Цвиркунъ, теперь ужь мы

Разбогатѣемъ: домъ не загорями!

И видитъ, по дорогѣ догоняетъ

Его дьячекъ, съ косичкой и чубатый,

Тотъ самый, у котораго на дняхъ

Онъ до того сливянки нализался,

Что началъ кукурикать пѣтухомъ...

— «Те-те! дружище! что такъ рано встали?»

«Навѣрно, отъ коханки? прямо съ Пѣсокъ?»

— «Куда намъ!...» — «А въ платочкѣ что у васъ?»

— «Гостинцы...» — «А!... Садитесь же со мною,

«Берите возжи, правьте по тихоньку,
«А ужь гостинцы я вамъ сберегу!»

Цвиркунъ садится, плеткою стегаетъ
Каурую кобылку, ѣдетъ, ѣдетъ,
О суетъ житейской разсуждаетъ,
И слышитъ вдругъ, какъ будто не вдали
Пропѣли пѣтухи... Глядитъ — и что же?...
Все скрылося: дьячекъ, его платокъ
И драгоценный огненный цвѣтокъ!
Онъ самъ сидитъ на палочкѣ, рысцой
Гарцуетъ съ ней, глинянскою слободой,
Межъ молодицъ отважно выступаетъ
И рысака мочалкой погоняетъ...
Такъ обманулъ нечистый казака!
Не перенесъ казакъ насмѣшки чорта,
И съ горести, какъ слышно, испился...

Но какъ-то, тѣмъ же лѣсомъ шелъ чабанъ,
Чабанъ, какъ всѣ степные овцепасы!
Онъ шелъ одинъ, съ кудлатою собакой,
Въ подкованныхъ огромныхъ черевикахъ,
На тощихъ, словно палочки, ногахъ,
И гналъ домой отставшую овцу...
Онъ наступилъ на паспортникъ случайно,

Въ тотъ самый мигъ , какъ началъ онъ цвѣсти,
И папортникъ въ башмакъ къ нему свалился.

Оторопѣль, какъ отъ грозы, чабанъ!

Глядитъ : вокругъ него зажглась дуброва

И лѣшіе выходятъ изъ-за пней...

Онъ закричалъ , и ну бѣжать ! Трава,

Деревья, пни и высохшія сучья

Со всѣхъ сторонъ тѣснятся передъ нимъ,

Когтистыя протягиваютъ лапы,

Хотятъ его схватить, остановить,

Трещать, греметь, бѣгутъ за нимъ въ погоню

И все кричить: «Отдай, отдай мое!»

Едва дыша, вбѣжалъ чабанъ въ слободку,

И черезъ тынъ вскочилъ въ свою избу.

Онъ затворилъ засовомъ дверь, на печку

Полѣзъ, и только что разуться вздумалъ,

Какъ на дворѣ пропѣли пѣтухи...

У чабана на сердцѣ отлегло

И молча онъ по хатѣ оглядѣлся.

И что жъ? опять невиданное диво!

Подъ лавкою, въ углу, у самой печки,

Земля прозрачна стала, какъ стекло,

А сквозь кору ея блеститъ кубышка,

Наполненная чистымъ серебромъ...

Глядитъ чабанъ, шатается, какъ сонный,
Не знаетъ, лечь ли спать, поить ли скоть
И позабыть ли чудное видѣнье...
Выходитъ онъ, едва дыша, въ сарай;
Тамъ тоже самое! Въ углу, подъ сѣномъ,
Земля горитъ, какъ ясное стекло,
А сквозь кору ея блеститъ кубышка,
Наполненная чистымъ серебромъ...
Все разгадалъ испуганный чабанъ!
Онъ скинулъ осторожно черевики,
Досталъ цвѣтокъ, зашелъ подальше въ степь,
Разсѣкъ себѣ ладонь, подъ складку кожи
Засунулъ паспортникъ и заростилъ
Его въ рукѣ, и тайно съ той поры
Сталъ находить невидимые клады,
И скоро онъ разбогатѣлъ безъ мѣры...
Женился, началъ въ волю ѣсть и пить,
И расплылся сороковою бочкой.
Срубилъ себѣ серебряный онъ домъ,
А для собаки золотую хатку...
Надѣлъ рубашку новую, кунтушъ,
Широкіе, какъ море, шаравары,
Съ ременнымъ, въ ясныхъ бляхахъ, кушакомъ;
Надѣлъ онъ сапоги изъ чистой юхты,
Надѣлъ тулупъ на заячьемъ мѣху,
И завалился по уши въ перины,

И кушать сталъ вареники да медь...
Вокругъ него толпилася семья,
Откормленная на привольи. Пашни
Сторицею ему плодили хлѣбъ...
Онъ не знавалъ губительной засухи,
Кузнечиковъ, коварныхъ овражкѡвъ
И злобныхъ тучъ безжалостнаго града...
Ничто въ его дворѣ не пропадало
И ни одинъ ничтожнѣйшій горшокъ
Въ рукахъ его невѣстокъ не разбился...
Чего же больше нужно человѣку?
Не тутъ-то было! Сталъ вередовать...
— « Не надо мнѣ ни сала, ни наливокъ,
« Дайте мнѣ отъ ласточки яицъ! »
Такъ онъ сказалъ, и подъ руки внучата
Его на воздухъ вывели изъ хаты...
Усѣлся онъ на бархатномъ коврѣ,
Облокотился важно о подушки,
Сложилъ на грудь упитанные руки
И протянулъ передъ собою ноги,
Какъ два столба дубовыхъ въ сапогахъ,
И тяжело вздохнулъ, и потянулся,
И до ушей открылъ лѣнивый ротъ...
Но чуть онъ взялъ вареное яичко

Касаточки , которая надъ нимъ
Кружилася и жалобно визжала,
Яйцо упало на земь и разбилось...
За нимъ упала хата казака,
За хатою амбары и сараи;
И цѣлый дворъ , дуга , поля и лѣсъ
Въ пустынное болото обратились...

Остался вновь ни съ чѣмъ , какъ былъ , чабанъ!
Подумалъ : « Вотъ ужъ важное житье
Въ перинахъ , да на шелковыхъ подушкахъ! »
Подумалъ , погадалъ , махнулъ рукой,
Ударилъ въ полы , подозвалъ собаку,
Надѣлъ опять дегтярный балахонъ,
Оборванные волчьи шаравары,
Подбитые гвоздями башмаки
И старенькую свитку — взялъ свой ножъ,
Пяти-аршинный кнутъ , кисеть и трубку,
И снова въ степь пошелъ чабановать,
Ходить , бродить и на кожахъ спать...

ХVIII.

ДОЛЯ.

Жилъ себѣ въ свѣтѣ чумакъ, небогатый и вовсе безродный.

Мучилась крѣпко въ родахъ у него дни и ночи хозяйка.

Разъ, передъ поздней зарею, она и давай просить мужа :

«Видно, приходитъ мой часъ; не дожить мнѣ до блага утра;

«Встань, побѣги ты въ лѣсокъ и нарви мнѣ хоть горсточку яблокъ.

Всталъ и пошелся онъ въ лѣсъ, изъ слободки, съ мѣш-
комъ за плечами;

Ходить, а день все темнѣй, и въ лѣсу потерялъ онъ
дорогу.

Видитъ, ограда. — «То вѣрно лѣсничихи нашей из-
бушка!»

Тихо онъ стукнулъ въ ворота; ворота передъ нимъ рас-
творились,

Встрѣтила старая баба его и на печь уложила.

Легъ онъ, не спитъ, все молчитъ, и въ глубокую самую
полночь,

Слышитъ, къ окну кто-то тихо въ потьмахъ подошелъ
и ударилъ:

— «Бабушка старая, слушай-ты!» голосъ въ окно
отозвался:

«Тысяча сто человѣкъ въ эту ночь вновь на свѣтъ на-
родилось;

«Будетъ ли ихъ житіе долговѣчно и мирно на свѣтѣ?»

Тихо старуха подумала въ хатѣ и молвила: «Будетъ!»

Голосъ затихъ подъ окномъ и въ потьмахъ стало слыш-
но, какъ вѣтеръ

Вдругъ по кустамъ заходилъ, зашумѣлъ по трубѣ и
оградѣ.

Вновь сквозь просонокъ мужикъ слышитъ, кто-то въ
потемкахъ подходитъ:

— «Бабушка старая, слушай!» опять тихій голосъ
раздался:

«Тысяча сто человѣкъ вновь на свѣтъ въ этотъ часъ на-
родилось;

«Будеть ли ихъ житіе, какъ и тѣхъ, долговѣчно и
мирно?»

Съ лавки старуха опять поднялась и отвѣтила гро-
зно:

— «Охъ! надоѣлъ ты съ своимъ мнѣ постылымъ до-
кладомъ сегодня!

«Вновь нарощеннымъ на свѣтъ не видать долголѣтя
и счастья!»

Голосъ у хатки замолкъ, и пугливо шаги межъ де-
реьевъ,

Бѣгомъ пустился вдаль и въ потьмахъ за горой за-
терялись...

Утромъ чумакъ воротился домой, поглядѣлъ, да и ах-
нулъ:

Въ хатѣ хозяйка лежитъ, а у печки, на лавкѣ, съ ней
рядомъ,

Двое дѣтей—близнецовъ, ею въ самую полночь рожден-
ныхъ!

Вспомнилъ про то, что услышалъ, чумакъ и задумался
крѣпко.

Вотъ начинаютъ расти близнецы, не по днямъ, по ми-
нутамъ;

Только отъ горя отецъ, что ни день, то печалится
больше...

Все бь хорошо: молодцы, словно кровь съ молокомъ,
волосъ въ волосъ,

Оба лицомъ, красотой и умомъ, какъ одинъ, дружка
въ дружку;

Только одна лишь бѣда: братъ постарше, во всемъ,
чтобъ ни дѣлалъ,

Былъ и востеръ, и гораздъ, и въ рукахъ его дѣло ки-
пѣло;

Братъ же меньшей ни успѣху въ работѣ, ни проку не
видѣлъ!

Такъ проходили года; сыновьямъ, что ни день, онъ ди-
вился...

Кажется, что бы? Ни силой, ни сметкою не были разны!

Вотъ и задумалъ отецъ попытать съ ними лютую
долю...

Взялъ и послалъ сыновей за дровами; а самъ поти-
хоньку

Легъ у рѣки на мосту, и какъ разъ по срединѣ до-
роги

Кинулъ онучи, глядитъ и тайкомъ самъ съ собой раз-
мышляетъ:

— «Бѣдный сынишка ты мой; родился ты не въ пору
и время;

«Доля тогда предрекала рожденнымъ несчастье и горе!

«Можетъ, ошиблась она; на находку путемъ ты нат-
кнешься,

«Въ свѣтъ же молвятъ отъ этого вдругъ разживаются
люди!»

Ждетъ онъ не часъ и не два; сынъ меньшей показался
изъ лѣсу.

Тихо идетъ, на мостокъ ужь ступилъ, и къ онучамъ
подходить;

Да заглядѣлся, увидѣлъ, что братъ не выходитъ изъ
лѣса,

Сѣлъ подождать, ждетъ—пождетъ, и заснулъ на пути,
какъ убитый.

Старшій же братъ подошелъ, на дорогъ находку увидѣлъ,
Поднялъ, и началъ толкать подъ бока задремавшаго
брата:

— «Соня ты, соня, вставай; погляди, что нашель
близь тебя я;

«Это къ добру, говорятъ, и на счастье судьба посы-
лаетъ!»

Братъ поглядѣлъ, помолчалъ, и пошли они къ хатѣ,
толкую...

Чуть же они отошли, всталъ отецъ и печально примол-
вилъ:

— «Нѣтъ! вижу я, какъ ни бейся, а доли своей не ми-
нуешь!

«Съ нею родишься на свѣтъ, съ ней и въ могилу ты
ляжешь!»

XIX.

ОБОРОТЕНЬ.

Жилъ былъ себѣ казакъ Иванъ Вареникъ,
По уличному Гугля, а по книгамъ,
По книгамъ чуть ли не Иванъ Ивановъ...
Былъ у казака сынъ, Вареникъ тоже
И тоже Гугля, статный молодецъ!
Всѣмъ бралъ онъ, всѣмъ, и ростомъ и усами,
Одна бѣда: онъ былъ лѣнивъ, какъ вѣтеръ
Въ полдневный зной, какъ мысли казака
Въ тѣни кустовъ развѣсистыхъ черешень,
Когда въ зубахъ дымится трубка, ноги
Раскинулись, какъ пьяницы въ шинку,
Одна рука другой не хочетъ слушать...

Вотъ старый Гугля Гуглю молодого

Отдать въ ученье вздумалъ, въ мастерство.

Отдалъ въ сапожники — забраковали;
Попробовалъ въ вѣтошники отдать,
Въ вѣтошники — забраковали снова.
Отдалъ на пасѣку, въ токарню, въ бойню,
На кузницу, въ овчарню, въ грамотѣи,
Вездѣ одно и то же: не годится...
Онъ отдалъ сына въ лѣжни, но и въ лѣжняхъ
Не повезло лихому казаку!...
Задумался отецъ, махнулъ рукою,
Взялъ сына и пошелъ пустынной степью,
Пошелъ, печально голову склоня,
И такъ онъ шелъ три ночи и три дня.

Приходить въ лѣсъ заглохшій и дремучій,
Съ усталости на дряхлый пенъ садится
И говоритъ, вздыхая про себя:
«Охъ, охъ!... Судьба, судьба моя лихая!»
И видитъ, вдругъ изъ-подъ гнилаго пня,
Просунулся зеленый человѣчекъ
И говоритъ: — «А что тебѣ, почтенный?
«Я Охъ, я Охъ, властитель этой дебри...
«Ты звалъ меня, и я къ тебѣ явился:
«Приказывай, зачѣмъ меня ты звалъ?»
Задумался Вареникъ не на шутку,
Задумался, на сына посмотрѣлъ
И рассказалъ владыкѣ темной дебри,

Какъ и куда его онъ отдавалъ,
И какъ нигдѣ онъ счастья не видалъ.

— «Постой же, кумъ, отдай его ко мнѣ ты

«Въ ученіе, не бойся ничего;

«И въ эту пору, ровно черезъ годъ,

«За нимъ прійди: его я всѣмъ наукамъ

«И ремесламъ, какъ надо, научу

«И вновь тебѣ его я возвращу!»

Вареникъ согласился, отдалъ сына

И радостный пошелъ опять домой,

А Охъ приподнялъ пень и опустился

Съ ученикомъ въ подземныя страны,

Въ свое лѣсное царство—государство...

Чуть онъ вступилъ подъ землю, въ дверь зеленой

Обросшей мхомъ и камышами хатки,

Тамъ на порогъ казаку предстала

Зеленая волшебника жена,

Зеленые волшебниковы дѣти,

И столъ, покрытый скатертью зеленой,

Зъ зеленою кутьей и пирогами.

— «Садись и ѣшь!» сказалъ, нахмурясь, Охъ.

Казакъ не долго думалъ и усѣлся,

И сталъ глотать безъ счету пироги...

Когда въ горшкѣ гулялъ одинъ лишь вѣтеръ,

Колдунъ утерся рукавомъ и всталъ

И вышелъ съ Гуглей изъ зеленой хатки.
— «Носи дрова!» сказалъ онъ казаку.
Казакъ подъ плеткой Оха заметался
И навалилъ костеръ изъ хрупкихъ лозъ.
Колдунъ умылъ его, одѣлъ въ нарядный
Кунтушъ, связалъ ему веревкой руки,
И положилъ его на верхъ костра...
Костеръ сгорѣлъ, а съ нимъ сгорѣлъ и Гугля!
Колдунъ собралъ его горячій пепель
И сталъ его на вѣтръ высѣвать.
Летучій прахъ разсыпался по травамъ,
Къ ногамъ волшебника упалъ одинъ
Погасшій уголекъ, величиною
Съ горошину, и было это сердце
Сожженнаго воспитанника Оха...
Взялъ Охъ упавшій уголь, чѣмъ-то sprysнулъ,
И снова встрепенулся передъ нимъ
Живой, какъ прежде, длинночубый Гугля!
Опять колдунъ велитъ носить дрова,
И вновь казакъ наверхъ костра ложится;
Костеръ горитъ, а съ нимъ горитъ и Гугля,
Горятъ его казацкіе усы,
И шапка новая, и шаравары,
И длинный чубъ, и трубка и кисеть...
Кидаетъ Охъ по вѣтру легкій пепель;
И пепель разсыпается, какъ пыль.

Къ ногамъ волшебника одинъ лишь уголь,
 Величиной съ горчичное зерно,
 Изъ кучи пепла тихо выпадаетъ,
 И то зерно истлѣвшее въ конецъ
 Лихое сердце горемыки Гугли.

— «Ну, говоритъ колдунъ: пора покончить;
 «Теперь его я снова оживлю,
 «И пусть идетъ на свѣтъ на заработки!»
 И онъ опять беретъ завѣтный уголь,
 Его водой волшебной поливаетъ,
 И снова появляется предъ нимъ
 Живой, какъ прежде, длинночубый Гугля;
 И Охъ его гоняетъ и журить,
 И дѣлать дива разныя велить.

Проходитъ годъ, въ дремучій лѣсъ Вареникъ
 Идетъ, садится на косматый пенъ,
 И въ тотъ же мигъ къ нему на плечи тихо
 Спускается лиловый голубокъ,
 Съ дрожащими серебристыми крылами,
 Съ пушистыми въ оборочкахъ ногами
 И съ розовыми глазками: — «Отецъ,
 «Отецъ мой! шепчетъ голубь, обнимая
 Отца своимъ сверкающимъ крыломъ: —
 «Когда меня просить ты нынче станешь
 «У Оха, онъ насъ всѣхъ, учениковъ

« Своихъ , намѣренъ обратить въ барашковъ !

« Всѣ будутъ , какъ одинъ , всѣ будутъ схожи

« Между собой , но я начну кричать ,

« И ты указуй на того барашка ,

« Который будетъ бѣгать и кричать ! »

Настало время выбора . — « А ну—ка ,

« Узнай , старинушка , который твой ? »

« Узнаешь , дѣлать нечего , безъ платы

« Бери его съ собою на село ! »

Глядитъ старикъ и головой качаетъ :

Барашки , какъ одинъ , одной породы ,

Однихъ мастей и роста одного . . .

— « Вотъ это мой ! онъ говоритъ съ усмѣшкой ,

Указуя рукою на барашка ,

Который бѣгалъ , прыгалъ и кричалъ .

— « Ты угадалъ ! нахмурясь , отвѣчаетъ

Сердитый Охъ : — однакожь , погоди ;

« Ты черезъ годъ за сыномъ приходи ! »

Проходитъ годъ опять , и въ ту же пору

Въ дремучій лѣсъ идетъ Иванъ Вареникъ ,

Идетъ , садится на косматый пенъ

И снова видитъ , голубокъ лиловый

Къ нему слетаетъ тихо на плечо .

— « Сегодня , батюшка , передъ тобою

« Хозяинъ нашъ своихъ учениковъ

« Ужь не въ барашковъ обратить намѣренъ ,

«А въ краснопёрыхъ жирныхъ пѣтуховъ!

«Всѣ будутъ, какъ одинъ, всѣ будутъ схожи

«Между собой, но ты ищи того,

«Чей гребешокъ немного будетъ на бокъ!»

Настало время выбора, волшебникъ

Выводить Гугль стаю пѣтуховъ

И говорить: — «Ищи, почтенный, сына!

«Узнаешь, дѣлать нечего, безъ платы

«Бери его съ собою на село!»

Глядитъ казакъ и головой качаетъ:

Всѣ пѣтухи однихъ мастей, породы,

Однихъ цвѣтовъ и роста одного...

— «Вотъ это мой! онъ говоритъ съ усмѣшкой,

Указуя рукой на пѣтуха,

Съ гребнемъ, заломленнымъ, какъ шапка на бокъ...

— «Ты угадалъ! Бери его съ собою!

«Но помни, кумъ, тебѣ я не прощу

«Во вѣкъ того, что побѣдилъ ты Оха,

«Котораго не побѣждалъ никто!»

Старикъ беретъ съ собой обратно сына

И съ нимъ идетъ обратно на село,

И долго слышитъ онъ какъ за спиною,

Звучать угрозы злаго колдуна:

«Но помни, кумъ, я не прощу во вѣки

«Тебѣ того, что побѣдилъ ты Оха,

«Котораго не побѣждалъ никто!»

Идетъ Вареникъ съ сыномъ городами,
Долинами, лѣсами и горами.

Идетъ онъ долго ль, нѣтъ ли, только видитъ,
Съ охоты ѣдетъ важный господинъ.

Звенятъ ножи, винтовки за плечами,

Собаки скликаютъ, хлопаютъ бичами,

Косые зайцы бьются въ торокахъ,

На егеряхъ зеленые кунтуши

И желтые, съ перомъ орлинымъ шапки;

Самъ господинъ на ворономъ конѣ

Сидитъ въ суконномъ синемъ казакинѣ,

Въ густой терновникъ взоры устремляетъ

И молча дымъ колечками пускаетъ,

Сося янтарь криваго чубучка

И погоняя плеткой рысака.

— «Постой—ка, батюшка, я обращуся

»Въ собаку гончую; ты продавай

«Охотникамъ за дорогую цѣну

«Меня, но только продавать не смѣй

«Съ меня веревки: въ ней, на это время,

«Я спрячусь самъ; смотри жъ, не ошибись!»

Торгъ совершенъ, казакъ пересыпаетъ

Дукаты пана въ кожаный кисетъ,

Спѣшитъ скорѣй въ сосѣдней балкѣ скрыться,

А изъ веревки вновь выходитъ парень,

И вновь съ отцемъ пускается блуждать

И счастья по свѣту добывать...
Онъ поминутно то козой, то бочкой
Съ горѣлкою, то возомъ дынь и сливъ,
То нанкою становится, то масломъ;
И чуть отецъ въ кисеть пересыпаетъ
За сына деньги, унося съ собою
Какой нибудь остатокъ отъ того,
Что продавалъ, изъ этого остатка
Является, какъ листъ передъ травой,
Передъ отцемъ Вареникъ молодой.

Такъ онъ ходилъ безъ малаго три года
По городамъ, степямъ и панскимъ селамъ,
Дукатами карманы нагрузивъ
И насмотрѣвшись кучи разныхъ дивъ. .

Приходитъ онъ, однажды, въ шумный городъ
И устремляется съ отцемъ своимъ на торгъ.
— »Смотри же, батюшка, я обращуся
«Въ персидскаго, лихаго жеребца.
«Ты продавай меня за ковшъ червонцевъ,
«За тысячу барановъ и за куль
«Крупичатой муки и грушъ, въ придачу;
«Но не забудь, не продавай съ меня
«Поношенной и порванной уздечки:
«Въ уздечкѣ той укроюся я самъ!»

Торгуется казакъ съ покупщиками,
 Торгуется и самъ себѣ не вѣрить:
 За жеребца даютъ и ковшъ червонцевъ
 И тысячу барановъ; только
 Крупичатой муки и грушъ въ придачу
 Еще никто на торгъ не положилъ...
 — «Я куль муки и грушъ кладу въ придачу!»
 Кричитъ съдой и сморщенный цыганъ,
 Между толпы народа продираясь,
 И ржетъ предъ нимъ и бьетъ копытомъ конь...
 — «Я дамъ тебѣ все то, что ты желаешь
 «Но съ уговоромъ: продавай коня,
 «Не одного, а съ конскою уздечкой!»
 — «Что, думаетъ казакъ: какое диво
 «Въ уздечкѣ?!...» и цыгану отдаетъ
 Коня, съ его завѣтною уздечкой...

Чуть старый Гугля взялъ кули и деньги
 И въ степь погналъ сторгованныхъ барановъ,
 Съдой цыганъ (то былъ волшебникъ Охъ)
 Укоротилъ коню уздечку, быстро
 Вскочилъ къ нему на молодую спину,
 Сдавилъ его шипами острыхъ шпоръ
 И сталъ его гонять, кусать и злобно
 Желѣзною нагайкою стегать!

Измучивъ и загнавъ коня, волшебникъ
 Примчался съ нимъ домой и привязалъ
 Его въ конюшнѣ, головою къ самой
 Высокой балкѣ, такъ, чтобъ онъ не могъ
 Достать изъ яслей ни овса, ни сѣна,
 А самъ пошелъ съ женой своей объдать.
 Но не успѣлъ онъ съѣсть и миски щей,
 Какъ въ попыхахъ вбѣгаютъ въ хату дѣти.
 — «О, тату, тату, что теперь намъ дѣлать?
 «Мы повели коней на водопой,
 «Да повели туда жъ и жеребца,
 «Котораго сегодня ты купилъ;
 «Глядимъ, а конь, чуть добѣжалъ до рѣчки,
 «Къ водѣ приналъ усталой головой,
 «И въ тотъ же мигъ съ него свалилась въ волны
 «Уздечка, стала окунемъ, плеснулась
 «И уплыла, а съ ней исчезъ и конь!»
 — «Ну, сорванцы, задамъ я вамъ трезвону!»
 Кричитъ колдунъ, бросаяся изъ хаты,
 Стрѣлой летитъ къ рѣкѣ и въ волны бухъ!..
 Становится въ волнахъ зубатой щукой
 И, окуня догнавши, говоритъ:
 — «Окунь, окунь, окунець,
 «Ненаглядный молодець;
 «Стань ко мнѣ ты головою,
 «Побесѣдуемъ съ тобою!»

Но окунь, оцетинивъ золотую
 И острую, какъ иглы, чешую,
 Становится хвостомъ къ зубатой щукѣ
 И ей въ отвѣтъ съ усмѣшкой говорить:

— «Коли ты, кума, быстра,
 «То лови меня съ хвоста!»

И щука снова разсѣкаетъ волны

И, окуня догнавши, говоритъ:

— «Окунь, окунь, окунёць
 «Ненаглядный молодець;
 «Стань ко мнѣ ты головою,
 «Побесѣдуемъ съ тобою!»

Но окунь, оцетинивъ золотую

И острую, какъ иглы, чешую,

Становится хвостомъ къ зубатой щукѣ

И снова ей съ усмѣшкой говорить:

«Коли ты, кума, быстра,
 «То лови меня съ хвоста!»

Такъ плавалъ онъ и убѣгалъ отъ щуки,

Но наконецъ измучился, прыгнувъ

Изъ темныхъ волнъ, и голубемъ помчался

Надъ синими разливами степей...

Глядитъ, а Охъ за нимъ орломъ несется,

Шипитъ какъ змѣй, крыломъ широкимъ машеть

И, когти выпустивъ и клювъ раскрывъ,
Кровавымъ взоромъ прожигаетъ воздухъ.

Казакъ копной травы зеленой сталъ,
А Охъ въ огонь летучій обратился,
Поджегъ копну, зардѣлся, затрещалъ
И полетѣлъ кудрявыми клубами...
Казакъ насилу вырвался изъ дыма
И побѣжалъ по стени сѣрымъ волкомъ!

Глядитъ, а Охъ уже летитъ за нимъ
На вѣникъ, кривой и старой вѣдьмой;
Догналъ его, неожиданно изъ косы
Сѣдой и тощей, вырываетъ волосъ,
И, пошептавъ надъ нимъ, въ блестящій мечъ
Его въ рукъ костлявой обращаетъ
И разсѣкаетъ волка пополамъ...
Двѣ половины волка, въ ту жъ минуту,
Передъ беззубой вѣдьмой исчезаютъ
И остается только волчій хвостъ:
Хвостъ обращается въ лѣсную жабу,
А вѣдьма обращается въ змѣю,
И страшный бой змѣи съ лѣсною жабой
Бой на смерть, начинается въ степи...
Недолго бой змѣи и жабы длится...
Измученная жаба, искусавъ

Змью, становится древеснымъ червемъ,
На вѣтку дикой яблони ползеть
И, прокусивъ одно изъ яблокъ, быстро
Скрывается въ его душистомъ тѣлѣ...
Колдунъ за нимъ на яблоню ползеть
И язвою смертельной поражаетъ
То яблоко, и яблоко растеть,
Становится величиною съ дыню,
И, лопнувъ, разлетается пескомъ...
Песокъ становится лѣсною пташкой,
Летить, глаза отъ ужаса замуря;
А Охъ за нимъ пускается Совой —
И такъ они летять степями, рвами,
Долинами, лѣсами и горами...

Уже малютка пташка изнываетъ
И чуть трепещетъ золотымъ крыломъ;
Уже она изъ силъ послѣднихъ бьется,
Раскрыла клювъ, склоняется, чуть дышетъ
И, замирая, на землю летить...
Но не успѣла пташка опуститься
Къ землѣ, какъ видитъ: пышный, панскій домъ
Стоитъ, въ сады и нивы потопленный;
Среди двора колодезь и курганъ,
На томъ курганъ столбъ и голубятня;
Изъ трубъ села несется струйкой дымъ;

А изъ палатъ въ душистый, пышный садъ,
Растворено окошко, въ томъ окошкѣ
Блестить, въ лучахъ зари, надъ самопрялкой,
Румяная, кудрявая головка,
И молодая пани, распѣвая
И поводя веретеномъ пѣвучимъ,
Изъ пряди тянетъ золотую нить...
Въ окно влетаетъ маленькая пташка,
Становится чубатымъ казакомъ
И говоритъ, цѣлуя ручку пани
И становясь предъ нею на колѣни:
— «О пани, пани, защити меня!
«Я обращусь въ алмазное колечко,
«Ты вдѣнь меня на розовый мизинчекъ,
«И чуть суда войдетъ волшебникъ Охъ
«И у тебя просить колечка станеть,
«Ты брось меня о землю и скажи:
«Пусть не тебѣ, не мнѣ колечко это,
«Пускай оно разсыплется пшеномъ!
«Одно зерно подкатится къ тебѣ,
«Ты придави его своею ножкой
«И такъ держи: я въ немъ укроюсь самъ...
«Спаси меня, спаси, царица пани!»
Чуть онъ промолвилъ это, сталъ колечкомъ
И очутился на мизинцѣ пани,
Дверь распахнулась съ шумомъ и вошелъ

Въ нее отецъ красавицы, нахмуря
 Съдья брови и кусая усь,
 А съ нимъ колдунъ, въ кафтанъ и въ ермолкъ,
 Какъ жидъ, серёгъ и колець продавецъ.

— «Отдай, Оксана, перстень; для чего ты
 «Его взяла у этого купца?»

— «Отдайте, госпожа, отдайте перстень:
 «За что вы такъ обидѣли меня?»

— «Нѣтъ! говоритъ, сверкнувъ очами, пани:
 «Пусть ни тебѣ, ни мнѣ колечко это,
 «Пускай оно разсыплется пшеномъ!»

Она кольцо ударила о землю,
 Кольцо пшеномъ разсыпалось, одно
 Зерно подъ ножку пани подкатилось,
 Укрылося подъ алымъ башмачкомъ,
 И въ тотъ же мигъ колдунъ прыгнулъ изъ двери,
 Сталъ нѣтухомъ, всѣ зерна поклеваль,
 Захлопаль крыльями, закукурікаль
 И улетѣлъ въ открытое окно.
 Свою побѣду надъ казакомъ славя...

А что жъ казакъ? — Казакъ едва умчался
 Волшебникъ, изъ подъ ножки милой пани
 Опять явился статнымъ казакомъ,
 Въ короткой свиткѣ, сѣрой съ оторочкой,
 И съ черными, курчавыми усами...

Онъ тутъ же милой пани полюбился,
Даль слово ей покинуть колдуновъ
И оборотней и другихъ нечистыхъ
Властителей кромешной тьмы; отецъ
Пригожей пани въ тотъ же день затѣялъ
На славу свадьбу, дочку обвѣнчалъ
Съ Вареникомъ и такъ напился браги,
Что выхватилъ у одного изъ пьяныхъ
И сонныхъ музыкантовъ контробасъ,
И, отдувая гòрлицу, пустился
По комнатѣ кружиться и плясать,
И молодицъ румяныхъ задѣвать...

И только одного на брачномъ пирѣ
Не доставало между молодицъ
И хуторянскихъ парней и дѣвицъ:
На пирѣ томъ не пилъ вареной браги
И не плясалъ родитель жениха,
Старикъ казакъ, съдой Иванъ Вареникъ,
По уличному Гугля, а по книгамъ,
По книгамъ чуть-ли не Иванъ Ивановъ!

ОЧЕРКИ XVII ВѢКА.

I.

СОКОЛИНАЯ ОХОТА.

— «Отколь ни взялся
«Младъ ясенъ соколь;
«Убилъ— ушибъ
«Лебедь бѣлую...»

Хороводная пѣсня.

Было весеннее время. Выѣзжалъ осьмнадцатилѣтній царь Алексѣй Михайловичъ изъ села Измайлова, по берегамъ Москвы рѣки, на любимую потѣху, на охоту съ соколами и кречетами. Это былъ еще второй годъ его царствованія. Государствомъ правилъ царскій дядька, Борисъ Ивановичъ Морозовъ, и радъ былъ, что Государь тѣшитя. Охота выѣзжала, какъ слѣдуетъ: все верхами, на плотныхъ и приземистыхъ аргамакахъ, кто на була-

номъ, кто на гиѣдомъ, а кто на сивомъ; и все съ соколами и кречетами, на правой рукавицѣ. На головкѣ каждой изъ ловчихъ птицъ былъ алый, бархатный клубочокъ, съ золотою оторочкою; на ногахъ суконныя «ногавки», родъ чулочекъ, съ тесмѣнными «опутинками»; а въ хвостъ, чтобъ слышать, гдѣ соколъ сядетъ, серебряный колокольчикъ. Тутъ были все любимыя царскіе охотники, и за каждымъ его «поддатень». А сзади, за всадниками, ѣхалъ обозъ, со слугами, царскою кухней и палатками; великолѣпіе палатокъ всехъ изумляло: одна была парчевая золотая, другая серебряная, а третья кашемировая. Стража изъ стрѣльцовъ замыкала шествіе. Сокольники также отличались уборомъ: все были въ цвѣтныхъ кафтанахъ, въ горностаевыхъ и лисьихъ шапкахъ и въ цвѣтныхъ сафьянныхъ сапогахъ. У праваго бока, на кольцѣ, серебряный рогъ. Птицы были также въ большихъ выѣздныхъ нарядахъ. Самъ царь ѣхалъ безъ сокола; онъ ожидалъ къ сборному мѣсту изъ Москвы, отъ главнаго ловчаго своего, Аѳанасія Ивановича Матюшкина, гонца съ нововыцощеннымъ соколомъ, птицы, какъ увѣдомлялъ Матюшкинъ, неслыханнаго лѣта и силы. Самъ же царскій любимецъ Матюшкинъ лежалъ въ Москвѣ, въ лихорадкѣ, и не могъ присутствовать на этой забавѣ. И каждый сокольникъ, помня урядъ по уставу, вздѣвалъ рукавицу «тихо и стройно», принималъ сокола и кречета, перекрестясь, «красовато, премудровато и мо-

лодцовато» и выносилъ его по уставу: «бережно, явно, смѣло, подправительно, подъявительно, къ вѣдѣнію человѣческому и къ красотѣ кречатьей.»

Было еще рано. Туманный, сѣроватый денёкъ общалъ птицѣ рѣзвую и нестомчивую гоньбу. Царь, ожидая посла отъ Матюшкина, то и дѣло оглядывался къ просёлку, откуда, мимо Дядьковского займища, долженъ былъ показаться гонецъ. Свернули на тропинку, между двухъ овраговъ, и съ косогора, поросшаго мелкимъ ивнякомъ и березками, въѣхали на широкое, низменное поле, усѣянное озерками, кочками и кустарными порослями. Нигдѣ, въ свои разѣзды по окрестностямъ московскимъ, ни близъ селъ и предмѣстій Тайнинскаго, Сущева и Воробьева, ни близъ Преображенскаго и Напруднова, царь не находилъ столько дичи, какъ здѣсь, по берегамъ и болотнымъ «прыскамъ» Москвы рѣки. Здѣсь кишмя кишѣли безчисленные стаи утокъ, гусей, голубей, чаекъ, куликовъ, цаплей и всякой дикой птицы...

Спустившись мимо крайней пашни и капустныхъ огородовъ сосѣдней замойной москворѣцкой земли, царь остановилъ коня. Изъ подъ ногъ его, сквозь палей сосѣдняго мосточка, черезъ болото взлетѣлъ гусиный выводокъ. Царь указалъ рукою.

— Знать гонецъ-то отъ Аѳанасія Ивановича не скоро выѣдетъ! сказалъ онъ, взглядываясь, какъ гуси полетѣли и плавно спустились на ближнее озеро.

Всадники спѣшились и стали готовиться къ охотѣ. Опять сѣли на коней.

Первый выпустилъ Пароентій Табалинъ. Его кречеты, Анпрасъ и Арбасъ, были изъ породы «дѣрбниковъ» то есть брали, какъ соколъ, падая съ высоты, и какъ ястребъ, ловя птицу въ угонъ. Взлетѣла чайка. Кречеты разомъ брошены съ рукъ и стали всходить кругами, одинъ выше, другой пониже, такъ, что чайка векорѣ очутилась между ними. Въ этомъ состояло все любопытство. Чайка, какъ обезумѣвшая, кинулась къ землѣ; нижній кречетъ пустился полемъ, плывя, какъ ласточка и чуть не задѣвая землю крыломъ. Вмигъ онъ подбилъ чайку къ верху. Она взвилась къ верху; верхній кречетъ кинулся на нее съ высоты. Послѣ десятка красивыхъ изворотовъ, чайка промахнулась; оба кречета, почти разомъ, вцѣпились въ нее и вмѣстѣ съ нею, звеня бубенчиками, упали въ траву. Табалинъ поскакалъ принять добычу.

За нимъ пускали птицъ Комчатый, Хомяковъ и Лабутинъ. Кречетъ Комчатого, Бумаръ, между двухъ лѣсковъ, взмылъ на молодаго гуся и, послѣ двухъ ставокъ надъ нимъ, взялъ его, ринувшись быстрѣе молніи: крѣпкая шнора задняго ногтя съ размаха пересѣкла шею гуся, и онъ отлетѣлъ, кувыркаясь, безъ головы. Вѣжливая птица, какъ слѣдуетъ при этомъ, даже не сѣла на добычу, а опустила въ возлѣ, къ сторонкѣ и, поводя разгорѣвшимися отъ злости глазами, стала охорашиваться, чи-

стя перья и кивая алою шапочкой. Затравили еще жаворопка, двухъ скворцовъ и утку. Царь все поджидалъ изъ Москвы гонца и самъ почти не принималъ участія въ охотѣ. Стоя у обоза, на пригоркѣ, подъ деревомъ, онъ только смотрѣлъ, изрѣдка переговариваясь съ Хомяковымъ. Разбили палатку и стали готовить легкую закуску. Съ пригорка весело было смотрѣть на пестрыхъ «вѣршниковъ» то разсыпавшихся кучками по лугамъ и тропинкамъ, то скакавшихъ въ одиночку, въ догонку, за соколами. Царскій стремянной затрубилъ въ рогъ сборъ къ мѣсту, и всѣ сокольники съѣхались къ палаткѣ. Пошли полушопотомъ толки о добычѣ, о соколиныхъ ставкахъ. Какъ ни строгъ былъ дворцовый урядъ, между сокольниками, все почти сверстниками царя, то тамъ, то здѣсь слышались шутки или веселый смѣхъ.

— Ну, знать доподлинно Аѳонасій-то Ивановичъ позамѣшкался! Сытый голоднаго не разумѣетъ! Давайте ѣсть! сказалъ царь. — Слуги засуетились, разослали у палатки персидскій, шелковый коврикъ. Все мѣсто отдыха, по обычаю, обнесли подвижными рогатками, и поставили у входовъ стражу. Царь велѣлъ, безъ чиновъ, сокольникамъ садиться по ковру; а самъ помѣстился у входа въ палатку. Подали флягу ренскаго.

— Дѣло! сказалъ царь, наливая вина: «Кто, ребята, отгадаетъ загадку, тому первая чарка! Слушайте, что такое:

«Древо древоданское,
 «Листье лихохонское,
 «Цвѣты ангельскіе,
 «Когти дьявольскіе?»

Поддатень Доримонтка крикнулъ: «*шиповникъ!*» и получилъ чарку. Сокольникій Комчатый, съ видимою ласкою поглядывавшій на флягу, только почесался. Царь опять налилъ вина.

— А ну-те, ребята, еще! Что такое:

«Стоить Ероѣйко,
 «Подпоясанъ коротенько?»

— *Въникъ!* сказалъ опять Доримонтка. Комчатый едва успѣлъ раскрыть ротъ.

— А ну-те еще:

«Самъ Самсонъ,
 «Самъ мостъ мостиль,
 «Безъ топора, безъ клинья,
 «Безъ подклинья?»

Степенный Хомяковъ отвѣтилъ: «*морозъ!*» и чарка обошла молодыхъ охотниковъ. Всѣ оживились и уже за-просто перешептывались и пересмѣивались. Закуску кончили. Слуги стали снимать съ ковра посуду и скатерти. Царь снова налилъ чарку.

— А ну-те, ребята, кто отгадаетъ теперь, тому чарка и собольи рукавицы. «*Чего въ стѣну не воткнешь?*» Всѣ замолчали. Никто не могъ прибрать мудреной разгадки...

— Эхъ вы, бабичи! сказалъ съ усмѣшкою царь: *яйца* не воткнешь въ стѣну!» и самъ отпилъ вина.

Не успѣлъ царь встать, не успѣли охотники перекреститься и отвѣсить царю поклонъ за угощеніе, послышался звукъ рога. Всѣ встрепенулись и повели глазами по косогору. Изъ-за кучки березъ, на лугъ, съѣзжалъ издали давно-ожидаемый гонецъ отъ Матюшкина и съ нимъ шестеро рядовыхъ сокольниковъ. Посланный подѣхалъ, спѣшился у рогатокъ и поднесъ царю вновь обученаго сокола. Царь взглянулъ на птицу, и охотничье сердце его запрыгало. Такой красоты онъ еще и не видывалъ...

Что за птица! Гонецъ напрасно подалъ сокола, съ обрядами «подправительно и подъявительно», «премудровато и образцовато». Красота его сама кидалась въ глаза. Взять онъ былъ не съ гнѣзда отъ матери, а уже «слѣткомъ» морили его голодомъ и бессонницею, пеленали и томили темнотою, нося его по многолюднымъ мѣстамъ. За то-же дикости и смѣлости онъ былъ удивительной. Весь бѣлый, какъ серебро, только ножки красныя. Сидѣлъ онъ степенно и гордо. Головка была маленькая, спина широкая, грудь крѣпкая, станъ круглый, а крылья и хвостъ перо къ перу. Царь взглянулъ ему въ глаза: глаза такъ и горѣли, ярко-желтые, какъ говорится «наигранные» и сверкавшіе смѣлою, пронзительною ясностью...

— Хороша птица! Какъ-то ловить? сказалъ царь,

осмотрѣвши новичка съ полнымъ вниманіемъ цѣнителя и знатока.

Палатку снова собрали, всадники сѣли на коней. Обозъ гронулся впередъ, къ другому сборному мѣсту, полѣвѣе отъ прежняго. А царь указаль охотѣ ѣхать къ сторонѣ Коломенскаго. Подвели царскаго аргамака. Царь ухватил-ся за холку, прыгнулъ въ шемаханское сѣдло, сѣлъ, оправилъ свой «опашень», вдѣлъ желтые сапожки въ посеребренныя стремяна и протянулъ за соколомъ руку. Рука его дрожала, грудь порывисто поднималась. Неровнымъ взоромъ онъ окинулъ толпу садившихся на коней сокольниковъ. Повель поводомъ. И тяжелый, коренастый аргамакъ тронулся мѣрною рысью, по мягкому зеленѣющему и кочковатому полю. Бубенчикъ зазвенѣлъ въ хвостѣ сокола.

Молча ѣхали сокольники, минуя то озерко, то мелкій кустарникъ, то поворотку на бѣгущій въ сторону проселокъ. День все такой-же, сѣроватый, умѣренно-прохладный. Скоро синій кряжъ лѣса вдали, надъ холмами, окружавшими Измайлово, уже чуть сталъ виднѣться, подернутый выглянувшими изъ-за тучки лучами. Ёхали долго и забились въ луга, съ которыхъ еще не сошли весенніе водные застои, верстъ за пять. Повернувшись, Лабутинъ первый завидѣлъ въ сторонѣ, на трясовинѣ, между длинныхъ листьевъ осоки, выводокъ нырковъ. Всѣ мигомъ остановились и замерли въ ожиданіи царскаго при-

каза. Царь укоротил поводья, оглянулся; не доѣзжая осоки, медленно поднялъ правую руку и бросил сокола съ рукавицы въ воздухъ. Снурокъ у опутинокъ развязался, соколъ взмылъ и крутыми кругами сталъ всходить вверхъ....

Все выше и выше. Забрался подъ самыя облака, такъ, что чуть стало его видно, и когда казалось, что вотъ онъ уже исчезнетъ, вдругъ, распластавши хвостъ, сдѣлалъ ставку и, склоня голову, зорко посмотрѣлъ внизъ... Утокъ согнали. Не успѣлъ Царь вскрикнуть, какъ соколъ свернулся въ комокъ и, молніей ринувшись съ верху, вцѣпился въ добычу и вмѣстѣ съ нею упалъ въ ближніе кусты.

Всѣ бросились туда. Чины позабыты. Охотники толпятся, чтобъ только взглянуть, какъ взята птица; жива ли она, изранена, или убита до смерти? Только не видно сокола въ кустахъ. Разсыпались охотники по всему перелѣску, по ближнимъ пригоркамъ. Стали рыскать по окрестной травѣ, спускаться въ овраги, прислушиваться къ бубенчику: нѣтъ, да и нѣтъ. Или онъ промахнулся по уткѣ и, невидный за кустами, съ другой стороны пошелъ въ угонъ за иною какою птицей. Или догналъ утку, вцѣпился въ нее и, на полномъ раздолѣ, ѣстъ ее гдѣнибудь, въ гущинѣ деревьевъ, до отвалу; или наконецъ бубенчикъ оборвался, а онъ тутъ же, въ кустахъ гдѣ-ни-

будь сидить и покачивается, охорашиваясь, на вѣткѣ. Что за диво!

— Ищите, ребята! говорилъ Царь, снуя на конѣ по травѣ и близь кустовъ: кто изловить мнѣ сокола, дамъ тому ефимки, и пару соболей, и атласу на шубу! — Пропажа сокола, особенно въ первый уловъ, была не рѣдкость. Часто соколовъ уносило вѣтромъ, а еще чаще они отбивались и дичали въ сосѣднихъ лѣсахъ.

Сокольники, для лучшихъ поисковъ, спѣшились. Коней привязали къ кустамъ, а сами, съ новымъ рвеніемъ, кинулись по холму и по сосѣднимъ оврагамъ. То тамъ затрубитъ рогъ, то здѣсь отзовется. Желтые, голубые и красные кафтаны мелькаютъ между деревьями. На сосѣдней пашнѣ мужикъ пахалъ сохою подъ озимь. Остановился, оперся на присошникъ и дивуется, что это за бояре охотятся: не Морозовъ ли Борисъ Ивановичъ выѣхалъ поразмяться; или дворскіе травятъ птицу на государеву кухню; а можетъ быть и самъ Царь тутъ же, не далече, гдѣ-нибудь между ними?...

Затрубилъ опять Государь. Собрались къ нему, въ другомъ мѣстѣ, охотники, уже на какой-то лѣсистой лощинкѣ, у окраины не то озера, не то небольшой рѣчки, впадавшей въ Москву рѣку.

— А что, ребяташки, не нашли сокола?

— Нѣтъ, Государь батюшка, не нашли!

— Что за притча! — И Государь очень досадовалъ, что пропалъ еще не-натравленный соколъ.

Вдругъ всѣ охотники выѣхали разомъ на извилистый заливъ и увидѣли сокола тутъ же въ кустахъ: живая утка билась у него въ когтяхъ. И, въ то же время, на ясной поверхности воды, подъ склоненными съ берега лопухами, показалась передъ охотниками цапля, рѣдкой величины. Она бережно шла водою, поглядывая издали на всадниковъ и вынимая изъ воды то одну длинную ногу, то другую. Дѣломъ одного мгновенія для Царя было принять утку, снова сѣсть на коня, спугнуть цаплю и указать ее соколу. Цапля мѣрно взмахнула крыльями, поднялась надъ лѣскомъ и пошла на-искосокъ вверхъ. Соколъ полетѣлъ за нею не прямо, а сталъ забирать верхъ, взвился, какъ прежде, въ недосыгаемую высоту, и оттуда пошелъ за цаплею, на сторожѣ надъ нею...

Царь далъ коню шпоры и безъ памяти поскакалъ, слѣдя за соколомъ. Сокольники не отставали отъ Царя. Такъ мчались они долго, по лугамъ и просохнувшимъ долинамъ, черезъ рвы и кочки, мосты и гати. Цапля была сильная, и, ноги назадъ, грудь впередъ, на огромныхъ крыльяхъ, плыла, какъ ладья по вѣтру. Соколъ, какъ кинутый мячъ, несея, забираясь выше и выше. Цапля его видѣла. Всадники вылетѣли на возвышенную, гладкую поляну. Вдали мелькали мельницы и огороды какого-то селенія; вправо шель проселокъ въ лѣсъ, глядѣвшій изъ-за косогора

Вдругъ цапля, или усталая, или съ особою хитростью, замедлила полетъ и, поворотивши голову, тронулась влѣво, какъ будто желая опуститься къ лѣсу. Въ тотъ же мигъ соколъ, всею силою падая внизъ, полетѣлъ на нее. Онъ былъ уже близко; остался послѣдній ударъ, какъ неожиданно цапля, на всемъ лету, обернулась спиной къ землѣ и быстро отбила его двойнымъ толчкомъ цыбатныхъ ногъ и огромнаго носа. Соколъ пошатнулся и пошелъ книзу. Но, не долетая до земли, опять собрался съ силами и еще быстрѣе понесся за цаплей. Царь оглянулся: за нимъ скакалъ одинъ Хомяковъ. Другіе охотники чуть виднѣлись въ разсынку, далеко назадъ, гдѣ одинъ, гдѣ два, а гдѣ три вмѣстѣ. «Ну, Семенычъ! не отставай!» крикнулъ разгорѣвшійся Царь и, стегнувши аргамака, еще быстрѣе поскакалъ за соколомъ. Только мелькали полы его опашня, да высокая лисья шапка...

Незамѣтно пролетѣли опять какую-то пашню, съ свѣжими зеленѣющими всходами. Съ грохотомъ пронеслись кони черезъ старый расшатанный мостъ, надъ узенькимъ ручьемъ. Путь начиналъ идти въ гору къ лѣсу. Замелькали кусты. Показался песокъ. Овраги зачернѣли чаще. «Не отставай, Семенычъ; не отставай! Еще пробѣжимъ, и возьметъ соколъ!» кричалъ Царь, то и дѣло цѣпляясь за вѣтви. Конь подъ Хомяковымъ задѣлъ копытомъ за пень и грохнулся съ ѣздокомъ о земь. Чуть успѣлъ оглянуться Царь, какъ соколъ, надъ самою маковкою лѣса,

сдѣлалъ полукругъ, ударилъ грудью въ цаплю и, вмѣстѣ съ нею перевалившись за деревья, пошелъ низомъ далѣе. Царь ударилъ коня, конь взвился на дыбы и съ послѣднимъ усиліемъ, вмѣстѣ съ нимъ, фыркая, влетѣлъ въ просѣку лѣса. Не проскакалъ онъ и ста шаговъ, какъ остановился на всемъ размахѣ. Царь глянулъ: конь уперся ногами въ обрывъ...

За обрывомъ шла рѣка. За рѣкою, по зеленому откосу берега, разсыпавшіеся бревенчатыми избами, клѣтями, высокими журавлями колодезей и овинами, усѣлась бокомъ къ рѣкѣ деревня. Бревенчатая, почернѣлая церковъ стояла въ сторонѣ, вся видная, на крутомъ пригоркѣ. А прямо за рѣкой, отъ берега, слегка въ гору, шелъ обширный садъ. Надъ нимъ возносилась размалеванная голубятня и вышки зажиточнаго боярскаго терема, крытаго почернѣлою дранью, съ пристройками, крылечками и стекольчатými переходами. Но не село, не садъ и не теремъ заняли царя. Остановившись на всемъ скаку и ухватясь рукою за холку коня, онъ повелъ глаза во слѣдъ за пропадашею изъ виду цаплею, и остолбенѣлъ. Прямо противъ обрыва, надъ которымъ онъ сталъ, отражаясь въ водѣ, въ саду возносились рѣзныя, разцвѣченныя синькою и сурикомъ качели. А на качеляхъ, лицомъ къ рѣкѣ, сидѣла и качалась, въ зеленой штофной душегрѣйкѣ, красныхъ башмачкахъ и въ золотомъ съ травами сарафанѣ, боярышня, очевидно дочка хозяина. Сѣнныя

дѣвушки, толпою, съ пѣснями и смѣхомъ, раскачивали качели и, пріостанавливаясь, то бѣгали въ запуски по садовымъ тропинкамъ, то прятались въ кустахъ малины и между грядокъ сбѣгавшаго къ рѣкѣ огорода. Долго не могъ опомниться Царь. Дѣвушки увидѣли его, взлетѣвшаго на пригорокъ съ конемъ. Передъ ними обрисовался его золотой растегнутый на скаку опашень, его высокая шапка, цвѣтная перевязь на груди. И съ криками побѣждали онѣ отъ качелей къ дому...

Когда Хомяковъ, прихрамывая и привязавши своего коня, кое-какъ, въ безпокойствѣ за Царя, добѣжалъ по слѣду къ обрыву, онъ съ него увидѣлъ уже исчезавшихъ въ дальнемъ поворотѣ сада дѣвушекъ. Но видъ Царя не ускользнулъ отъ него. Ухватясь одною рукой за луку сѣдла, а другою за ближній сукъ, и выдавшись слегка изъ-за вѣтвей, опутавшихъ его, Царь съ конемъ представлялъ чудную картину. Его станъ на сѣдлѣ порывисто вытянулся, ноздри округлились, губы раскрылись, полныя щеки горѣли, а глаза, казалось, все еще видѣли передъ собою, черезъ рѣку, и высоко-взлетавшія качели, и красные башмачки, и бѣлое лицо, и черныя брови, и прыгавшее на груди монисто боярышни. Царь уже не думалъ о соколѣ. Онъ самъ въ этотъ мигъ походилъ на сокола, вперяющаго взоръ въ красную и славную добычу...

— Что, Семенычъ? сказалъ Царь, завидѣвши Хомя-

кова: а вѣдь соколъ-то нашъ съ птицею, кажись, свалился въ этотъ боярскій садъ!

Хомяковъ, потирая ушибенную ногу, не показавъ виду, что замѣтилъ видѣнное Царемъ, и отвѣтилъ: «Какъ знаешь, Государь; тебѣ лучше вѣдать. Ты сюда прежде подоспѣлъ!» И оба охотника, пока остальные всадники доскакали до лѣсу и стали ихъ искать, оправили коней, Хомяковъ сѣлъ на своего, выѣхали къ мосту, черезъ рѣчку, и стали подниматься, мимо сада, къ боярскимъ воротамъ. Ворота были заперты. Но звукъ трубы Хомякова вызвалъ движеніе. Конюхи высыпали изъ людской. За угломъ терема, на крыльцѣ, мелькнула кумачная душегрѣйка, а черезъ дворъ, переваливаясь, къ воротамъ въ прибѣжку спѣшила грузная боярская мама, въ цвѣтной кичкѣ и въ пестрой кармазинной поневѣ.

Ворота растворили. Мама, прикрывая лицо рукавомъ и пугливо разглядывая посѣтителей, отвѣсила низкій поклонъ.

— «Мы охотились тутъ, сказалъ Царь: нашъ соколъ съ добычею упалъ, должно статься, въ вашъ огородъ, или садъ. Не видали ли?»

— «Охъ, батюшки, охъ, кормильцы мои! Точно упалъ вашъ соколъ: видѣли, какъ и опустился, у самой той вонъ горенки. Тамъ и щиплетъ дичину! А вы кто такіе?»

Царь молча переглянулся съ Хомяковымъ и отвѣтилъ: — «Дворскіе, царскіе охотники. А вашъ бояринъ дома?»

— «Нѣту-ти, бояринъ! Въ свою Кассимовскую вотчину отлучился съ боярынею!»

— «Чье же это село и чьи хоромы?» спросилъ Царь, радуясь, что его не узнали.

— «Рафа Родіоновича Всеволожскаго!»

— «Ну, коли вамъ запрету нѣтъ, сказалъ Царь: мы заѣдемъ, на отсутствіи боярина вашего, отдохнуть и коней напоить! Мы московскіе, далече отъ своихъ отбились, а до вечера еще путь великъ.»

— «Милости просимъ, милости просимъ, кормильцы! Чай, бояринъ-то васъ, али вы его знаете?» сказала мама и, суетливо переваливаясь, пошла къ терему.— Теремъ былъ красиво отстроены. Бояринъ Всеволожскій не былъ близокъ ко двору. Онъ съ конца еще предыдущаго царствованія удалился изъ Москвы, безвыѣдно проводилъ жизнь въ семьѣ, въ своихъ деревняхъ, и только изрѣдка служилъ пищею для толковъ о своихъ затѣяхъ: всѣмъ была извѣстна его страсть къ садамъ и цвѣтоводству.

У крыльца всадники спѣшились. Боярскіе конюхи повели ихъ лошадей къ конюшнѣ.

— «Вотъ вашъ соколъ, вотъ!» говорила мама, вводя гостей въ особую загородку сада. Хомяковъ принялъ цаплю, Царь взялъ сокола. Дворня толпилась къ калиткѣ, желая поглядѣть и на нарядныхъ охотниковъ, и на птицъ. «Ну, спасибо же вамъ!» сказалъ Царь, осмотрѣвши сокола и отдавая его Хомякову: «только нѣтъ ли у васъ бра-

ги, или воды чистой испить; устали съ погони за птицей!» — «Есть, кормилецъ, есть квасъ хорошій, яблочный и инбирный, и грушевый. Прикажешь подать?» — Царь согласился. — «Ну, Проня!» обратилась мама къ одному изъ слугъ: «вотъ ключи; бѣги, да нацѣди стопу! А мы тѣмъ временемъ садъ покажемъ. Хотите-ли, гости милостивые?»

Царю понравилось это приглашеніе.

— «Покажи, матушка, покажи! мы дворскіе, городскіе, и хотѣли бы очень поглядѣть на ваше домостройство. Вѣдь, чай, изъ семьи-то боярской... никого тутъ не осталось?»

— «Боярышня, родимый, осталась, боярышня!» отвѣтила мама и пошла къ главной калиткѣ сада. Царь молча ступилъ за нею. Сердце его сильно билось. Въ саду, разумѣется, изъ видѣнныхъ у качелей уже не было ни души. Но, какъ ни смутны были мысли Царя, его тутъ же невольно заняли и устройство, и богатство боярскаго сада, на диво рѣдкаго еще въ тѣ времена.

Створчатые ворота въ садъ были съ вышками и крыты тесомъ. Дверцы расписаны цвѣтами, а на рѣзныхъ столбикахъ, надъ вышками, насажено по золоченому яблоку. Сначала вошли въ дикій садъ. Дорожки сперва направлялись прямо, а потомъ скрестились и ввели въ хитро извернутое, между кустовъ, «*путище*», родъ лабиринта. Тутъ въ одну сторону пошли ряды грушъ, вишень, сливъ, дуль и терну; а въ другую вереница ягодныхъ кустовъ. Среди послѣднихъ возвышался подъ «*ша-*

трикомъ», бесѣдкою на четырехъ столбахъ, колодезь съ колесомъ и бадьей на веревкѣ.

— «А вотъ, это нашей боярышни виноградный садъ!» замѣтила домоправительница, поворотивши вправо, и сама спохватилась, не слишкомъ ли неприлично проговорила передъ гостями. Щеки Царя вспыхнули.

Открылся прудъ, обложенный дерномъ и обнесенный кустами рябины и березками. На одномъ концѣ его возносилась деревянная, остроконечная «*смотрѣльня*», родъ башенки, съ перильчатымъ крыльцомъ. Противъ смотрѣльни, также на берегу пруда, были три размалеванные маленькіе «*чердачка*» или «*терема*», родъ навильоновъ, съ точёными балясами. Между теремовъ извивались «*пути*», дорожки, а по окраинамъ ихъ ограды, на рѣзныхъ столбцахъ. По бокамъ чердаковъ цѣплялись привязанныя лозы и вѣтви виноградныхъ кустовъ. Отъ того и мѣсто это въ саду называлось виноградникомъ, хотя виноградъ безъ сомнѣнія здѣсь не дозрѣвалъ.

Царь подошелъ къ пруду. Съ берега въ воду опускалась деревянная сажалка, гдѣ хранилась на случай постовъ живая рыба. Но болѣе всего заняли Царя, когда онъ пришелъ снова къ сторонѣ дикаго сада, открывшіяся кое-гдѣ между деревъ «*перспективы*». Это были натянутыя на большія деревянные рамы картины, писанныя красками. На одной изображалась гора и рѣка, надъ

горою замокъ и висячій мостъ, на мосту поѣздъ какихъ-то всадниковъ, должно быть рыцарей, со шлемами и распущенными знаменами. На другой «перспективѣ» видѣлось море и корабли съ парусами, и птицы, и красное огненное солнце. На третьей какой-то чародѣй, и кругомъ его чуда, грифы, и кентавры, и звѣзды, и змѣи, и мечи, и надпись вверху на лентѣ, на непонятномъ языкѣ. А на четвертой—городъ, точно Москва: съ церквами, съ теремами и съ крѣпостью.

Царь невольно остановился и со вниманіемъ сталъ разсматривать «перспективы».

— «Кто это все такъ хорошо и мудро росписалъ тутъ?» спросилъ онъ.

— А вотъ, это нашъ садовникъ! отвѣтила мама.

Царь оглянулся. Вправо, сначала не замѣченный за шпалерою орѣшника, среди цвѣточныхъ грядокъ, показался въ куртѣ и въ зеленой вязанной, не русской шапочкѣ, съ полотенцомъ у пояса, старичекъ-иностранецъ. Онъ молча поклонился, снявши шапочку и шаркнувши ногою, и продолжалъ поливать лейкою цвѣты.

— Кто это? спросилъ царь.

— А это бояринъ нашъ выписалъ его изъ заморскихъ земель, какъ садъ строилъ и творилъ. Никакъ Нѣмецъ, али Фряжанинъ! Спросите, коли вѣдаете! Вонъ и помощникъ его, толмачъ: тоже у насъ состоитъ!

Царь ласково подозвалъ садовника и его толмача. И

между заморскимъ садоводомъ и Царемъ начался такой разговоръ:

— «Ты кто?»

— Гарлемскій садовникъ и аптекарскій ученикъ, Индерикъ Бартбусъ! отвѣчалъ, переводя его слова, толмачъ, изъ отставныхъ посольскихъ.

— «Давно ли ты тутъ?»

— Девятый годъ.

— «Много ли бояринъ тебѣ даетъ въ годъ оклада?»

— За строеніе и урядъ сада пятьдесятъ рублей, да толмачу шесть, да одѣжа и кормъ. Сыты бываемъ!

— «А ты еще что знаешь?»

— Я столяръ и огородный стройщикъ; перспективы я тоже ставилъ!

— «А кромѣ Нѣмечины былъ ты еще гдѣ-нибудь?»

— Былъ у Флоренкова князя, въ италійской землѣ, и много тамъ дивъ видѣлъ; а такимъ дивамъ въ Москвіи и не бывать!

— «Отчего же?»

— Больно здѣсь лѣто коротко и зимы студены: надо обвертывать зимою кусты и деревья, какія понѣжниѣ, а то мерзнуть!

— «А какія же ты дива видѣлъ у Флоренкова князя?» спросилъ Царь.

— Дива хорошія есть и у насъ на родинѣ. Только мѣсто у насъ больно плоское, а тамъ теплѣе и горы.

Какъ тебѣ сказать? Видѣлъ я тамъ яблоки великіе, и кедръ, и кипарисъ, и лимоны плоды по дважды въ годъ зрѣютъ. Видѣлъ на княжемъ дворѣ садокъ рыбный, и рыбы красноперыя и сизоперыя живыя плаваютъ; а вода взведена сажени съ четыре, и іорданъ водоемъ есть, и вода все вверхъ прыгаетъ дробными капельками, а къ солнцу какъ хрусталь блеститъ. А о Крещеніи жары великіе! И въ садахъ красота и благоуханіе предивное. Яблоки и слива величествомъ по шапкѣ, а виноградъ бѣлый да вишневый, и анисъ. А красоты въ садахъ не описать; зане-де нѣтъ тамъ ни зимы, ни снѣгу ни одного мѣсяца! Да еще игръ, органовъ, кимваловъ и музыки много. Такіе люди, кумиры подѣланы въ садахъ; и иные сами играютъ и никто ими не движетъ. А ино-го не описать: кто не видалъ, тому и въ умъ не прійдетъ!

Царь слушалъ со вниманіемъ...

— «Лѣто здѣсь больно коротко и зимы студены!» продолжалъ Бартбусъ. Ничто здѣсь хорошее не дозрѣваетъ: ни виноградъ, ни орѣхъ волоскій, ни яблонь скрутъ и аркатъ, ничто не идетъ въ прокъ! Кабы еще не здѣшняя боярышня, ужъ такая-то любительница саду и цвѣтовъ, не дожилъ бы тутъ и уговоренныхъ десяти годовъ! Такъ бы и ушелъ, не во гнѣвъ будь сказано вашей милости!»

У Царя чуть не сорвался при этомъ съ языка еще

вопросъ, быть можетъ о боярышнѣ. Но онъ со вздохомъ только еще разъ окинулъ взоромъ пріютъ ея дѣвическихъ игръ и прогулокъ, дорожки, чердачки, грядки, смотрѣльню и между деревьевъ, тамъ и здѣсь, размалеванныя перспективы.

— «Благодарствуемъ тебѣ, Индерикъ Бартбусъ, и тебѣ, хозяйка! Мы люди близкіе къ Царю, и скажемъ ему, какія дива тутъ видали. А боярину кланяйтесь. Дворскіе, молъ, кланяются!»

Съ этими словами Царь пошелъ обратно изъ саду.

— «Какъ же, бояринъ, хоть въ боярскіе покои зайди посидѣть!» сказала мама: «да вотъ и кваску испей; ишь ты въ погребу-то позамѣшкались!»

Царь подумалъ: «Что же заходить? Вѣдь ее и мелькомъ и невзначай тамъ не увидишь! Забилась она куда-нибудь въ верхнюю горенку и не сойдетъ оттуда.»

— «Нѣтъ, отвѣтилъ онъ: намъ пора ѣхать; не осудите, что не заходили. Въ иное время заѣдемъ. А квасу дайте испить!»

Отъ погреба показался съ ковшомъ слуга. Царь отпилъ, далъ напиться Хомякову, сѣлъ на коня, взялъ сокола и поѣхалъ.

— «А коли бояринъ станетъ пытаться, кто былъ, какъ отвѣчать?» спросила еще разъ во слѣдъ ему угостительница.

— «Скажи, что дворскіе, Царевы были! А коли бу-

детъ время, и самъ узнаеть! Можетъ статья, и не впослѣднее заѣхали...»

Старуха, облокотясь о перилы крыльца, долго слѣдила всадниковъ, не всходя по лѣстницѣ и задумчиво глядя къ повороткѣ въ околицу. Слуги и конюхи, выйдя за ворота, тоже долго не входили во дворъ. Наконецъ мама, медленно и охая, взобралась по ступенькамъ на вышку, въ боярышнину горницу, выслала всѣхъ дѣвушекъ, заперла за собою дверь и, разставивши руки, сказала боярышнѣ, чуть помня себя отъ волненія:—«Ну, свѣтикъ ты мой! А вѣдь я его узнала, видѣвши на выходѣ о Казанской: вѣдь это Царь!» Боярышня вскрикнула и кинулась глядѣть къ окну...

Царь между-тѣмъ выѣхалъ снова околицей къ мосту, переѣхалъ рѣку, миновалъ первые кусты лѣса, и на полянкѣ подъ горой увидѣлъ остальныхъ охотниковъ. Они стояли кучкой, толкуя и недоумѣвая, куда могъ скрыться Царь. Всѣ съѣхались. Царь поблагодарилъ сокольниковъ за охоту, разсказалъ, какъ окончательно взялъ цаплю соколъ, и какъ его поймали, и поѣхалъ обратно къ Измайлову. У одного перекрестка къ нимъ присоединился обозъ. И скоро въ ихъ глазахъ замелькали, подъ Измайловымъ, холмы и лѣсъ.

Царь замѣтно печалился...

Начинало вечерѣть, когда поѣздъ подѣхалъ къ первымъ дубкамъ заповѣдной царской рощи.

Никто не узналъ остальныхъ подробностей охоты. Догадывался одинъ Хомяковъ. Бояринъ Всеволожскій, воротясь изъ Касимовской вотчины, тоже узналъ только, что прїѣзжали-де какіе-то дворскіе съ охоты, соколь ихъ упалъ черезъ рѣчку, близъ горенки; ходили-де они по саду, дивовались на прудъ и на перспективы дивовались, а заходить въ хоромы не заходили. Дочь его и старая нянька тоже смолчали.

Лѣто прошло и Измайлово опустѣло. Царь переѣхалъ въ Москву.

Началась обычная жизнь въ Кремлевскихъ теремахъ: выходы на службу, въ церковь и въ соборы, пріемы пословъ, слушаніе и рѣшеніе дѣлъ. Какъ вдругъ, незадолго до новаго года, въ трескучіе, безконечные морозы, когда небо заволокло тучами, а метели, кружась и сыпля вороха снѣгу, застила передъ окнами окрестные дома и храмы, Морозовъ получилъ такой приказъ отъ Царя: собрать со всего царства дѣвицъ. Царь задумалъ сочетаться бракомъ и выбрать себѣ жену «красотою и честью великую, тихую и разумную, въ свое царево счастье и въ наслѣдіе своего государскаго рода». Гонцы полетѣли во все стороны. Засуетились и взволновались отдаленныя и близкія семьи. Бояре и окольничіе, думные люди и стольники, стряпчіе и приказные, стрѣлецкіе старшины и неслужилые дворяне, стали готовить своихъ дочерей на показъ и на выборъ. Патріархъ съ при-

чтомъ, что ни день, служилъ молебны. Къ февралю съѣхались въ Москву двѣсти почетнѣйшихъ семействъ.

Назначенъ день смотра и выбора. Послѣ множества смуть и всякаго рода происковъ со стороны родни, дѣвицъ свезли въ Кремль и посадили за царскій обѣдъ. Во время стола, въ числѣ немногихъ изъ приближеннѣйшихъ бояръ, Царь, не узанный и въ маломъ нарядѣ, вошелъ въ обѣденную палату и осмотрѣлъ дѣвицъ. Изъ двухъ сотъ указаны сперва шесть... Наконецъ и послѣдній жребій брошенъ... Царскій выборъ, изъ шести, палъ на Ефимью, дочь дворянина Рафа Родіоновича Всеволожскаго. Роковая вѣсть потрясла весь блестящій сонмъ невѣстъ, всѣ малые и великіе чины двора, Москву и окрестности, и, тайкомъ передаваясь изъ устъ въ уста, пошла по всему русскому царству. А выбранная невѣста просто обезпамятѣла отъ неслыханной радости и счастья.

Царя поздравили. Всеволожскіе съ почетомъ пріѣхали въ Москву. Начали готовиться къ царской свадьбѣ. Хомяковъ сталъ явно близокъ къ Царю. Царь его и ласкаетъ, и хвалить, и жалуетъ. Что ни день, подсокольничій либо съ вѣстью, либо съ привѣтомъ, либо съ государскимъ подаркомъ у царевой невѣсты. На языкѣ у всѣхъ Хомяковъ и Всеволожскій. Значеніе Морозова стало меркнуть, какъ ни хлопоталъ онъ, устраивая и уряжая все къ царскому бра-

ку. Запечаалился Борисъ Ивановичъ и взялся крѣпкою думою...

Наступилъ день свадьбы.

И вдругъ, какъ громомъ, всѣхъ поразила другая неожиданная вѣсть. Во время уборки волосъ къ вѣнцу, невѣста упала въ обморокъ; ее обвинили въ скрытой падучей болѣзни. Иные, правда, тутъ-же сказали, что она упала отъ страха и волненія; другіе, что по нестижимой причинѣ, по неумѣнію ли, или по какому злобному расчету, одна изъ приставленныхъ къ ней для одѣванія женщинъ сильно стянула ей косу, кровь бросилась въ голову и она упала безъ чувствъ. Языки тотчасъ затрубили тревогу и осилили сердце Царя: рѣшили, что выбранная невѣста испорчена. Свадьба отмѣнена, а Всеволожскаго съ семьей, за чары, косный разводъ и умыселъ противъ Царя, сослали сперва въ его Касимовскую вотчину, а потомъ въ Тюмень на воеводство. Тамъ онъ вскорѣ отъ горя и умеръ...

А черезъ годъ Царь женился на дочери Медынскаго стольника, Ильи Даниловича Милославскаго, на Марьѣ Ильиничнѣ. Морозовъ, черезъ десять дней послѣ царской свадьбы, обвинчался съ сестрою новой царицы, Анною Ильиничною.

Москва пировала на свадьбѣ, и толкамъ о государевыхъ пиршествахъ не было конца.

И на виду и на почетѣ всѣхъ стали недосягаемо

вознесенные: царскій тесть, Илья Даниловичъ Милославскій, и царскій своякъ, Борисъ Ивановичъ Морозовъ.

Свадьба была зимой...

Только не въ-прокъ пошла близость къ Царю его бывшаго дядьки. Весною Москва взволновалась. Граждане, покорствуя великому Царю и безъ шапокъ стоя у Кремля, требовали выдачи головою измѣнника, и грабителя, и корыстолюбца: боярина Бориса Ивановича Морозова. Онъ былъ удалень.

Прошли года. Многое позабыто. Но часто воспоминала боярышня Всеволожекая свое подмосковное село, садовыя качели, рѣку и всадника, взлетѣвшаго на обрывистый берегъ. До конца жизни она осталась безбрачною. Царь въслѣдствіи узналъ ея невинность, много сѣтоваль о ея судьбѣ и богато одарилъ ее и ея семейство.

II.

ДВѢ ЗАРИ.

«Дѣлу время и потѣхѣ часъ».

(Урядникъ чина Сокольничья Пути).

Одна заря угасала. Готовился развѣтъ зари новой...

Ходили разные слухи. Молва разносила вѣсти о потѣшныхъ теремахъ въ Кремлѣ и въ селѣ Коломенскомъ. Иноземцы отписывали на родину и, вмѣстѣ съ запросами ко двору новыхъ лакомствъ и заморскихъ игрушекъ — «клавикортовъ», «охтавокъ» и «часовъ съ курантами», выхваляли щедрость и общедоступность царя. Гонцы боярина Матвѣева чаще и чаще сновали отъ государскихъ теремовъ къ Посольскому Приказу и обратно. Бояринъ въ тишинѣ палатъ изыскивалъ способы къ отпечатанію разумныхъ книжекъ: «Космографіи», «Риторики», «Фундаментовъ» или «максимовъ фортификаціи». А въ теремномъ саду,

гдѣ надъ деревьями отъ птицъ были раскинута мѣдныя сѣтки и въ шелковыхъ клѣткахъ висѣли любимыя царскія птицы перепѣлки, его же хлопотами были устроены размалеванныя деревянныя горы. Съ нихъ по праздникамъ катались на повозочкахъ царевны, сокровенныя еще для постороннихъ взоровъ. Въ другомъ углу сада сооружалась веселая потѣшная площадка и прудъ на сводахъ, для младшаго изъ царевичей, четырехъ-лѣтняго младенца Петра, также стараніями боярина Матвѣева и старшаго брата царевича, разслабленнаго Феодора. На площадкѣ устанавливались деревянныя пушки, на рѣзныхъ лафетахъ, а на прудъ спускался маленькій катеръ и шлюбъ.

Что ни вечеръ, съ недавней поры, въ низенькой комнатѣ Посольскаго Приказа усаживался на длинный заставокъ толстый дьякъ, и съ посольскимъ толмачемъ считывалъ какія-то бумаги. Передъ дьякомъ на столикѣ, крытомъ зеленымъ ковромъ, съ серебряными кистями, стояла вызолоченная чернилица, въ видѣ слона, опустившаго хоботъ въ колодезь, а кругомъ лежали разбросанные свертки и листы вѣдомостей гамбургскихъ, гарлемскихъ, венецейскихъ, кенигсбергскихъ и амстердамскихъ, получавшихся въ Москвѣ съ той поры, какъ голландецъ Фанъ-Сведенъ устроилъ сюда, отъ нѣмецкой границы, постоянную почту, черезъ Новгородъ и Псковъ. Понохивая тайкомъ изъ-подъ полы запретное зелье, та-

бакъ, толстый дьякъ занимался любопытнымъ дѣломъ; онъ повѣрялъ и считывалъ переводимыя ежедневно, на сонъ грядущій царю, зѣло предивныя выписки изъ курантовъ о заморскихъ дѣлахъ и слухахъ. Въ комнатѣ слышалось однообразное чтеніе: — «Изъ Кесарской же земли, изъ Вѣны, паки пишутъ, что Кесарская земля тебѣ, государь, и всему твоему царству самое невѣрное и ехидное сосѣдство, и дружба вельми коварственная. А и гдѣ же то сила и крѣпость, егда явное знаменіе показуется, и силы ея въ очію непотребствуютъ, коли отъ франкскаго короля тайно и инде чужія войски затягаютъ, и свои даетъ, и съ Туркомъ водится, и бусурману и салтану кланяется, и всей Московіи искони невѣрность и гибель сулитъ. И, яко драковица, али рыба левіаѳанъ глаголемая, своихъ дѣтей поѣдаетъ...»

Куранты занимали царя. Но будучи вещью хорошею, почта въ тоже время пускалась и на лихія продѣлки. Нѣмецъ Марселисъ, содержатель ея и преемникъ Фанъ-Сведена, былъ торжественно уличенъ въ томъ, что прежде лицъ, къ кому писались письма, тайкомъ распечатывалъ ихъ и вычитывалъ изъ нихъ разныя новости. Вышло множество ссоръ и пересудовъ.

Но ничто такъ не волновало умовъ, какъ недавно возникшія забавы царя въ потѣшныхъ теремахъ. Иные, побывавшіе въ чужихъ краяхъ, или въ сосѣдней Польшѣ, говорили, что это просто театръ, гдѣ играетъ музыка и

комедіанты пляшутъ. Другіе посмѣлѣе, или изъ партіи недовольныхъ, утверждали, что тамъ царь, съ приближенными и съ бояриномъ Матвѣевымъ, переодѣвается въ заморскія платья, читаетъ нѣмецкія книжки и готовится поворотить Россію въ адъ кромешный.

Вездѣ, и за прилавками въ гостиномъ ряду, гдѣ, развѣсивъ кармазинъ, шелки, бухарскіе ковры и мѣха, толковали и перебрасывались шутками молодые сидѣльцы, и въ боярскихъ палатахъ, вездѣ шли рѣчи о новыхъ царскихъ забавахъ. Въ хоромахъ боярина Мосальскаго, зазванный отъ ранней обѣдни набожною боярыней, сидѣль сумрачно и дико, въ обтертой скуфейкѣ и съ жидкою косичкою, разстрига-дьяконъ, поводя косыми глазами и поминутно вздыхая. — «Что тебѣ, Касьянычъ?» допрашивала мимоходомъ заботливая боярыня, доставая изъ стекольчатаго поставца графинчикъ и серебряную чарку. «Міръ, матушка, къ концу клонится, міръ!» отвѣчалъ онъ. — А въ углу той же горенки, лицомъ къ лицу съ отживающею стариною, молодой князь Пехтеревъ, изъ хозяйскихъ племянниковъ, уже обвѣянный новымъ духомъ, рвавшимся къ намъ издалека сквозь заборы и стѣны, сидѣль у рѣшетчатаго окна и полушопотомъ, на скоро, пересказывалъ двоюроднымъ сестрамъ, какъ онъ былъ въ Коломенскомъ и какъ увидѣль въ щелку двери, что такое потѣшные терема и что тамъ дѣлается. — «Мишинька, голубчикъ! Что-жъ тамъ та-

кое, говори?» допытывались двоюродныя сестры. «Дѣйства, миленькія, дѣйства!» — «Какія дѣйства?» — «А вотъ какія!» — И онъ разсказывалъ, подѣ тревожную и набожную бесѣду тетушки съ Касьянычемъ: «Намедни играли о томъ, какъ Алаферну голову отсѣкли; а тамъ другое: какъ Артаксерксъ велѣлъ повѣсить Амана, по царицыну челобитью и по мардохеину наученью! И какъ-то все это мудрено, сестрицы, какъ мудрено! Это, выходитъ, сперва все чинно усядутся, вотъ хоть бы какъ и мы; царь съ царевичами по одну сторону, а царевны съ няньками по другую. Дворскіе и гости сядутъ чинно сзади, поодаль. Тутъ виситъ такая занавѣсочка шелковая и свѣчки восковыя, разныхъ все цвѣтовъ, желтыя, голубыя и алыя горять. Проиграютъ на сурнахъ да на трубахъ. А тамъ бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ выйдетъ и ударитъ въ ладоши, а занавѣсъ и отдернется. Тутъ явится палата, и часовые стоятъ, и цвѣты, и звѣрь кентавръ, и городъ бываетъ. Вотъ и выйдетъ человѣкъ. А на немъ всего наверхено, всего наверхено! Разведетъ руками и станетъ говорить скоро, али виршу. А тамъ выдернетъ мечъ, али другой человѣкъ тоже выскочитъ. Вотъ ходятъ они, ходятъ, говорятъ виршу; занавѣсъ и задернется. Тутъ опять въ суренки да въ трубы заиграютъ. Дѣйство и кончено. Тогда уже бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ только подойдетъ къ царю, да все въ поясъ кланяется. А царь такъ милостиво говоритъ съ нимъ,

али съ царевичами шутить, забавляется. А то еще было такое, говорятъ, дѣло, что какъ отдернули одинъ разъ занавѣсъ, а тамъ стоятъ человѣкъ десять, одинъ на другомъ. Выходить, пирамидъ дѣлали. Балансёръ тоже, скоморохъ, изъ Марселіи града съ имперскими послами пріѣзжалъ. Натянулъ это канатъ передъ царемъ, да и ходитъ по немъ, и ходитъ, вотъ какъ по мосточку, да все качается, да царю красными платочками машеть; и такой нарядно одѣтый. Эхъ, вѣдь какъ мило-то! Не вышелъ бы оттолѣ! А наши бояре еще ершатся, кобелятся! — «А что?» — «Да то, сестрицы, что царю не любы они за домосѣдство! Нынче, слышно, уже не охотою токмо, а всѣмъ и нарочито велятъ быть при дѣйствахъ: и боярамъ, и дьякамъ нашимъ, и окольниковымъ, и думнымъ, и ближнимъ дворянамъ, и всѣмъ! Кто нейдетъ, за тѣмъ посылають, силою берутъ и велятъ идти! Самъ намедни видѣлъ, какъ Горюшкина Илью, да Лыкова Алексашку тащили по Басманной; такъ таки царскіе вершники, какъ застали ихъ въ дядевыхъ хоромахъ, и тянули къ дѣйствамъ. Инда со смѣху помирали всѣ!»

На святки царскія забавы увеличивались. Къ нимъ, заботами главы Посольскаго Приказа, допускались и заморскіе послы. Царь мало разумѣлъ чужеземные языки; послы тоже не понимали по русски. Но посредствомъ толмачей дѣло улаживалось, и заморскіе гости возвращались домой, не нахвалясь царскими ласками и цар-

скими угощеніями. Такъ случилось однажды, въ первые дни новаго года, въ селѣ Коломенскомъ.

Наканунѣ, не задолго передъ вечеромъ, постельничій Парамоновъ быстро вошелъ въ покои Посольскаго Приказа и объявилъ, что царь на завтра приглашаетъ голландскаго чрезвычайнаго посла Фанъ-Кленка, имперскихъ пословъ Франциска де-Баттони и Карла Тирлингера-де-Гусмана, на свои царскія забавы и на вечернее кушанье. Заморскихъ гостей повѣстили и въ раззолоченныхъ колымагахъ привезли въ Коломенское къ царскому терему. Они чинно шли, предводимые переводчикомъ, рядомъ не высокихъ жилыхъ царскихъ покоевъ, гдѣ носился легкій запахъ ладана, отъ близости теремныхъ молеленъ, въ которыхъ еще недавно было на молитвѣ царское семейство. Передъ затворенною дверью на половину царевенъ и царицы, послы увидѣли кучку стрѣльцовъ. Стоя на маленькомъ коврикѣ, стрѣльцы перешептывались между собою. Ихъ зеленые, алые, желтые и голубые кафтаны, золоченныя винтовки и длинные протазаны, родъ алебардъ, обтянутые по древкамъ желтымъ и зеленымъ бархатомъ съ кистями, ярко отвѣчивались въ отблескѣ вечерней зари, проливавшей радужные огни сквозь разностѣкольные, рѣшетчатая окна терема. Въ сосѣдномъ покоѣ дверь отворилась и послы вошли въ обширную высокую гомнату, съ изразцовою, зеленою печью и съ

синими, въ золотыхъ травахъ, венецейскими обоями. Тутъ послы увидѣли самого царя....

Царь Алексѣй Михайловичъ, окруженный боярами, сидѣлъ за рѣзнымъ фигурчатымъ столикомъ. Онъ доигрывалъ съ княземъ Ромодановскимъ игру въ шахматы и, оспаривая побѣду у престарѣлаго вождя, едва замѣтилъ вошедшихъ иностранцевъ. Зато послѣдніе могли на свободѣ заняться разсматриваніемъ царя, который въ послѣдніе годы сильно шевелилъ умы ихъ политиковъ, особенно недавнимъ сближеніемъ съ смѣлыми торговцами и моряками Голландцами. Почти пятидесятилѣтній царь Алексѣй былъ дороденъ, сутуловатъ и свѣжъ. Нарядъ его ослѣплялъ обиліемъ золота и драгоценныхъ камней. Ясные каріе глаза, смотрѣвшіе нѣсколько изъ подлобья, и важное, привѣтливо-спокойное, хотя не много горделивое лицо оправдывали прозванье народное: царь-соколъ. Онъ сидѣлъ на рѣзной высокой скамеечкѣ, облокотясь полной дебѣлою рукою о шахматную доску. На головѣ его была золотая шапочка, съ горлатнымъ, лисьимъ мѣхомъ, утыканная глазками аметиста, жемчуга и изумрудовъ. Станъ его покрывалъ легкій шелковый опашень, зеленаго цвѣта; а сверхъ него, на плечи была накинута легкая матерчатая шуба, бѣлая, съ кованымъ золотымъ наплечнымъ кружевомъ, выбитымъ разводами, и съ наперснымъ, усыпаннымъ алмазами крестомъ. Но верхъ красоты царя составляла, подъ стать русымъ во-

лосамъ его, остриженнымъ въ скобку, темная шелковистая борода, окладистая и широко-расчесанная. Во всемъ образѣ царя было что-то важное и тихое. А возлѣ, по бокамъ его, неотлучно стояли два отрока, два царскихъ рында, съ нѣжными, почти дѣвическими лицами, въ бѣлыхъ серебристыхъ одеждахъ до земли и съ русыми волосами до плечъ. Одинъ держалъ царскій посохъ, изъ чернаго индійскаго дерева; а другой царское полотенце.

Одна изъ дверецъ комнаты была занавѣшена легкимъ парчевымъ пологомъ. Онъ поминутно колыхался, точно нетерпѣливая и вмѣстѣ робкая рука его отдергивала. Пока царь доигрывалъ игру, пологъ отодвинулся. Вошли двѣ тучныхъ мамы въ бархатныхъ кичкахъ и въ шелковыхъ душегрѣйкахъ. Съ одною объ руку готова была войти бѣлокурая дѣвочка, старшая царская дочка, царевна Софія Алексѣевна, съ кроткими, нѣжными чертами еще отроческаго лица, въ алой, подбитой горностаемъ шубкѣ и въ мѣховой шапочкѣ. Но недопущенная въ мужское общество ради малолѣтства своего, она осталась за дверью съ неотлучною своею забавницею, съ маленькой сморщенной служкой-карлицей, столѣтней верхотеремной царицыной дуркой—шутихой. Зато явился и тотчасъ занялъ иностранцевъ черноглазый и чернокудрявый мальчикъ, тотъ самый четырехлѣтній царевичъ Петръ, для котораго, стараніями старшаго брата, устрои-

вались стрѣльцовая площадка и потѣшный прудъ. Сидя на рукахъ у полной и статной мамы, залитой въ золото и въ бархатъ, онъ быстрыми глазками слѣдилъ за движеніями заѣзжаго рыжаго Нѣмчина. Помѣстившись на скамеечкѣ у печи, Нѣмчинъ заводилъ и устроенъ заморскій органъ, только-что привезенный предъ тѣмъ изъ чужихъ краевъ и подаренный бояриномъ Матвѣевымъ больному царевичу Θεодору, вмѣстѣ съ голландскими клавикортами и двумя охтовками. Полная и румяная мама, поминутно восклицая: «Ахъ ты, соколь мой, ахъ ты, батюшка-непосѣда!» останавливала быстрые порывы царевича, который размахивалъ ручками и, потягиваясь къ Нѣмчину, допрашивалъ у него едва внятными дѣтскими рѣчами: гдѣ дѣлаютъ такіе органы, и далеко ли живутъ Нѣмцы, и хорошо ли у нихъ, и ѣздятъ ли тамъ на корабляхъ, и стрѣляютъ ли изъ пушекъ?...

Никто не зналъ навѣрное, чѣмъ угостить теперь царь на своей вечеринкѣ: прійдетъ ли балансёръ и станетъ съ помощниками пирамидъ дѣлать; будутъ ли только играть на органѣ, да обносить сластями; дѣйства ли покажутъ? Ничего не знали.

Царь кончилъ игру и быстро всталъ. «Ну, бояринъ, ты враговъ лучше бьешь, чѣмъ берешь коней да ферязей!» Царь выигралъ и былъ очевидно въ духѣ. Завидѣвъ пословъ, онъ тутъ же ласково кивнулъ имъ головою; поручилъ черезъ толмача сказать имъ, что по

случаю новаго года позвалъ ихъ къ себѣ на веселье; спросилъ, довольны ли они содержаніемъ и обхожденіемъ окружающихъ и, обратившись къ Голландцу Фанъ-Кленку, сказалъ ему: «*Minz-gerz*, поди сюда! Минъ-геръ подошелъ и нѣсколькими словами съ царемъ возбудилъ зависть своихъ сотоварищей. А между-тѣмъ Нѣмчинъ, по данному знаку, завертѣлъ ручку органа, завертѣлъ сначала не-впопадъ, но потомъ оправился, и унылыя извивистыя варіаціи старинной нѣмецкой мелодіи наполнили комнату...

Царь не въ первый разъ уже говорилъ съ Голландцемъ. Онъ говорилъ съ нимъ о торговлѣ и о чужихъ странахъ, о наукѣ и о воинскомъ дѣлѣ; спрашивалъ его о дворѣ Франческаго короля, у котораго Фанъ-Кленкъ былъ незадолго передъ тѣмъ; перешелъ потомъ къ самому себѣ, говорилъ, что намѣренъ улучшить у себя воинское и судное дѣло, жаловался на то, что пропалъ его любимый соколъ и что самъ ужь онъ устарѣлъ и охладѣваетъ къ этой охотѣ; спрашивалъ у Фанъ-Кленка, какъ бы ему завести настоящій театръ, съ комедіянтами, такой, какъ заведенъ у польскаго короля.

Въ это время вошелъ бояринъ Матвѣевъ и что-то сказалъ царю полушопотомъ, склонившись передъ нимъ. Царь отвѣтилъ ему легкимъ мановеніемъ головы и, вслѣдъ затѣмъ, обратившись къ Фанъ-Кленку, сказалъ: «Передай своимъ товарищамъ, что сегодня прійдется услышать

вамъ у меня захожаго русскаго сказочника. Вамъ это, чай, въ диковинку?» И дѣйствительно, царь Алексѣй Михайловичъ, хоть и любилъ заморскія игры и забавы, но, по его собственнымъ словамъ, не было ничего сладостнѣе для него, какъ слушать, въ часы отдыха, разнообразныя и поучительныя повѣствованія тогдашнихъ сказочниковъ. — «Въ ихъ рѣчахъ о старинѣ» говорилъ онъ: «складные уроки для новаго времени; а въ разсказахъ о новомъ времени познаешь то, чего царямъ не увидѣть своими глазами!» — Еще не далѣе, какъ мѣсяць назадъ передъ тѣмъ, царь оплакалъ и, какъ друга, проводилъ до могилы, *въ смирномъ платьѣ*, лучшаго изъ своихъ придворныхъ повѣствователей, Венедихта Тимофѣева. Послѣдній для него былъ скрижалю лѣтъ, давно-минувшихъ, и услаждалъ царскіе досуги разсказами о царяхъ и князьяхъ, его предкахъ, и о тѣхъ временахъ, гдѣ потомкамъ явлены уроки для грядущаго.

Бояринъ Матвѣевъ снова вошелъ въ комнату и, въ поясъ поклонившись царю, сказалъ: — «По твоей по волѣ, царь-батюшка, привели ко двору твоему вѣрнаго раба и слугу твоего, прохожаго бѣхаря-сказочника. А зовутъ его Устиномъ, а сказываетъ онъ сказки и пѣсни изъ дѣтства, и идетъ издалеча. Прикажешь его звать?» Царь сказалъ: «Зови!» — Вошли два покоевыхъ стражника и стали у двери. За ними на порогѣ показался сказочникъ, мало чѣмъ выше средняго роста, лѣтъ трид-

цати пяти, невзрачный, въ старомъ потертомъ кафтаникѣ, съ рѣдкою бородою клиномъ и стриженный въ скобку. Онъ низко поклонился и сперва было оробѣлъ и смѣшался. — «Здравствуй!» сказалъ ласковымъ и звучнымъ голосомъ царь. Сказочникъ устремилъ несмѣлый взоръ по голосу и угадалъ въ говорившемъ царя. «Неробѣй!» продолжалъ царь: «ты гость нашъ и нашихъ гостей! Откуда ты идешь и гдѣ жилъ?» — Устинъ, веселая-душа по прозванію, оправился, глянулъ на право, глянулъ налѣво, на бояръ, на гостей, стоявшихъ вокругъ царя, ступилъ отъ двери и отвѣтилъ: «Иду я, царь-батюшка, изъ далекой Украйны, изъ даурской, зауральской стороны, мѣховой да золотой твоей землицы. Въ Сибири руду копалъ. Много тамъ у насъ, по заводамъ да раздольямъ, гудочниковъ да пѣсенниковъ. Холодно жить, и людишки все переходячіе. Ну, да весело жить, и милостью твоею сыты и вскормлены!» — «Любъ ты намъ, Устинъ, любъ, и хорошо рѣчь держишь! Ну, выпей же чарку вина, да повѣдай сказку, или притчу какую, повесели насъ, да и семью нашу. Вотъ и господа послы заморскіе, хоть не поймутъ тебя, да послушаютъ!»

Царь сѣлъ. За нимъ сѣли и всѣ присутствующіе. Пока сказочнику внесли его гусли и онъ сѣлъ ихъ ладить, дворскіе слуги явились и пошли между скамьями, съ кубками романей и мальвазіи, ренскаго, и съ ковшами разныхъ медовъ. Царскимъ дѣтямъ, и кому хотѣлось,

подавались сахара и леденцы, въ видѣ якорей, птицъ, всадниковъ и городовъ, съ башнями и стѣнами; также, на серебряныхъ блюдахъ, шептала, обсахаренныя дынные и арбузные корки, мускатныя орѣхи и въ продолговатыхъ синихъ кувшинчикахъ индійскія сласти, кишмишъ и инбирь въ меду. Особый рындъ остановился передъ царемъ и поднесъ ему обычную вечернюю его закуску: ломоть ржанаго хлѣба, стопу овсяной браги и кружку легкаго нѣмецкаго пива, съ коричневымъ масломъ. Царь закусилъ, обтеръ руки полотенцемъ, поданнымъ однимъ изъ стоявшихъ за нимъ рындомъ, и сказалъ: «А гдѣ же князь Θεодоръ?» Въ это время дверь растворилась, и старшій сынъ царя, расслабленный и блѣдный царевичъ Θεодоръ, появился въ носилкахъ изъ чернаго дерева. Взоры присутствующихъ съ жалостію обратились къ нему. Тутъ царскіе гусельники, скрипѣтки, домрачѣи и накрачѣи, проиграли родъ вводной музыки. Бояринъ Матвѣевъ вышелъ передъ царя, поклонился ему и произнесъ: «*Повѣсть зѣло предивна о князѣ Владиміръ и о томъ, какъ парень Янъ побѣдилъ Печеньжину!...*»

Сказочнику поднесли романеи. Онъ выпилъ, утерся и сталъ, изрѣдка поигрывая на гусляхъ, говорить. Царь и гости до поздняго вечера слушали, а сказочникъ съ разстановками сказывалъ свою повѣсть.

Онъ говорилъ :

I.

«Что не въ небѣ взыграло двѣ радуги,
Въ княжемъ теремѣ стало двѣ радости.
Еще первая ль радость великая,
У него ли у свѣтъ у Владиміра,
У кіевскаго краснаго Солнышка:
Побиваль свѣтель князь своихъ вороговъ,
Покоряль поморянъ-побережниковъ;
И вторая-то радость не малая —
Что на ранней зарѣ, въ честный праздничекъ,
На восходѣ румянаго солнышка,
Только стали звонить, свѣтъ княгинюшка
Даровала ему сына-первенца...
Собирались во дворъ няньки-мамушки;
Во злату во купель клали княжича.
И купали его, припѣваячи,
Во злату пелену пеленаючи.
Соималъ свѣтель князь свои ключики,
Во тайницы сходилъ заповѣдныя,
Отпиралъ погребя зареченные;
И скликали гонцы вольныхъ Русичей
Славить князя и княжаго первенца...

Какъ надъ быстрой рѣвкой надъ широкою,
Вдоль по горкѣ крутой, по обрывистой,
Словно по полю кинуты цвѣтики,
Все стоятъ терема княженецкіе.
Они рядомъ стоятъ и въ разсыпочку,
Со рѣшетками, бѣлыми крыльцами,

Со рѣзными по кровлямъ перильцами,
 Вдоль оконъ съ кружевами узорными,
 Съ пѣтушками на вышкахъ дозорными,
 По конькамъ и гребнямъ золочёные,
 А по звеньямъ съ угловъ обведёные,
 Будто сѣтью, изъ древа рублёными,
 Полотенцами бѣло-точёными.

Вдоль по горенкамъ стѣны тесовыя
 Все парчей, да камкой изувѣшены,
 Узорочьями все цареградскими;
 А въ углу, гдѣ кивотъ златокованный,
 Княженецкое знамя поставлено,
 Парчевое, съ зелеными коймами;
 На томъ знамени златомъ написаны
 Чуденъ Спасъ, со своею Пречистою,
 Гавріиль и Михайло Архангелы,
 Еще всѣ ли тутъ силы небесныя.

Самоцвѣтныя окна растворены;
 Смотрятъ въ нихъ со двора слуги-отроки;
 А за скамьями, шелкомъ обитыми,
 Аксамитомъ, коврами покрытыми,
 По десную и лѣвую сторону,
 Вокругъ князя сидятъ други вѣрные,
 Богатырскія сильныя силушки...
 А у стѣнокъ рядкомъ стоятъ стражники,
 Съ топорами стоятъ со булатными,
 И на всякомъ-то шапка бибряная,
 По краямъ чистымъ соболемъ браная;
 Однорядка на плечахъ скарлатная,

Кисея на сорочкѣ печатная;
Изъ зеленой парчи налокотники,
На ногахъ семицвѣтныя лапотки;
А кафтанъ голубой, онъ камки дорогой,
Не камка дорога, что узоръ хитерьъ:
Словно по небу звѣзды разметаны,
А крумъ-то все травами травлено...
И летятъ изъ оконъ во все стороны,
Будто гусли поютъ златострунныя,
Рѣчь и гуль со стола княженецкаго...

Какъ вставалъ свѣтель князь изъ-за трапезы,
Поднимались за нимъ, какъ за зорюшкой,
Какъ за ясною, звѣзды сысучія,
Все бояре, князья, все дружинники...
Они вышли, съ тесоваго глянули,
И толпа на дворѣ колыхнулася,
Крикомъ крикнули люди веселые,
Шапки вверхъ надъ толпой заматалися.

Что не часъ и не два, вдоль по выгону,
Ходить людъ, про себя забавляючись,
Про себя по душѣ игры строючи.
А кругомъ на лоткахъ птицы жарены,
Птицы жарены, бѣлыя лебеди,
Кабаны, по клыкамъ золочёные,
Да быки, по рогамъ серебряные.
Виночершія черпаютъ чарочки,
Хлѣбодары кладутъ на столъ прянички,
У воротъ хороводъ завивается,

Онъ подъ гусельный звонъ завивается ;
 И бѣгутъ изувѣшены лентами
 По травѣ скоморохи веселые,
 Скоморохи, гонцы и глашатаи...

Тутъ, когда пили всѣ, потѣшались,
 Всѣ играть межъ собой собиралися,
 Какъ-бы во полѣ черные вѣроны,
 Табуномъ во дворѣ табунилися —
 Приворотники игрища зачали...
 Они зачали свайкою тѣшиться.

И самъ князь, ласковъ князь, выступаючи,
 Парчевой кушачекъ оправляючи,
 Свайку бралъ, лѣвый глазъ зажималъ и кидалъ
 Подъ крыльцо онъ въ кольцо золочёное...

Вдоль по выгону дѣти посадскія
 Межъ собой стали тѣшиться бабками.
 Подходилъ свѣтелъ князь къ малымъ дѣтушкамъ,
 Ставилъ конъ со своими боярами,
 Выстидалъ городъ частокольчатый,
 И металъ со носочка, не брезгая,
 Вдоль по выгону битки свинчатые...
 И неслышно летѣло веселіе,
 Въ славу князя и княжаго первенца.

Черезъ день собиралъ князь дружинниковъ,
 Выходилъ на поля потѣшатися,
 Во поляхъ побивалъ тьмы ордынскія,
 Да и тѣхъ поморянъ побережниковъ,
 Что своихъ ли враговъ вѣковѣчныхъ...

А и тутъ не гроза подымалася,
Подъ горою труба откликалася...
Разступается рать на двѣ стороны,
Подбѣгаетъ ко княжему стремени
Въ рысей шапкѣ гонецъ, самъ запыхался,
Скороходъ говоритъ громкимъ голосомъ:
— «Свѣтель князь, выводи свои полчища!
«Подступаетъ къ тебѣ сила велія,
«Сила велія, рать печенѣжская.
«Самъ Каганъ съ ней идетъ, ставитъ ставочки,
«А тебѣ шлетъ привѣтъ, слово грозное:
«Что не даромъ онъ шелъ и не попусту;
«Онъ пришелъ покорить князя вольнаго,
«И не силой пришелъ, и не ратною,
«А простою такою забавою.
«Говоритъ: полно ратями тѣшиться,
«Изберемъ во дуга поединщиковъ.
«Покоритъ твой маво — я отправлюся
«И три года въ войнѣ жить закаюся;
«Если жъ мой, свѣтель князь, не прогнѣвайся...
«Въ Кіевъ-градъ со луговъ я пожалую,
«Златоверхую сѣнь выжгу, вырублю,
«Всѣхъ бояръ у тебя возьму въ конюхи,
«И тебя самого, ео княгинею,
«Въ заточенье возьму вѣковѣчное!»
Усмѣхнулся тутъ князь и отвѣтствовалъ:
— «У меня ли, у князя у вольнаго,
«Не найтися врагу супротивника,
«Коль однихъ у меня богатырскихъ силъ
«На сторожѣ стоитъ семь дѣтинушекъ:

«Щелканъ богатырь, сынъ Дудентьевичъ,
 «Самсонъ богатырь, Колывановичъ,
 «Полканъ богатырь, сынъ Ивановичъ,
 «Свѣтогоръ богатырь, и Полканъ другой,
 «И Суханъ богатырь съ богатырской семьей,
 «Да и онъ ли Добрыня Никитьевичъ?
 «Ты бѣги, скороходъ къ Печенѣжину,
 «Отвѣчай: ради мы гостю честному!
 «А и день не зайдетъ, свѣтъ не смеркнется,
 «Мы отыщемъ ему поединщика;
 «Не силачь богатырь, пойдетъ всячина,
 «Да и нѣтъ той души во поднѣбесной,
 «Чтобъ сломила когда силу русскую!»

Скороходъ побѣжалъ по дороженькѣ,
 Только пыль по слѣдамъ закурилася....

А народъ загудѣлъ и задвигался,
 Будто лѣсъ загудѣлъ въ непогодушку.
 И ходилъ онъ и клялъ бусурманина,
 Звалъ его и собакой и дьяволомъ,
 Что зачѣмъ-то на Русь онъ собирается,
 И со всѣхъ со сторонъ парни-соколы
 По травѣ-муравѣ отзывались,
 На борьбу выходить выкликались.
 Молодые бойцы лезли плечикомъ,²
 Подвигались впередъ изъ-за старенькихъ;
 Да и старые то-жъ не смирялися,
 Расправляли могучія рученьки
 И чесали сѣдые бородушки...

II.

Не орлы солетались на рѣченьку,
 Не орлы, да не сѣрые кречеты;
 Свѣтель князь выступалъ степью вольною,
 Что кругомъ-то, какъ море, раскинулась,
 Выступалъ со своею дружиною...
 И стѣной становились, какъ встрѣтились,
 Бусурманская рать противъ княжеской.

Возсѣдалъ тутъ Каганъ на сѣдалищѣ,
 Ставилъ боги, изъ камени сѣчены,
 Возжигалъ противъ жертвы цѣнныя,
 Многодымныя жертвы, кумирныя.

Свѣтель князь становился подъ яворомъ,
 Подъ зеленымъ, широко-раскидистымъ;
 Вкругъ него замыкались стражники,
 А надъ нимъ поднимали съ молебнами
 Княжецкое знамя походное,
 Парчевое съ зелеными коймами...

То не слонъ во чистомъ полѣ слонится,
 Не сырой дубъ во полѣ качается,
 Что качается, слонится чудище,
 Человѣкъ-Печенѣгъ, сила крѣпкая.
 Онъ идетъ не идетъ, самъ шатается,
 Охомъ сирѣ-человѣкъ подпирается.
 А на немъ-то броня трехпудовая,
 Армячекъ на плечахъ густо-звѣнчатый;

На башкѣ-то сидитъ шапка рысія,
 Черепъ голъ, какъ котель, очи крысія;
 Черепъ голъ, какъ котель, самъ собака хитерь:
 Что куда голованъ ни повернется,
 Тутъ въ народѣ и вольныя улицы,
 Плакуны ревунамъ громко плачутся,
 Бѣгуны скакуновъ гонять въ запуски.
 Да какъ сталь-то силачъ, пріосанился,
 Да на весь-то народъ и разлаялся:
 —«Выходи, говоритъ, Русь поганая,
 Полно спать, ты узнай каковы-де мы!
 Ужъ и нѣтъ на землѣ нашимъ супротивъ:
 Мы весельцемъ махнемъ — корабли разобьемъ,
 Кистенемъ мы метнемъ — караванъ въ плѣнъ возьмемъ,
 А рукой поведемъ — съ красной дѣвицей прійдемъ.
 Выходите на битву, не бойтесь!
 Я не всѣхъ положу въ лоскъ на травушку,
 Сохраню человѣка на сѣмены!»

Оробѣлъ тутъ народъ, его видючи...
 Молодые бойцы пріумолкнули,
 Да и старые тожъ поосунулись,
 За молоденькихъ всѣ схоронилися!
 И напрасно кричали тѣ вѣстники,
 Нарочитые князьи глашатаи,
 На врага удалца вызываючи...
 Да не долго орда потѣшалася:
 Тѣмъ не долго орда похвалялася,
 Будто русскій народъ только хвастаетъ...

Разступается людъ на двѣ стороны,
Къ князю старецъ выходитъ засельщина,
Слово молвить ему деревенщина:

— «Сударь князь, не казни, слово выслушай!
«У меня на селѣ есть дѣтинушка,
«Парень Янъ, Усмошвѣцъ по прозванію.
«Его силушки, князь, я не вѣдаю,
«Да и самъ, почитай, онъ не вѣдаетъ;
«Только съ дѣтства никто съ нимъ не игриваль,
«Шутки съ нимъ во забавахъ не шучиваль!
«Было разъ, мялъ онъ кожи на торжище,
«На меня старика младъ разгнѣвался
«И порваль по поламъ кожи крѣпкія,
«Сыромятныя, вдвое положены!
«Не обидь ты его, сударь-батюшка,
«Прикажи съ супостатомъ помѣриться!»

Говорилъ свѣтель князь: — «Старецъ вѣрный мой,
«Гдѣ же сына тваво намъ отыскивать?
«Врагъ не ждетъ, да и время намъ спѣшное!...»
— «Надо парня искать, князь, позади всѣхъ,
«Во кружалѣ твоємъ во веселѣемъ;
«Съ голыдьбою тамъ со кабацкою,
«Отъ утра до утра, младъ-дѣтинушка,
«Любитъ пѣсни водить, любитъ бражничать,
«Свѣто-русскую душеньку тѣшит!»

Посылалъ князь гонцовъ за дѣтинушкой,
Ждалъ пождалъ, оглядалъ свои полчища;
Да и тутъ не успѣлъ слова вымолвить,
Во лугахъ парня Яна завидѣли...

Свѣтлорусъ шель дѣтина приземистый,
 Кудреватъ да румянъ; усъ-бородушка
 Первымъ пухомъ въ лицѣ пробивалися.
 Шель онъ смутно, и самъ не гадаючи,
 Отчего въ немъ вся душенька маялась.
 Что въ одной ли дѣтина сороченькѣ,
 Вдоль подола, груди и по вороту
 Бѣлой, вышитой синими стѣжками,
 Въ подрукавникахъ съ алыми клиньями,
 Онъ веревкой одной подпоясанный....

И пытали его силу крѣпкую,
 Выпускали быка на дѣтинушку —
 Выпускали быка разъярённаго,
 Раскаленнымъ шипомъ обожжённаго.
 Какъ бѣжалъ ярый быкъ вдоль по выгону,
 На лету ухватилъ его молодець,
 Ухватилъ на лету, не шелохнувшись
 И ногою на пядень не сдвинувшись.
 Онъ живьемъ со груди смуропепельной,
 Какъ заяль пятернёй край подплечія,
 Вырвалъ съ кожею клинъ мяса алаго,
 И живьемъ мясо алое, съ кожею,
 Надъ толпою поднялъ, усмѣхаючись....

Тутъ умолкли кругомъ рати грозныя;
 Вольный конь вдоль по степи размѣряли;
 Становились на конь поединчики.
 Вѣстовая труба откликалася,
 Удалая борьба начиналася...

III.

Поглядѣль на бойца малорослаго,
 Сталь смѣяться сичачь-бусурманщина:
 — «Ужь и гдѣ же бывало то видано,
 «Чтобъ такой мелкотой битву красили?
 «Ужь остался бы лучше ты съ бабами.
 «Веретёна строгаль, спалъ безъ просыпу!....»
 Выходиль парень Янъ на противника,
 Ни повадкой, ни рѣчью не хвастая.
 Тихимъ походомъ шель, словно нѣхотя,
 Словно парень робѣль, не умѣючи,
 На врага-то и глянуть не смѣючи....

И схватились бойцы, крѣпко обнялись,
 Будто братья родимые обнялись....
 Они долго бойцы приловчались,
 Будто братья съ собой цѣловались!

Туть и дрогнули рати дозорныя;
 Громкій кличъ пролетѣль надъ долиною...
 Парень Янъ подхватиль бусурманина!
 Подхватиль онъ его, словно дитяtko,
 Прижималь ко груди пятипяденной,
 Да потомъ, какъ развелъ руки крѣпкія,
 Попритиснулъ врага къ своей душенькѣ—
 Туть и смерть-то ему приключилася....
 Удавиль на груди супротивника,
 И съ размаха ударилъ имъ о землю,
 Индо вольная степь перекликнулася!...
 Поломалъ ему сразу все крѣпкія,
 Все суставы, все рѣбра и голѣни....

Тутъ завыла орда, заметалася,
 И во всѣ во концы разбѣгалася;
 А покамѣстъ бойцы свѣторусскіе
 Выходили въ погоню семейками,
 Бѣглецовъ догоняли за рѣчкою,
 Калачами совстрѣчниковъ потчуя,
 Аль-кумачъ по травѣ разстилаючи,
 Зубы бабамъ на бусъ подбираючи —
 Свѣтель-князь отличалъ добра молодца,
 Восхвалялъ онъ его, приговаривая:
 — «Ужь теперь-то тебя мы пожалуемъ,
 «Отличимъ, наградимъ, жевимъ молодца;
 «Только тѣшься, живи, младъ дѣтинушка,
 «Во чести, во пирахъ, во забавушкахъ,
 «Да плоды въ нашу честь племя сильное,
 «Племя сильное, честью обильное —
 «А и въ немъ наша Русь не умалится
 «И вовѣки-то ею восхвалится!»

Ворочался тутъ князь въ свои ставочки,
 Созывалъ своихъ слугъ и приспѣшниковъ,
 Нарекалъ тѣ мѣста Переяславомъ,
 Переяль-де онъ тамъ славу вражію —
 Возсѣдалъ за столы княженецкіе...
 И опять пили всѣ, прохлаждалися,
 На привольѣ своемъ потѣшались.
 Они славили князя съ княгинею,
 Первороднаго княжаго первенца,
 И бойцовъ, и весь свѣтъ, и веселіе...
 На пиру тутъ сидѣли старѣйшины

И сложили такое вѣщаніе:

— «Не удачей возьметъ, не уловкою,

«Не мудреной какою снаровкой,

«Своей силой возьметъ Русь-кормилица:

«Передъ ней же ничто не схоронится...

«Какъ пойдетъ, все на свѣтъ сторонится!»

—

Разскащикъ замолкъ. Смутный говоръ пошелъ между служителями. Толмачи на скоро передавали иностранцамъ содержаніе сказки. «Ну, спасибо тебѣ, Устинь! И тебѣ спасибо, Артамонъ Сергѣевичъ!» сказалъ царь. Матвѣевъ поклонился и далъ знакъ. Царскій кравчій, поднесъ Устину на серебряномъ блюдцѣ кубокъ ренскаго. И кубокъ и блюдцо царь пожаловалъ сказочнику. «Ну, Устинь!», продолжалъ царь: «не полно ли тѣбѣ шататься по свѣту? Оставайся-ка у насъ, на Москвѣ! Ты будешь мнѣ замѣною Веденихта Тимофѣева...» «Прости, царь-батюшка!» возразилъ сказочникъ: «смилуйся и не гнѣвайся! Канарейка-птица хорошо поетъ въ клѣткѣ; а супротивъ соловья ей не справиться! Тѣсно мнѣ будетъ въ твоемъ теремѣ, да и платья-то золоченаго носить не съ умѣю; а на пути, да на раздольицѣ, пѣсня сама споется и сложится! Отпусти, царь-батюшка; довольны мы твоею государскою милостью—и внукамъ и правнукамъ о ней расскажем!» Царь не настаивалъ и отпустилъ его съ миромъ.

Вечеръ кончился еще однимъ событіемъ. Когда иностранцы разошлись, два стрѣльца внесли и поставили на столъ передъ царемъ невысокій желѣзный ящикъ, съ ликами святыхъ угодниковъ по сторонамъ и скважиною въ крышкѣ. Ящикъ былъ запертъ на замокъ, ключъ отъ котораго висѣлъ у самого царя за поясомъ. Его вносили, такимъ же порядкомъ, каждый вечеръ въ царскіе покои со двора терема, гдѣ жилъ царь. Тамъ этотъ ящикъ стоялъ, на столбѣ, у оконъ для веѣхъ проходящихъ. — «А, челобитныя! Это по твоей части, Фроль Демьянычъ!», сказалъ царь, обращаясь къ низенькому сѣдому, тучному старичку, правившему судными дѣлами. — И, отперши ящикъ, сталъ вынимать оттуда и подавать ему для прочтенія челобитныя, опущенныя съ утра того дня. — Старикъ читалъ: — «Челобитная на Степанка, да на Иванка, да на Алексѣйку Карнаухова, да на Микитку Груздева; бьютъ тебѣ, великому царю и государю всея Русіи, сироты твои хресьяне, Ортемка, да Лука, да Костя Суздальскіе. А намъ, господине, жалоба на нихъ, что взяли они у насъ и оттягали прудъ и меленку; а гуся ихъ огороды наши, и сады, и грядки портятъ. Смилуйся, батюшка, и защити!» — «Ну, Фроль Демьянычъ, отпиши къ воеводѣ, чтобъ собралъ и выслушалъ челобитчиковъ, и дѣло бы рѣшилъ, и намъ бы отписалъ!» — «Челобитная Ѳедьки Чемеря», продолжалъ старичекъ: «на Афонасія Периннова! Доношу, осударь-

отецъ, что онъ, лихой человѣкъ, Афонасій Перинновъ изъ пограничной крѣпости, изъ Тора на Донцѣ бѣжалъ, и съ Туркомъ не дрался, и въ бой не шелъ. А у меня, Ѳедьки Чемеря, укралъ шубу боранью, и пять алтынъ денегъ, и новую ширинку.» — Царь улынулся. — «Запиши, Фроль Демьянычъ: едѣлатъ обыскъ, и коли вернется Афонька изъ побѣгу, за воровство бить батоги нещадно, и отдать Ѳедькѣ Чемерю взятое, шубу, деньги и ширинку!» — Старикъ продолжалъ: — «Челобитная тебѣ, великому царю и многомилостивцу, сирыхъ защитнику и правды поборнику, на ярославскаго воеводу, на грабителя и губителя. Заграбилъ онъ у насъ, сиротъ и у немощныхъ, и убогихъ, всякое состояніе, и гонитъ всѣхъ, и губитъ. А у Андрея Шестипалова дочь отнялъ и держитъ... Донесеніе смиреннаго раба и богомольца твоего, инока Евстигнея.» — Долго царь не произносилъ рѣшенія. Напоследокъ онъ сказалъ: «Нарядить сейчасъ гонца за воеводою, везти его сюда неуклонно! Давно я считаю за нимъ грѣхи и добираюсь до него. Инока же Евстигнея подъ стражу взять и держать до конца дѣла. Правъ будетъ, дать ему мѣсто архимандрита, али вотчину изъ воеводскихъ, али что пожелаетъ; а нѣтъ, такъ батоги! Смотри, Фроль Демьянычъ, не покривитъ душою! Гляди, чтобъ судьи судили по истинѣ, правили бы дѣло по правдѣ, и отнюдь бы не стыдились лица сильныхъ!» — Старикъ читалъ далѣе: — «Батюшка царь, берегись! Тебя извѣсти

хотятъ! Андрейко Лодіевъ, да Сухоня Василій, да поповичъ Серѣжка, на торгу, на Москвѣ-рѣкѣ, онамедни ходили, ходили и хвалились извести тебя, и всякія зелья сушили, и злобныя словеса говорили, и тебя и твоихъ бояръ корили, и царское твое имя поносили!...» — Царь не дослушалъ. — «Брось, Демьянычъ, эту ябеду, брось, да и самъ не читай, кто писалъ! Мало ли что языки мелютъ! Одни корятъ и хулятъ, другіе хвалятъ. Коли смотрѣть на собаку, что лаетъ, такъ еще подумаетъ, что и на льва похожа...» — Демьянычъ прочелъ еще двѣ-три незначительныя челобитныя. Въ одной погорѣлые крестьяне зарайскіе просили помощи; а въ другой жена жаловалась на мужа. Царь велѣлъ произвести обыскное слѣдствіе, пожаловать отъ своей казны погорѣлыхъ крестьянъ, а обвиняемаго мужа, коли окажется виноватымъ, постращать хорошенько, чтобъ жилъ въ мирѣ и согласіи съ женою...

Бояре и остальные гости разошлись около одиннадцати часовъ, а царь снова заперъ челобитный ящичекъ на ключъ, отдалъ его Фролу Демьянычу и пошелъ въ опочивальню. Тамъ онъ зажегъ лампадку у образа Богоматери и долго еще молился, въ тишинѣ смолкнувшихъ золотоверхихъ теремовъ, опускаясь и поднимаясь въ бѣломъ шелковомъ ночномъ бѣлашиѣ, надъ алымъ шерстянымъ коврикомъ, вышитымъ трудами богомольной и ласковой царицы его, Натальи Кириловны. И

долго царь еще не засыпалъ. Онъ сомкнулъ глаза, когда заря уже занималась и въ отдаленномъ монастырѣ раздавался благовѣстъ къ заутренней. Молитва царя была за дѣтей, за царицу, за Русь и за свою душу. Онъ молился:

«Владычица небесная! Спаси, помилуй, ублажи и просвѣти мое сердце! Свѣтъ Господень, просвѣщающій царей, да сойдетъ на очи мои! Дажь ми не сладу война, но мудрость правителя; не силу карателя, но любовь и милость и правду! Отныпѣ и во вѣки вѣковъ! Аминь!..»

Заря новая скоро покрыла своимъ невиданнымъ блескомъ старинные терема царей Московскихъ...

Царевичъ Петръ подросталъ не по днямъ, а по часамъ....

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Часть I.

СТРАН.

Предисловіе.....	1.
------------------	----

СКАЗКИ:

1. Снѣгурка.....	1
2. Живое озеро.....	7
3. Братъ и сестра.....	13
4. Младенцы-утопленники.....	19
5. Лѣсная хатка.....	25
6. Дѣдовы козы.....	29
7. Живая свирѣль.....	35
8. Смоляной бычокъ.....	45
9. Крымскій плѣнникъ.....	54
10. Бѣсы.....	63
11. Каратышка.....	69
12. Сказка про куму-лисицу, пастуха, рыболова и возницу..	79
13. Ивашко.....	91
14. Путь къ солнцу.....	103
15. Сонъ въ майскую ночь.....	111
16. Смерть.....	123
17. Папортникъ.....	129
18. Доля.....	139
19. Оборотень.....	145

ПОВѢСТИ:

Очерки XVII вѣка: 1. Соколиная охота.....	163
2. Двѣ зари.....	191



2007052579